

Турганбаев Элебай

**ЕЩЁ РАЗ К ПРОБЛЕМАМ ЭТНОГЕНЕЗА
ДРЕВНИХ ОГУЗОВ**
(на примере кыргызов и казахов)

Бишкек 2013

ЕЩЁ РАЗ К ПРОБЛЕМАМ ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНИХ ОГУЗОВ
(на примере кыргызов и казахов)

Рецензенты

доктор филологических наук, профессор Ч. Дж. Джумагулов

кандидат исторических наук Т. И. Асанов

В монографии отражены наиболее важные вопросы этногенеза древних огузов особенности сложных этнических процессов, происходивших в Центральной Азии с древнейших времен. Сделана попытка проанализировать и систематизировать китайские историографические исследования по средневековой истории и проблемы локализации древних городов в Средней Азии, а также материалов, в том числе ранее неизвестных, по истории древних кыргызов. На основе устных преданий выдвинуты и проблемы происхождения древнего тюркского языка тюркоязычных элементов, а также причины миграции огузов по просторам Центральной Азии. На большом фактическом материале затронуты процессы их исследования. Работа дает возможность сопоставительного изучения и предназначена для этнографов, историков и широкого круга читателей интересующихся историей Средней Азии.

ISBN

Бишкек 2013

*Светлой памяти давно канувшего в Лету гениального сказителя
эпоса «Манас» Бекмурата (Балыкооза) Кумар уулу,
и достойной памяти переписавший его рассказ
как историю происхождения кыргызов
Алымбекову Тургунбеку посвящается*

*Feci, quod potui, faciant meliora potentes
(Я сделал всё, что мог, кто может, пусть сделает лучше)*

Введение

Docendo discimus
(Обучая, мы учимся сами) Сенека, «Письма»

Несмотря на достаточно доступные исторические данные китайских, арабо-персидских и других переведенных источников, а также по мере углубления изученности рунической письменности, относящиеся к древним тюркам, проблема этногенеза кыргызов (огузов) до сих пор является неотъемлемой частью еще более дискуссионной и сложной проблемы – проблемы происхождения тюркоязычных народов, так как научные исследователи [См. Худяков, 1995; Боровкова, 1989; Малявкин, 1989; Зуев, 2002; Кляшторный, Савинов, 2005; Азбелев, 2007; Пьянков, 2011 и т. д.] в территориальном отношении связывают их не только с Тянь-Шанем вместе с Ферганой или Памиро-Алаем, но и с Южной Сибирью, Монголией и Китаем. Вместе с тем, многие вопросы этой важной проблемы остаются до сих пор недостаточно решенными в исторической науке. Об этом говорилось и писалось достаточно много [см. Абрамзон, 1990], где существует множество разных, порой противоречащих друг другу гипотез, теорий и т. д., которые невозможно проанализировать в данном исследовании, ввиду его ограниченности. Тем не менее, к некоторым исследователям, чьи труды наиболее весомо повлияли на развитие истории кыргызов и в целом, и в отдельности, нам придется обращаться вновь и вновь, ввиду частых появлений новых исторических материалов и трактовок, так как наука не стоит на месте.

При этом надо признать, что если во времена Советского Союза историческую науку «породили» чисто партийной, то в последние годы, особенно после распада сей великой империи, наука начала страдать имперской болезнью, потому как с самой высокой трибуны стали требовать написать «хорошую» историю о своей родине. Как известно, спрос рождает предложение, если имеется заказчик, то найдётся и исполнитель. То есть осмысление прошлого происходит по национальному и региональному принципу. В настоящее время, к сожалению это и стало одним из «важнейших» задач исторической науки. Вследствие чего, как грибы после дождя, обязательно появляются откровенные фальсификации, порой не подкреплённые фактами, но поощряемые властью. Одни псевдоисторики взяли искусственно «удревнять» родную историю с присваиванием достижения племён и народов, давно сошедших с исторической сцены, найдя новых героев (порой с весьма сомнительной репутацией) [Глушенко, 2010. С. 5]. Другие пошли

ещё дальше, стали беспочвенно и бездоказательно навязывать теорию, что все народы мира появились гораздо позже, в процессе отпочкования от «одного этноса», даже от одного рода, разумеется, от того рода [Мокеев, 2010. С. 6], к которому принадлежат сами авторы. Яркий пример тому книга написанная ещё в 1776 г. (указывается 1154 г. хиджры) неким Казыбек-беком Тауасарулы [см.: Шапырашты Казыбек бек Тауасарулы, 1993. С. 86]. В самом деле, по григорианскому календарю 1154 г. хиджры должен был бы соответствовать 1741–1742 г. [см.: Орбели, 1961]. Как видно получившему в свое время научные и религиозные знания в крупных городах Малой Азии ученому было совершенно неведомо мусульманское летоисчисление, в котором содержится около 354 дней, что на 10 или 11 дней меньше солнечного года. Тем не менее, каким-то образом её автором было усвоено на два века вперед стилистика и язык современной журналистики [см.: Жусов, 1999. С. 91-94], и самое интересное в нём то, что все центральноазиатские знаменитые исторические личности и известные люди, видные государственные деятели вышли из одного генеалогического клана, к которому относится сам автор книги.

Такие негативные тенденции стали встречаться везде и кажется, что такие «научные» труды пишутся только для того, чтобы будоражить воображение. Скороспелые, наскоро сляпанные исследования обусловили передергивание, искажение или даже умалчивание некоторых исторически достоверных фактов. В конечном итоге, не принимая во внимание и общую закономерность развития истории, все чаще появляются диаметрально противоположные утверждения, противоречащие историческим фактам, чаще всего негативного характера, нетерпимость к прошлому тех или иных племён, народов, даже к истории того или иного соседнего народа. Внезапно появилось новое поколение «правильно сориентировавшихся» историков, считающие, что все исторические материалы, находившиеся или хранившиеся в том или ином регионе, относятся и принадлежать полностью тому этносу, который проживает в нем в данное время [Ильхамов, 2002; Камолиддин, 2004. С. 34-41]. В итоге большинство историков стали воспринимать современную границу государства как шаблон, будто она существовала с древних времен – без каких-либо изменений. Возможно, все это в науке очень плачевно аукнется в скором времени. При этом придется особо отметить, что и некоторые переводчики при сравнении древних топонимов почти перестав обращать внимание на точное современное место их расположения, допускают грубейшие ошибки. Например, при переводе известного труда Джамал ал-Карши «Ал-Мулхакат би-с-сурах», переводчики, основываясь на Рашид ад-Дина (Собрание летописей. Т. I. Кн. 2. С. 182) разъясняют, что ныне развалины Баласагуна «находятся в долине реки Чу, на территории

Казахстана в 24 км на юго-запад от г. Токмака» [Джамал ал-Карши, 2005. С. 112. Комм. 119].

Все это происходит в XXI веке, когда каждому должно быть известно, что исторический источник это не замысел чей то, а только материал, из которого можно извлечь максимальную информацию о прошлом времени, чтобы восстановить реальную действительность. Один из важных принципов историзма «необходимость привлечения всех без исключения источников, доступных историку при современном состоянии науки» [БСЭ, 1972. С. 582], а также методы изучения и изложения истории – если имеются очевидные факты, то скрывать их нельзя – хотя имеешь явную антипатию или симпатию, видимо уже забыт. Как известно, чтобы глубже и всесторонне проникнуть в сущность изучаемого объекта, нужно использовать все имеющиеся источники. Ведь немало было примеров в истории, когда при господстве одной идеологии или власти одного человека (для интереса одной страны или даже ради одного человека) намеренно искажались исторические факты – это искажало историю того или иного народа (периода). Выбор источниковой базы, определение архивных материалов служит только для того, чтобы в основном подтверждать единственную концепцию автора. Участились использование только «нужных» автору (региону, стране) источников. Сбор материалов также начал приобретать иное направление; такие тенденции, как сокрытие или замалчивание тех или иных фактов, относящихся к данной проблеме стало обыденным явлением. В современных исследованиях, по усмотрению авторов некоторые информации попросту перетасовываются. Поскольку отбор «фактов» не подчинен научному методу, такая «наука» представляет собой «ужасную мешанину», которая содержит в себе все (недостоверные данные, слухи и т.д.) и дает примеры всему. В силу этого эта «наука» абсолютно ничему не учит, более того, «заставляет мечтать», «опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания, растревляет их старые раны, вызывает у них манию величия и манию преследования, делает нации желчными, высокомерными, нетерпимыми и тщеславными», и в этом смысле «история – самый опасный продукт, выработанный химией интеллекта» [Афанасьев, 1991. С. 15–31]. Не все замечают и не признают, что по конъюнктурным установкам от искажения фактов или избежать ошибок невозможно. Если написанная история предназначена для влияния на общество той или иной эпохи, то она не может быть объективной. Поэтому неудивительно, что через какой-то короткий промежуток времени станут появляться совершенно другие исследования, перечеркивающие труд предыдущего автора [см.: Ртвеладзе, Сагдуллаев, 2006]. Изучение дополнительных материалов также оставляет желать лучшего, в большинстве случаев

нарративные источники оставались и остаются вне зоны внимания ученых-исследователей.

Тому можно привести немало примеров, например, вышедшему в Кыргызстане (г. Бишкек), в 2012 г. в сборник (в 14-и томах) «Кыргыз санжырасы» (т. е. «Санджир кыргызов» – генеалогическое предание о происхождении кыргызских племен) по каким-то соображениям не вошло «Балыкооздун санжырасы» («Санджир Балыкооза») – принадлежащий к той же санджире кыргызов. Даже, несмотря на то, что она вышла еще в 2009 г. отдельной книгой, с предисловиями и комментариями. Из нескольких авторов, писавших или собравших почти одинаковые материалы, относится к одному пренебрежительно, тем более автору дореволюционного периода – нельзя. Нелишним будет напомнить, что от этого может проиграть только наука. То есть, не учитывается должное право читателя – извлечь все необходимые факты, прежде всего для себя. Конечно, надо иметь в виду, что часто в преданиях в отношении реальных исторических событиях и личностях непременно присутствует фантастический образ или представление. Прежде всего, это обусловлено их устной передачей из уст в уста от поколения к поколению. При этом не будет простительно, если вместе с грязной водой (т. е. мифологией) выплескивать из ванны и самого ребенка (т. е. исторически достоверные факты). Фольклорные источники ценятся не только датировкой, но и содержанием. Бывали случаи, когда из объемистых рукописей для истории иногда пользовались всего одной или двумя названиями или именами, но это нисколько не умаляло его ценности. Например, в рассказе «Сиасет-намэ» [1949. С. 277] Низам ал-Мулька «мы не встречаем буквально ни одного эпизода, который бы в малейшей степени не мог быть подвергнут уничтожающей критике с точки зрения его достоверности», несмотря на это она считается одним из замечательнейших произведений восточного средневековья. Другой пример, работа В. В. Бартольда о «Книге моего деда Коркута» которое создало «...прочное научное основание для исторического и фольклорного истолкования огузского эпоса» [Бартольд, 1968. С. 9]. Как говорится, не бывает не уникальных рукописей. Все связано со степенью ее исследованности и в проведении сравнительного анализа. Поэтому, многие сказания, легенды связанные с этногенезом кыргызов мы должны не прятать, а вынести на всеобщее обозрение, подвергнуть детальному изучению, чтобы установить истину. На фоне новых исторических и археологических исследований проблемы относящиеся к этногенезу кыргызов, бытовавшие около двадцати-тридцати лет назад настолько изменились, что назрела необходимость в их принципиальном пересмотре. Существенным недостатком является и то, что большинство ученых-историков предыдущих времен не

обращали внимание на устные сведения и фольклорные материалы коренных народов, которые раньше были более доступными, чем сейчас. Кажется, что на это обстоятельство существенно повлиял большой авторитет тех ученых, которые в связи с наличием множества письменных (арабо-персидских и китайских) источников, относились крайне невнимательно к устному народному творчеству, сохранившихся в виде былин, легенд и преданий. Некоторые исследователи до сих пор не принимают во внимание устную историю («санджира») кыргызов, в большинстве случаев воспринимая их как сказку, фантазию или миф [Жолдошов, 2006]. Но, надо понимать, что «мифы – это отражение в сознании реальные события, донесенные народной памятью до более поздних времен в искаженном виде» [Таскин, 1968. С. 6]. Поэтому для решения проблемы этногенеза того или иного народа «должны быть использованы все имеющиеся в научном обороте и могущие быть ещё найденными источники и материалы – археологические, антропологические, этнографические, включая фольклорные, лингвистические, наконец, письменные (исторические) источники» [Кюнер, 1961. С. 16]. К сожалению, старшее поколение ученых не предполагало, что устные предания, выражающие историческое сознание народа имеет свойство рано или поздно иссякнуть вместе с его носителями.

Ряд объективных и субъективных причин также помешали этим же ученым в контексте тех дополнительных дисциплин рассматривать вопрос о продвижении кыргызов с запада на восток, хотя имелись на то больше оснований, чем наоборот. Именно такая постановка вопроса помогла бы ещё в то время решить некоторые проблемы, потому что народы Средней Азии в конце I тысячелетия до н. э. и в раннем средневековье испытывали нашествие западных народов чаще, чем восточных. Например, тюркская пословица, «когда меч покрывается ржавчиной, дела воина плохи, а когда тюрк перенимает нравы перса, плоть его становится зловонной» [ДЛТ, 2005. С. 677], показывает, что тюрки и персы были совершенно непримиримыми противниками. Западные соседи существенно отличались от восточных соседей по обычаям и традициям, а самое главное в религиозных, бытовых, хозяйственных и культурных отношениях. В «Книге царей» народы выступающие «под именем туров» были самыми упорными врагами «иранцев» [Пьянков, 2012. С. 602-605]. О воинственных нравах кочевых народов более обстоятельно разъясняет В. Бартольд: «Война между оседлыми народами, между культурными странами, требует больших человеческих жертв, тогда как в стычках, которые происходят между кочевниками, человеческие жертвы являются не правилом, а исключением. Часто набег обходится совершенно без пролития крови. Иногда наносят раны, но обходятся без убийства, стараясь его избежать, а если оно происходит, то

вызывает продолжительную смуту, применение закона кровного мщения и т. п. Самый факт, что убийство вызывает длительные раздоры и войны, показывает, что оно в войне кочевников – не общее правило, а исключение» [Бартольд, 1968. С. 427]. Тем более, сам В. Бартольд не отрицал движение кыргызов на восток, в Монголию, в результате которого, около 840 г. было уничтожено последнее кочевое государство восточных турок – уйгурское. Но, по его мнению, это был один из немногих примеров [Бартольд, 1968. С. 458]. Однако ученые почти не обратили внимание на то, что в китайских источниках, начиная с династии Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.), кончая династией Тан (618 – 907 гг. н. э.) не упоминается о крупных передвижениях, каких-либо северных «варваров» на запад, т. е. в Среднюю Азию, ибо она не осталась бы незамеченным. Потому что для Китая с севера существовала постоянная угроза, начиная с хуннской эпохи. Даже заключение мира для императора порой обходилось очень дорого, например, китайцы («табгачи») вынуждены были платить Бильге-кагану «золотом, серебром, зерном (или спиртом, в оригинале «исигти»), шёлком» [ПК (малый надпись), стр. 5]. Почтовые или иные структуры, а также внешние округа создавались именно по этой причине, где их администрация должна была постоянно следить за положением дел на смежных территориях. Интенсивность межгосударственных связей Китая имела прямое отношение к частоте поступления ко двору императора сведений об иноземных государствах. В свою очередь, по ним определялась внутривосточная обстановка как в самом Китае, так и в государствах Восточного Туркестана (через земли которых шли пути на запад) и в дальних странах Запада [Боровкова, 1989. С. 9].

Наверное, эти, возможно и другие факты отразились на мнении Грумм-Гржимайло, который, подходя к этой проблеме с обратной стороны, заключил, что «в доисторическую эпоху Алтайско-Саянское нагорье заселялось не цельными охотничьими племенами, а беглецами, осколками различных покоренных народов, искавшими в них убежища от врагов, из каковых элементов здесь засим и сложились уже племена, поражающие нас теперь разнообразием и смешанностью своих этнических признаков» [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 1]. Но, насчет кыргызов пришел к противоположному выводу, считая, что они переселились на Тянь-Шань, «вероятно, в XIII в.», в домонгольское время «киргизы-буруты» жили в Баргужин-Токуме, по соседству с бурятами [Грумм-Гржимайло, 1934. С. 180].

К сожалению, более точные сведения о передвижении кыргызов и казахов (т. е. огузов) и т. д. с запада на восток дает только эпос «Манас», в других известных устных преданиях об этом событии почти не упоминается. Невозможно не согласиться с выводами

отдельных ученых в том, что «причиной сложения такого грандиозного эпоса, как «Манас», может явиться какое-либо потрясение, оставшееся надолго в памяти народа». Однако, нельзя согласиться в том, что перемещения кыргызов происходило только «в связи с выходом на историческую арену кара-кытаев и монголов» [Молдобаев, 2004. С. 39]. Поэтому главной целью настоящего исследования является (на основе «Санджиры Балыкооза» и других материалов) попытаться доказать несостоятельность некоторых теорий и концепций, относящихся к проблемам этногенеза кыргызов, исследованных историками до этого времени.

Предлагаемая санджира является как бы предисловием эпоса «Манас» и сравнительно более подробно рассказывает историю огузов (угузов) до арабского периода; встречаются отрывочные сведения об образовании и очередного распада государства огузов; их племенная структура, состоящая из 12 родов; развитие межродовых отношений, взаимоотношения с соседними народами; строительство городов на берегах Сырдарьи в раннее средневековье, их месторасположение; причина и следствие переселения некоторых огузских родов в район Алтая и т. д. Особенность этих сведений заключается ещё в том, что Балыкооз (прозвище одного из сказителей эпоса «Манаса» Бекмурата Кумар уулу, жившего примерно в 1805-10 – 1880-90 гг.) не был знаком с работами В. Бартольда, Н. Аристова и др., человек неграмотный – был гениальным рассказчиком. Конечно, оставшаяся после него рукопись по своей сути представлена в многослойном виде, и в нем иногда встречаются неправдоподобные события, принимаемые автором за правду. Объективность исторического обзора состоит именно в том, чтобы упорядочивать всю информацию, просеивать ее через сито других источников, в том числе письменных.

Тем не менее, как увидим ниже, некоторые исторические события, устные рассказы изложенные Балыкоозом подтверждаются другими историческими источниками. Возможно, эти сведения в рукописях окажутся еще более ценными, если провести тщательный сравнительный анализ с аналогичными источниками, обработка и корректная интерпретация результатов других исследований специалистов. В исторической науке часто бывали случаи, когда два или несколько фактов, в географическом отношении расположенные далеко друг от друга, и друг с другом как бы не связанные, но по мере изучения (независимо от авторов) постепенно сплетаются, чередуются друг с другом, и наконец, дополняют, усиливают (или ограничивают) ту или иную концепцию, и самое главное рождаются (появляются) совершенно новые, иногда неожиданные выводы.

Итак, исходя из вышесказанного, историческую науку, посвященную этногенезу кыргызов можно условно разделить на три этапа: начальный этап охватывает период,

когда по объективным и субъективным причинам зарубежные письменные источники не могли повлиять на них, существовало естественно и самостоятельно, или скажем, в чистом виде. Попытки приспособить историю под интересы того или иного народа (правителя) тогда были им чужды, даже не предполагали, что история человечества – это история борьбы классов, поэтому большинство современных научных специалистов изначально их оценили однобоко, считая выдуманными. Этому этапу принадлежит большая часть сказителей «Манаса», чьи варианты дошли до нас, а также к ним можно присоединить и некоторых знатоков родовых генеалогий (напр., кроме Балыкооза, Бала Айылчы [Кыргыз санжырасы, 1994], Акылбекова Алымбека [Алымбектин санжырасы, 2007], Осмоналы Сыдыкова [Сыдыков, 1913] и т. д.), чьи предания каким-то образом удалось сохранить, или успели записать. Этот период в основном отличается тем, что родиной кыргызов в основном считали те земли, которые лежат между реками Сырдарья и Или, начиная с Алайских гор. В большинстве генеалогических преданиях, рассказывающих историю кыргызов до калмыцкого, или до алтайского периода, часто встречались топонимы связанные с бассейном Сырдарья и Алаем [Абдыракунов, 1988] и регион Восточного Туркестана вместе с рекой Или. «С боку Сарыкол (возможно, имеется в виду горный хребет между Памиром и Кашгарским оазисом; другое китайское название «Юймо» [см.: Мандельштам, 1957. С. 94]), широко раскинулся просторный Алай, шестиградье Туркестан, вправо Тарбагатай, на севере Сары-арка, в юге Хиндустан, с другой стороны продолговатый выступ Алатау, Ташкент, Талас, Каратау, претендовали на Или, и на Чу, испокон веков враги» [РКФ НАН КРБ, С. 124]. Иногда добавляли ещё Алтай, но только в связи с переселением или бегством из Средней Азии.

Второй этап ознаменовался тем, что на наших сказителей и историков начали оказывать существенное влияние труды русскоязычных исследователей. Здесь немаловажную роль сыграли работы Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Бартольда, Ч. Ч. Валиханова и т. д. Совокупность письменных источников, которых исконные жители раньше не знали, а предлагаемые ими научные выводы для них были почти революционными, конечно, производили должное впечатление. Поэтому знатоки санджиры, к тому времени успевшие обучиться грамоте, такие как Тоголок Молдо¹, Талып Молдо, казахский поэт, писатель Шакарим Кудайберды-улы [Шакарим Кудайберды-улы, 1990] и др. в своих историко-литературных произведениях стали ориентироваться на их мнение. К ним можно отнести и кыргызского

¹ Под именем «молдо» («мулла», «муэдзин») обычно подразумевают человека, учившегося в дореволюционной мусульманской школе и владеющего арабской грамотой.

историка Б. Солтоноева [Солтоноев, 1993]. Позже по своим научным взглядам к вышеперечисленным ученым присоединились также А. Н. Бернштам [Бернштам, 1955], Б. Юнусалиев, К. И. Петров [Петров, 1963], С. Г. Кляшторный, А. М. Мокеев, В. П. Мокрынин [Кляшторный, Мокеев, Мокрынин, 1988] и т. д. Названные ученые-историки не отрицали взглядов В. Бартольда (где краеугольным вопросом считается, что до XVI в. кыргызам была чужда исламская религия), и в основном придерживались его мнения. Однако, мнение «С. Г. Кляшторного, А. М. Мокеева и В. П. Мокрынина о переселении киргизов-кимаков с Алтая, развивая предшествующую гипотезу К. И. Петрова, ...имеет немало уязвимых мест. Так, пытаясь определить исходный район поселения по особенностям языка, культуры и антропологии современного киргизского этноса и указывая на сходство с антропо-лингво-культурными особенностями алтайцев, авторы совершенно не учитывают времени и места образования такого сходства. Современные алтайцы отнюдь не автохтоны Горного Алтая, и возникновение сходных черт могло произойти в пределах более широкого региона, включая Джунгарию и Монгольский Алтай» [Худяков, 1996. С. 180-195].

Отдавая должное вкладу, который внес В. В. Бартольд в тюркологию вообще и по отдельным вопросам истории тюркских и монгольских народов в частности (на них более подробно остановимся ниже), надо признать, что непререкаемый авторитет ученого не давал повода усомниться в ключевых вопросах, в том числе касающихся проблем расселения и этногенеза кыргызов. Например, признавая, что «рассказ о событии 201 г. до н. э. ничего не говорит ни об области киргизов, ни о ее местоположении» [Бартольд, 1963. С. 476], тем не менее, пришел к выводу, что «только в XVI веке впервые упоминаются киргизы в той местности, где они живут теперь, причем, как мы увидим, нет никаких сведений о том, как и когда они туда пришли» [Бартольд, 1963. С. 509-510]. Свои выводы он обосновывал тем, что «у киргизов сохранилась память только о движении из Ферганы в эту область; народ совершенно не помнит ни о том, что это движение было только возвращением на старое место, ни вообще о более ранних передвижениях и считает Фергану своей родиной» [Бартольд, 1968. С. 221]. На основе схожих умозаключений приходит к глубоко ошибочному мнению, что «борьба с калмыками настолько вытеснила у киргизов память их прежней исторической жизни, что они не помнят ни одного из своих передвижений, кроме совершившегося в XVIII в., после падения калмыцкой державы, обратного переселения из Ферганы в Семиречье, или Джетысуйскую область» [Бартольд, 1968. С. 465]. То есть сведения, которые по тем или иным объективным причинам сохранились в памяти народа в устной форме, фольклоре, как противоречащие

письменному источнику не стали заслуживающими внимания. Как видно за этой единственной фразой скрылась целая историческая эпоха. При этом бывали случаи, когда отдельные факты давали повод усомниться в этих выводах ученых. Именно поэтому, т. е. после непосредственного общения с кыргызами у Ч. Валиханова впервые появились обоснованные мысли (хотя сам был сторонником «енисейской» теории) о том, что «поскольку в преданиях самого народа, который совершенно опровергает это, не знает и не помнит о движении своем и единогласно считает своей родиной горы Анджанские, невольно приходишь к заключению, что не были ли киргизы (выходцы) анджанские? Действительно, что дикокаменные киргизы живут на нынешних местах, т. е. в горах от Кашгара до Андижана, издавна» [Валиханов, 1985. С. 51, 55, 57, 59]. К сожалению, он дальше не стал углублять эту гипотезу, видимо на нее не хватало дополнительных источников. Позже, на основе научных исследований (например, сопоставляя родоплеменные составы всех тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии), но с разных точек зрения, некоторые ученые-специалисты [Аристов, 1894; Маргулан, 1959. С. 175-201, и др.] пришли к такому же выводу, но эта гипотеза скоро попала под серьезную критику. К этому привело, в том числе и такие недостатки, как «...сравнительных исследований не производилось, не делалось и попыток выяснения, что в этнографических явлениях у изучавшейся народности являлось продуктом ее творчества, а что взято было ею извне, причем не делалось и различия между явлениями, свойственными всей народности, и такими, которые встречались у одной из ее частей, кости или рода» [Грумм-Гржимайло, 1926. С.1-2].

Историки, исследователи данного периода в основном исходили из той концепции, что «история кыргызов и история Кыргызстана по существу две разные исторические проблемы, связанные с разными видами источников» [Бернштам, 1998. С. 155]. Как видно не было обращено внимание на тот факт, что в ранних китайских источниках отсутствовали какие-либо сведения о «владениях» кыргызов вообще в Южной Сибири. Тем не менее, сложилось ошибочное мнение, что «Древние кыргызы возникли на территории Енисея и лишь впоследствии заняли территорию современной Киргизии» [Бернштам, 1998. С. 155], и по этому признаку народ, живший в I тыс. н. э. на Среднем Енисее, в Минусинской котловине условно стали называться енисейскими кыргызами [Савинов, 1984. С. 13]. Забегая немного вперед скажем, ещё тогда можно было заметить, что не было данных и об учреждении на Среднем Енисее административных образований иных государств [Азбелев, 2008. С. 461-462; Азбелев, 2009. С. 78; Кляшторный, 1964. С. 34-35]. Тем более, по периодизации они «могут относиться к более позднему времени (III-

V вв. н. э.)», поэтому «в целом же не отрицая возможности проживания гяньгуней в конце I тыс. до н. э. в Северо-Западной Монголии, приходится признать, что бесспорных доказательств этого нет и возможны другие точки зрения, также имеющие характер более или менее обоснованных гипотез» [Грач, 1984. С. 113-125].

Видимо, ученых тогда дезориентировала встречающиеся в китайских источниках сведения о динлинах (Dingling, Ting-ling), где сообщалось, что кыргызы («хагас») впоследствии «перемешались с динлинами» [Бичурин, 1950. С. 350, 351; Кюнер, С. 281, 282].

Дело здесь не только в В. Бартольде. Относящиеся к эпохе тюркских каганатов (VI-VII вв.) китайские источники начали давать более точные сведения о стране кыргызов, которое в данное время расположилось на Енисее [Бартольд, 1968. С. 40]. Так как, В. Бартольд видел динлинов предками «енисейских остяк», на этом основании и предположил, что «киргызы уже тогда, как впоследствии, жили на Енисее» [Бартольд, 1963. С. 476, 478; Бичурин, 1998. С. LXXIV]. На данном этапе проблема проникновения тюркоязычных народов на восток интересовала всех исследователей настолько, что на страницах печатных изданий часто появлялись нешуточные полемики. Доходило даже до того, что по каким-то особым соображениям (видимо, чтобы подкрепить личное мнение) отдельные ученые иногда допускали и недопустимое своеволие, например, С. В. Киселёв, обширно цитируя книгу Л. А. Евтюховой, без пояснений исправлял «VII-VIII вв.» на «VI-VIII вв.» [Азбелев, 2009. С. 85, прим. 8]. Эта проблема оказалась наиболее сложной и наименее разработанной.

Несмотря на существование таких множественных (как тогда казалось мелких) разногласий, как отмечено выше, «енисейская теория» происхождения кыргызов – гяньгуней В. Бартольда, на данном этапе стала основным ориентиром для большинства историков и археологов. Без сравнительно-ориентировочных материалов, т. е. без исходных данных, основываясь только на сведениях о существовании у тюрков обычая трупосожжения (в китайских источниках), отдельные археологи [Киселёв, 1951, С. 488-558; Евтюхова, 1957. С. 205-227], соотнося их к обряду характерных для таштыкский культуры, начали приписывать эти обряды к енисейским кыргызам, хотя нигде в источниках не говорится, что «гяньгуни хуннского времени сжигали своих покойников» [Грач, 1984. С. 113-125]. Позже было подтверждено, что материалы взятые из таштыкских склепов, которые ученые считают преемницей тагарской культуры, по периодизации могут относиться к более позднему времени (III-V вв. н. э.). То есть, представленные памятники тагарской и таштыкской культуры в Минусинской котловине, в итоге, не

имели отношения к этнокультурогенезу древних кыргызов. Как отмечали некоторые исследователи, в древние времена племена, «обитавшие на большом отдалении друг от друга, жили не в изоляции. Историко-культурное развитие древних племён отличалось большой общностью. Скифы на западе, савроматы Поволжья и Южного Приуралья, массагето-сакский мир Средней Азии, динлины, тагарские и майэмирские племена Саяно-Алтая, население Монголии, Прибайкалья и Ордоса пользовались идентичным оружием и конской сбруей, увлекались одними и теми же образами и настроениями в искусстве» [Файзрахманов, 2000. С. 31-32]. Поэтому «полное совпадение границ распространения археологических культур и расселения в этих пределах каких-то этнических общностей вряд ли возможно. Скорее можно говорить об ареальных соответствиях исследуемых культур, точная этническая атрибуция которых всегда будет требовать достаточно веских доказательств» [Савинов, 1984. С. 6-7].

Немного забегаая вперед, можно сказать, что, некоторые гипотезы «создавалась тогда, когда палеоантропология Центральной Азии еще совсем не была создана, или только начинала создаваться. Однако современные исследователи по инерции придерживаются этой гипотезы, не замечая, что она во многом противоречит современным данным. Эта гипотеза права там, где она утверждает древность и значительность исконного европеоидного населения Сибири, но как раз динлины не имеют к этому населению никакого отношения в антропологическом смысле» [Пьянков, 2011. С. 411–418]. Вместе с тем и вопрос о датировке и культурной принадлежности минусинских погребений (с конём) также не был окончательно решён [Худяков, 2001; Савинов, 1984. С. 15; Савинов, 2005. С. 232].

Уточним, взгляды вышеназванных ученых считать одинаковыми нельзя, они имеют эволюционный характер, постоянно развиваются и дополняются новыми теориями. Из них особо можно выделить теорию А. Н. Бернштама. Несмотря на то, что в его выводах преобладали ошибочные взгляды, он был одним из первых, кто на научной основе признал, и заметим, небезосновательно, о существовании кыргызов в составе «сако-усуньских и гуннских племенных союзов Тянь-Шаня и Семиречья, быть может, также горной Ферганы и Алая – как кочевая военно-демократическая периферия государственных центров Средней Азии, в первую очередь Ферганы, Ташкентского оазиса, отчасти Согда и средней Сырдарьи». Опираясь на древнекитайскую хронику (сразу оговоримся, которой, некоторые ученые-кыргызоведы до сих пор пренебрегают) «Вэй люэ» («Вэйское обозрение») и наличием характерных для того времени орхоно-енисейских рунических писем в Семиречье он пришел к выводу, что первые группы

кыргызов начали оседать в Северном Притяньшанье (долина Таласа) с 49-47 гг. до н. э., в связи с движением Чжичжи шаньюя [Бернштам, 1955. С. 16-26; Бернштам, 1998. С. 175-176, 214-217]. Хотя придерживался теории, что переселение кыргызов на Тянь-Шань происходило поэтапно, главная его заслуга состоит в том, что он не стал игнорировать эти сведения, наоборот сопоставляя их с археологическими данными, даже используя сюжеты из эпоса «Манас» старался реконструировать картины тех событий более детально, чем В. В. Бартольд.

Таким образом, несмотря на имеющиеся некоторые разногласия, на данном этапе все теории, относящиеся к этногенезу кыргызов складывались в пользу Енисея. Достижение кульминации вопрос этногенеза кыргызов явился причиной того, что 10 – 14 ноября 1956 г. Отделением общественных наук АН Киргизской ССР и Отделением исторических наук АН СССР была созвана сессия, посвященная этой проблеме, где приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Тувы, Алтая, Хакасии, Якутии, Бурят-Монголии и Татарстана. В итоге большинство участников дискуссии поддержало с центрической позиции тезис о том, что кыргызский народ и его культура образовались в результате взаимодействия двух основных этнических компонентов – центральноазиатского и среднеазиатского, причем согласились (предварительно), что первый из них сыграл доминирующую роль [ТКАЭЭ, 1959. С. 231-235]. Видимо, и здесь не обошлись без доводов В. Бартольда, кажушимися тогда безупречными.

К данной проблеме более основательно подошел академик Б. Юнусалиев, обративший внимание исследователей на то, что, «наряду с общекиргизско-алтайскими соответствиями в области лексики, фонетики и морфологии, которые отсутствуют во всех других родственных языках, мы имеем группу слов, наличных в языках киргизов отделов тагай, адигине, но отсутствующих у отдела ичкилик. Вот некоторые из них: «сонун – интересный, замечательный», «белен – готовый», «каалга – дверь», «унаа – рабочий скот», «керээз – завещание», «арга – средство, способ» и другие. Обнаружилось, что, во-первых, все эти слова имеются во всех монгольских (в том числе – в письменно-монгольском) языках; во-вторых, они встречаются, кроме указанных говором киргизского языка, в современном алтайском, тувинском и отчасти в хакасском, при отсутствии их во всех остальных родственных языках. Что это означает? Отсутствие этих слов во всех среднеазиатских и западных тюркских языках и в то же время наличие их во всех монгольских языках является неопровержимым свидетельством заимствования их киргизами и алтайцами от монголоязычных народов. Возникает вопрос: когда и где они

заимствованы? Для предположения, что киргизы заимствовали их в период нашествия монголов в Среднюю Азию, у нас нет никаких оснований, ибо в этом случае они (или хотя бы часть из них) должны были быть заимствованы казахами, узбеками, уйгурами, таджиками, туркменами или одним из этих народов. Поэтому наиболее вероятно предположение о том, что киргизы отделов адигине и тагай заимствовали эти слова скорее всего в поздний период общности киргизов и алтайцев на саяно-алтайских нагорьях. Отсутствие же этих слов в ичкиликском говоре может служить свидетельством того, что представители этого диалекта были в эпоху заимствования оторваны от своих соплеменников или они находились на крайнем юго-западе расположения киргизского народа в эпоху заимствования. ...В истории сложения киргизского народа алтайцы – наиболее поздняя и, пожалуй, последняя этническая группа, которая долго общалась с киргизами, но процесс их полного слияния с киргизами не завершился, оставив лишь ясный отпечаток в языке и в этнографическом облике алтайцев. ...Киргизы отдела ичкилик (теиты, кесеки и др.), видимо, находившиеся в эпоху киргизского великодержавия на крайнем юго-западе, т. е. в районах Ак-Су – Турфана, оторвались от основной массы киргизского народа в результате удара кара-китаев или монголов» [Юнусалиев, 1956. С. 25-38]. Разумеется, отсюда само собой напрашивался вывод, что переселились на Алтай не основная масса кыргыз-огузов, а какая-то часть, т. е. эта часть позже представляла отделение «адигине-тагай».

Однако на этой части заключения академика Б. Юнусалиева нельзя было поставить точку. Потому что тут же возникает вполне резонный вопрос, если все кыргызы енисейские, тогда почему некоторая часть (т. е. «ичкиликцы») остались в районах Ак-Су – Турфана? Тем более, Б. Юнусалиев почему-то не принял во внимание возможность прямых контактов кыргызов с носителями ирано-арабских языков (например, по мнению ученых, таджикский язык принадлежит к числу языков иранской группы, которая, в свою очередь, входит в состав индоевропейской семьи языков). Указывая наличие девятого гласного «э» («кэллэ» – голова) у кыргызов, проживающих в некоторых предгорных районах Ошской и Джалал-Абадской областей, которое в свою очередь относится по своему происхождению к иранскому или арабскому языку, он заключил, что они были приобретены в результате общения с уйгуро-узбекско-таджикоязычным населением этих районов [Юнусалиев, 1956. С. 25-38]. В итоге пришел к крайнему противоположному выводу, что формирование кыргызов как народа, произошло не на Тянь-Шане, а далеко на востоке, т. е. в верховьях Енисея и в районах Алтая, основываясь на вышеназванные труды В. В. Бартольда и С. В. Киселева. Таким образом, предполагаемые ранее гипотезы

Н. А. Аристова, А. Н. Бернштама показались ему менее убедительными, чем труды В. В. Бартольда и С. В. Киселева, поэтому теорию о том, что кыргызы пребывали на Центральном и Западном Тянь-Шане до VII-IX веков н. э., в частности на Таласе, с его стороны было решительно отклонено.

После ознакомления с «енисейской теорией» происхождения кыргызов, с применением лингвофривических методов, в нашей отечественной истории впервые стали появляться такие географические понятия, как Минусинская котловина – с переводом на кыргызскую транскрипцию «Миң өзөн» (миң – по кыргызски тысяча, «өзөн» – речка, река) [Кыргыз Тарыхы, 2003], а также озеро Кыргыз-нор и река Енисей – с кыргызской транскрипцией «Эне-Сай» [Молдобаев, 2004. С. 24; Кыргыздар..., 1991. С. 8], где «эне» – мать, матушка; «сай» – русло реки, может быть высохшее или пересыхающее. Конечно и Алтай, без которого изучение истории Центральной Азии было бы вообще невозможно. Но такие методы, еще в свое время, сам В. В. Бартольд считал неприемлемыми в науке и несовместимыми в научном исследовании, предупреждая, что «...прежде всего для филолога – не делать лингвистических сближений без знания языков, на основании простого языкового сходства (или, по крайней мере не считать этих сближений несомненной истиной)» [Бартольд. 1968. С. 340]. Ошибка состоит в том, что у тюрков в средневековье «проточная река» называлась «ариком» или «укузом», так как «огузы», употребляя это слово, имеют в виду реку Вади Банакат: на ней стоят их города, и те из них, что кочуют, селятся на ее берегах. Эти названия применяются ко многим рекам на землях тюрков» [ДЛТ, 2005. С. 99, 172]. Например, природная область, охватывающая Юго-Восточный Казахстан и часть Северного Кыргызстана под названием Джетысу – «Семиречье» не встречается даже в трудах более поздних авторов, пишущих на чагатайском языке. Өзен (бзён) по-телеутски сердцевина (дерева) [САА, 1884. С. 227]. К примеру, в рунических надписях (VIII в.) река Тогла встречается в виде «Тоҗла үгүз» [ПМ, 30], а Сырдарья «Йенчу-окуз» [Аманжолов, 2002. С. 153] и т. д. Таким образом, в древнетюркском языке Минусинск звучала бы как «Минарик» или «Минукуз», а Енисей не «Эне-Саей» и даже не «Ана-Сувом», а «Ана-Укузом», так как у М. Кашгари «сай» – каменистая местность [ДЛТ, 2005. С. 858], ана – мать [ДЛТ, 2005. С. 124]).

Современные историки «ура-патриоты» не стали брать во внимание лингвистические особенности, кстати, на верхнебийском диалекте «ана» – также обозначает мать, но слово «сай» – это дресва; мелкие камни на берегу реки [Мурзаев, 1984. С. 192], т. е. передача смыслового содержания не соответствуют друг другу. Другие стали понимать ее как «Эн-Саем» [Абрамзон, 1972. С. 67] где «ээн» (ææn [Аманжолов, 2003. С. 278-279])

переводится с современного кыргызского (а также с тувинского) как – пустынный, необитаемый; глухой, безлюдный; т. е. «Глухое (Безлюдное)-Русло», которое существенно отличается от языков других тюркоязычных народов (например, по казахски «іеп» [iyeŋ] – беспредельно обширный; плоский, ровный), а в словаре М. Кашгарского отсутствует. Так как, древние тюрки говорить на современном кыргызском и казахском языке не могли, поэтому интерпретировать ее с Енисеем будет грубейшей ошибкой. Следует также отметить, что коренные народы, например, ханты или эвенки считают ее дериватом Иондесси — «Большая река», другие объясняют [Поспелов, 1998. С. 183], что гидроним Енисей образовался сращением слов эвенкийского «енэ» и кетского «сесь» («река»). На тувинском языке Енисей называется Улуг-хемом — т. е. «Большой рекой» [Никонов, 1966. С. 136].

К примеру, река Джеты-огуз (Кыргызстан) никак не может быть связано с древнеуйгурским «идизом» (idiz) [Исаев, 1977. С. 123-135], где прилагательное «егиз» в позднеуйгурском языке обозначает высокий, возвышенный (о местности). При этом Д. Исаев не обратил внимание на числительное «джети» (семь), без которого теряет всякий смысл само название, так как там не встречается семь возвышенных мест. В самом деле, река Джетыогуз образуется из семи речек; левые притоки называются Атджайлау, Асантукум, Джетыогуз; правые Айланыш, Арчалытор, Телеты, Кашкасу.

Третий этап изучения этногенеза кыргызов появляется с осуществлением переводов мусульманской (арабско-персидской и чагатайской) исторической литературы и древнекитайской хроники, а также по итогам новых археологических данных, произведенных в Сибири и Средней Азии. Этот период особенно отличается от предыдущих двух тем, что на данном этапе методы сравнительного анализа истории поднялись на более высокий уровень. Ученые-историки стали относиться к устному творчеству коренного народа более основательно, и главное внимательно. К ним можно отнести этнографов С. М. Абрамзона [Абрамзон, 1972] и И. Молдобаева [Молдобаев, 2004], историка О. Караева [Караев, 1966; Караев, 1968; Караев, 1970], археологов Л. Р. Боровкову, Ю. С. Худякова [Худяков, 1995; 2000], Д. Г. Савинова, П. П. Азбелева, фольклориста Т. Абдракунова [Абдыракунов, 1988] и др., а также знатока родословной генеалогии кыргызов Усеин-хаджи из КНР [Үсөйүн ажы, 1994].

На основе сопоставлений, в основном восточных авторов, историк О. Караев подтверждает факт пребывания кыргызов на ныне проживаемой территории еще до монгольского периода, т. е. на рубеже I-II тысячелетий нашей эры. Собранные, и проанализированные материалы дали возможность ему сделать вывод, что район

Восточного Тянь-Шаня, Джунгарии и прилегающие территории были заселены кыргызами в X веке н. э.

К данной проблеме более осторожно подошел А. Мокеев, считавший, что центром этногенеза центральноазиатского компонента кыргызской народности в X – XI вв. было Прииртышье и Алтай. По его мнению, именно здесь складывалась «этнополитическая группировка, включавшая местные кимакско-кипчакские, тогуз-огузские, карлукские и господствующие кыргызские племена, переместившиеся сюда с Енисея в период «кыргызского великодержавия» [Мокеев, 2010. С. 246]. Переселившись в XV в. на Тянь-Шань, кыргызы ассимилировали местные тюркские и монгольские племена, в результате которого к середине XVIII в. окончательно сформировалась этнополитическая организация кыргызской народности [Мокеев, 1988; 1996].

Над этнической историей кыргызов больше всех потрудился С. М. Абрамзон, который в итоге процесс сложения кыргызской народности связывал с нынешней территорией его обитания и подчеркивал преимущественное участие в нем древних аборигенных племен и признал, что «этническим ядром киргизской народности не стали древнекыргызские племена Енисея, хотя их потомки, по-видимому, принимали участие в этногенезе киргизов» [Абрамзон, 1990. С. 6, 70].

Однако слабая изученность лингвистики, отсутствие должного сравнительного анализа сказывалась на работах ученых, иногда приводя к искажению фактов истории. Например, выводы, сделанные в прошлом веке историками, что кыргызский язык, «сложившийся на Тянь-Шане в XIII-XV вв., не принадлежит ни к той группе тюркских языков, на которых говорило населения Тянь-Шаня в домонгольское время (до XIII в.), ни к той группе, к которой относился язык енисейских киргиз» [Петров, 1963. С. 4] в настоящее время оказались следствием неполного изучения данной проблемы.

Конечно, без таких вспомогательных исторических дисциплин, как антропология, лингвистика, археология, этнография или историческая география и т. д. невозможно считать изученным историю отдельного народа. Наука не может стоять на одном месте, независимо от субъективных причин она должна развиваться и совершенствоваться, это явствует из того, что если раньше ученые в категорической форме принимали Енисей (или Минусинскую котловину) как прародину кыргызов, то теперь эта теория стала рушиться на основе новых и дополнительных источников [Табалдиев, 2009. С. 150-169]. Надо признать, что вышеперечисленным ученым не хватало нарративных источников, устного

творчества, фольклора изучаемого народа, отражающих в них свою историю, или те или иные значительные события. Эти пробелы начали наблюдаться ещё в прошлом веке, так как: «Замечательные произведения устного творчества имеются у алтайцев, киргизов и, вероятно, у амазонских индейцев и австралийских аборигенов, хотя языковые трудности мешают разобраться в последних случаях детально. Но это не беда. Главное то, что эти этносы отнюдь не «отсталые», а чересчур передовые, то есть уже достигшие глубокой старости» [Гумилёв, 2008. С. 334]. Однако и на современном этапе недостаточно используются такие устные источники, как родовые предания и родословные, постепенно исчезающие из народной памяти. К ним также относятся и народные предания, например, такие как санджиря Балыкооза, которые сохранились благодаря особенности устного творчества, и без которого изучаемый объект останется как бы незавершенным, не изученным основательно. Существуют серьезные свидетельства в пользу того, что часть, притом основная часть устной санджиря каким-то образом часто совпадает с арабскими и китайскими источниками.

Например, ещё в своё время народ хунну для восхваления или возвеличивания своих великих шаньюей применяли эпитет «Рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною...» [Бичурин, 1998, Т. 1. С. 58]. Почти 2 тысячелетия спустя в эпосе «Манас» это сравнение повторяется дословно:

«Асман менен жериңдин

Тирөөсүнөн бүткөндөй (букв. «сотворен, рождён из столпа небом и землею»).

Айың менен күнүңдүн,

Бир өзүнөн бүткөндөй... (букв. «сотворен, рождён самой луной и солнцем»)» [Орозбаков, 1979. С. 148]. Варианты; будто соткан он из лучей, светящей луны и солнца. ...Будто подпорный столб, между небом стоит и землей [МАНАС, 2013. С. 127].

В эпосе и преданиях полно таких детальных совпадений, которые выдумать просто невозможно.

К проблемам изучения этногенеза огузов

Вышеназванная рукопись была сдана в рукописный фонд (РКФ) НАН Киргизской ССР в 1947 г. сыном Алымбек манапа (1862–1930), Алымбекова Тургунбека, и в 1981 г. ему было дано условное название «Происхождение кыргызов». Это единственный список из серии исторических рассказов Балыкооза (Балык – букв. – рыба, ооз – рот = «Рыбий рот»; прозвище сказителя эпоса «Манас» Бекмурата Кумар уулу, жившего примерно в 1805/10–1880/90 гг.). Т. Алымбеков не раз подчеркивал, что эти «слова» (т. е. сказание об Отар-хане, т. е. историю огузов [в оригинале «угуз»] до нашествия арабов) остались ему от отца Алымбека, который не был ни писателем, ни поэтом, но был хорошо знаком со старинными узбекскими бейтами, казахскими песнями (өлен), вообще преданиями и стихами, даже некоторыми переводами арабско-персидской литературы (поэзии, прозы Фузули, Навои) и т. д. [РКФ НАН Кра, Д. № 10. Стр. 1-2]. В свою очередь сам Алымбек часто повторял, что эти «слова» не сталинские, не имеют отношения к ним и кто-либо другой, все «слова» начал запоминать у самого Балыкооза, примерно с 10-и лет. Также отмечено, что во времена Балыкооза, его знали наизусть почти все старики, и рассказы были очень объемными, именно из-за этого не смог запомнить полностью [РКФ НАН Кра, Д. № 2. С. 74]. К сожалению, в то время арабско-иранской литературе пришлось не по вкусу все эти исторические предания, так как исламская религия XIX века по своей сути отрицала историческую роль почти всех немусульманских ханов и государей, в связи с усилением пропаганды панисламизма.

Со слов своего отца Алымбека Т. Алымбеков приводит факт о том, что когда Балыкооз стал знаменитым, Аджибек датка (т. е. Аджибек датка Алчикенов, из рода сару, живший в первой половине XIX в.) однажды попросил рассказать это предание полностью ишану Азизходжу, который представился им потомком пророка Али (т. е. имеет в виду Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата, зятя и сахаба пророка Мухаммада, четвёртого праведного халифа мусульман и первого имама в учении шиитов). Балыкооз, как полагалось в то время, видимо ещё не вникавший во все нюансы ислама, начал с истории Отар-хана, где огузы поклонялись не исламу, а так называемому Куну Куту (об этом более подробно см. ниже), и закончил временами Манаса, где вместе с ним рассказывается о первых мусульманских пророках и халифах – борцов исламской веры. Ишан вначале слушал без какого-либо желания, но когда дело дошло до исламской религии, он стал слушать более внимательно, а после, при Аджибек датке предупредил Балыкооза о том,

что рассказы про борцов исламской веры душеспасительное, богоугодное дело, но нельзя говорить о немусульманах-кафирах, помышлявших что-либо против мусульманской веры, потому что на том свете, когда душа каждого человека будет призвана к ответу за его поступки, его душа безусловно попадет в ад – в огненную геенну. Это событие видимо и оставило глубокий след в его душе, что из-за боязни «огненной геенны» перестал рассказывать полный вариант истории Отар-хана, ссылаясь на исламскую религию и умудрился начинать с Ногай-хана, к которому религиозные деятели относились более лояльно. Со слов Алымбек манана он говорил так: «сын мой Алымбек, страх перед Аллахом сделал свое дело, после того я перестал рассказывать» [РКФ НАН КР, Д. № 10. С. 11-12], имея в виду Отар-хана.

Алымбек далее упоминает, что однажды, когда ему было 10 лет, Балыкооз пришел погостить к ним домой, и тогда отец Алымбека Акылбек попросил его спеть про Отар-хана – освободителя всех огузов [РКФ НАН КР, Д. № 2. С. 75]. Знаменитый сказитель согласился, но честно предупредил, что вынужден был сократить историю Отар-хана, так как изложенные в нем некоторые исторические события оказались в противоречии с тогдашней религиозной догмой ислама.

При этом Алымбек, со слов Балыкооза с сожалением констатировал, что именно по этой причине большинство преданий из этой серии не стали считаться достоверной историей, даже не было возможности их напечатать (здесь возможно он имел в виду, что в начале XX в. все местные книги выпускались с явным оттенком исламской религии, напр. см. «Мухтасар тарих-и Кыргызия» О. Сыдыкова, которая вышла 1913 г. в Уфе), и остались простой былинной («жөө жомок» – букв. «пешая сказка»), переходившая из уст в уста. Видно, что великий сказитель позже вник в суть религиозного фактора в общественно-политической жизни кыргызов. Раньше под «пешей сказкой» подразумевали устный фольклор вообще, так как, «большинство генеалогических преданий нашего времени выводит происхождение основных киргизских племен от Долона и его сыновей Ак уула (Агул, Абыл) и Куу уула. (Куул, Кугул, Кабыл)» [Абрамзон, 1990. С. 25], жизнь которых ученые относят примерно к XV–XVI в. Или, как объясняет Б. Джамгерчинов: «По народным преданиям и по «санджыра» киргизские племена в Тянь-Шане происходят от некоего Долон-бия и считаются «новыми» киргизскими родами. Особо выделяются так называемые «старые» киргизские племена, которые считаются в основном уже исчезнувшими, хотя их названия встречаются нередко среди позднейших киргизских родов, а также и среди племен других народов» [Джамгерчинов, 1946. С. 46-61]. В то время почти все кыргызы были безграмотными (в том числе и Балыкооз), не только в

светском, даже в религиозном отношении, поэтому основная роль идеологов ислама возлагалась на местных ишанов и мулл, которые служили вначале кокандскому хану, а позже религиозным татарам. Потому что, они «зная языки Средней Азии и культуру ислама, играли в ходе завоевания (и задолго до него) существенную роль посредников, переводчиков, первопроходцев, «проводников» и советников русских купцов и чиновников, учителей, мулл, знатоков местных обычаев» [Ланда, 1995. С. 127].

Сама рукопись имеет отдельную трагическую страницу. Алымбек знал, что из всех сыновей и внуков наиболее способный запоминать был внук Джамалбек (старший сын Т. Алымбекова), поэтому завещал ему записывать это предание. К сожалению Джамалбека забрали на фронт в 1941–42 гг., где он пропал без вести, поэтому после войны вместо него делать список приходилось Т. Алымбекову. По некоторым воспоминаниям Т. Алымбеков считался хорошим рассказчиком – но по его спискам видно, что он отнюдь не был профессиональным писателем. Однако, самое главная его заслуга состоит в том – все услышанное переписал, не делая никаких самостоятельных анализов, и оценок истинности информации. Список был использован в компилятивной форме впервые и единственный раз в книге С. Закирова «Кыргыз санджирасы» вышедшей в Бишкеке в 1996 г.

В рукописи имеются большие недостатки, например при чередовании тех или иных событий нередко приводятся совсем другие сведения, случившиеся еще раньше или позже. Видимо и записывавший на бумагу Тургунбек, сын Алымбек манапа, при изложении одного события, вдруг вспомнив другое, соединял их в одно целое. Кроме того, в рукописи вообще не были соблюдены всевозможные хронологические даты и последовательности. Грамматика, почерк и стиль автора оставляет желать лучшего, но здесь надо иметь в виду, что принятая тогда государственная программа ликвидации безграмотности сопровождалась материальными трудностями, нехваткой учителей, слабой методической подготовкой преподавателей.

Первая часть рукописи начинается словами, что все эти предания остались от Ураза (Ороз), все эти слова (в рукописи «сөз» – букв. «слова», но имеется в виду предание, история) остались от Отара (Отор), автор как бы перечисляет, что эта история стала рассказываться когда Отар стал ханом, когда был построен город Отара, когда Барак ханом стал, когда Барак стал десятичисленным (10 сан), когда Ногай стал десятичисленным, когда Аланча хан стал завоевателем всего мира, когда Крым стал сорокачисленным, когда стал Рим (Рум)-Римом, (возможно, речь идет о возникновении и падении Византии), Крым-Крымом, когда убили «кровопийцу Карача», когда лишились

Крыма, когда десятичисленный [народ] Барака пришёл в смятение [РКФ НАН Кра, Д. № 10. С. 6-8]. Как отмечалось выше, по словам сказителя, раньше [эпос] «Манас» начинался со времен Ураз-бия, который приходился одним из самых первых предков Манаса. В то время огузы, которые состояли из 12 родов «обитали берегов Сыра (т. е. Сырдарьи), где на каждом шагу держали кобылиц («сыдыра бээ байлаган»; от глагола «сыдыруу» – перен. ездить, ходить, тщательно осматривая, обшаривая; например, «кырды кыдырган, сырды сыдырган» – обшаривший весь свет; т. е. здесь имеется в виду, что все бесконечно делали кумыс; в научном смысле речь идет о хозяйственном укладе жизни), где в каждом доме варилась буза [т. е. домашний алкогольный напиток, который делают в основном из зерновых культур (пшеницы, проса или кукурузы) с помощью угута (см. ниже)], организовывали джора (жоро – компания, участники которой поочередно угощают остальных бузой; угощение это обычно устраивается в зимнее время), каждый джора имела своего бия (бий – «старшина») [РКФ НАН Кра, Д. № 2. С. 76-78].

Далее, поочередно излагается, «про освободивших [город] Самарканд, кто построил город Отара, про героя («берен») Отар-хана, который освободил всех огузов, когда врагами были иранцы (еренцы), их изгнали вышедшие (происходившие) из огузов – опоры, герои («берены»), вожди войск – нойоны».

К сожалению, сама рукопись, или точнее говоря ее вторая часть, где подробнее рассказывается о происшедших непосредственно перед тем событиях, когда Отар избирается ханом, сохранилась неполностью, не хватает нескольких тетрадей, последний раз её использовал исследователь С. Закиров, автор книги «Кыргыз санжырасы». Возможно, в утерянной части речь шла о хане Ураза, который приходился отцом Отар-хану.

Теперь, по порядку обратимся к письменным источникам. Одним из ранних сведений о местонахождении кыргызов находим в хронике Сань го чжи («Записи о Трёх царствах») – официальных исторических хрониках периода Троецарствия, охватывающие период с 189 по 280 гг. нашей эры. Заранее оговоримся, что на основании данных по исторической фонетике китайского языка было реконструировано оригинальное звучание этнонима, записанного китайскими иероглифами в формах «гэгунь», «гяньгунь» («цзянькунь»), «кигу», «хэгу», «гегу», «хягусы», «хягясы». Все они передают фонетические варианты термина «кыргыз» [Яхонтов, 1970].

Итак, Сань го чжи были составлены в конце III века наньчунским историком Чэнь Шоу (233–297 гг. н. э.), который описывал события с точки зрения династии (дома) Цзинь (265–

420). Она состоит из 65 глав. Позже, в 30 главу к утраченному сочинению Юй Хуаня «Вэй люэ» («Вэйское обозрение»), были включены подробные комментарии, южносунского историка Пэй Сунчжи (372–451 гг. н. э.) с дополнениями и уточнениями. В нем (т. е. в 30-й главе) говорится, что северо-западнее страны «Канцзюй» (в других источниках Кангюй, Кангха, Кангдиз [Бартольд, 1968. С. 297], о которой более подробно изложено ниже) расположились «Владение Цзянькунь (Кыргыз)». Однако по этим древнекитайским источникам более точно локализовать их местонахождение пока считается невозможным. Но в нём уточняется, что «гэгунь» (кыргыз) соседствовали с «Хуньюями, Кюеше, Динлинами и Синьлинами», и что «выше названные три государства, с Цзянькунь в центре, удалены от ставки сюннского шаньюя на реке Аньсишуй на 7 тыс. ли, на юге отстоят от Чэши и других шести владений в 5 тыс. ли, на юго-западе отстоят от Канцзюй на 3 тыс. ли, на западе отстоят от ставки канцзюйского вана в 8 тыс. ли» [МИКК 2, С. 15].

Из этих сообщений, необходимо особо отметить уточнение Пэй Сунчжи. Чтобы будущие исследователи синологи не запутывались в тех динлинах, он специально подчеркивает, что «некоторые считают, что эти динлины и являются теми динлинами, что находятся к северу от сюнну, а северные динлины, находящиеся западнее Усунь, по-видимому, другое поколение их» [МИКК 2, С. 15]. В свое время В. Бартольд также был знаком с этими материалами, но нашел противоречия пока неизвестные нам, вышеуказанного китайского автора Юй Хуаня, сочинения которого были утрачены ещё в те времена. Якобы, с его слов привел пример и В. Бартольд, который в свою очередь по «недосмотру Бан Гу» был введен в заблуждение и поместил страну Гяньгунь к северо-западу от Кангюя. В связи с этим и выводы де Гроота он находит ошибочными (о нем см. ниже). Ниже в комментариях отмечается, что «История трех династий» была собрана и отредактирована Чэнь Шоу, при этом историю династии Хань написал сам (т. е. без Бан Гу – Т. Э.), истории же двух других династий, в их числе и история Бэй (220 – 264 гг. н. э.), были составлены особой комиссией. Имя Юй Хуаня в ряду авторов этого сочинения не встречается» [Бартольд, 1963. С. 477, комм. 14]. Однако придется отметить, что китайскими историками, которые переписывали их, были использованы не только работа Юй Хуань, возможно, были еще другие сочинения, потому что на севере от хуннов жило ещё одно поколение динлинов, указывает и «Общее описание империи Дацин» («Дациньитунчжи»). «На юг от Северного моря (Бэйхай, Байкала) жили динлины, но это не те динлины, что на запад от Усунь» [Кюннер, 1961. С. 281]. Они то и остались как бы вне внимания некоторых учёных.

Таким образом, мы видим, что у динлинов было два поколения (племени) [Пьянков, 2006а. С. 215-238;], и одно из них находилось западнее усунунов [Пьянков, 2006б. С. 13-17]. В любом случае (по источникам) мы видим динлинов уже как исторически сложившийся народ, поэтому под «перемешиванием гяньгунов с динлинами» [Кюннер, 1961. С. 281-282; Бичурин, 1998. Т. I. С. 358-359] сделать односторонний вывод было бы неверно. Вполне возможно, таким образом, китайские источники выражали процесс образования новой конфедерации кочевников. Тем более, после комментариев южносунского историка Пэй Сунчжи более или менее точные сведения о кыргызах прерываются на определенное время. Позже мы их встретим в связи с разделением Западнотюркской империи на два каганата (VII в.), где Иби Дулу-хан долго провоевав с Хилишием, при реке Или заключает договор, по которому земли от этой реки на запад отходят во владение Дулу, а на восток во владение Хилиши. В этом документе кыргызы упоминаются вместе с родами Сяоми или Бома. О них более подробно остановимся ниже, видимо исчезновение промежуточных сведений о кыргызах объясняется образованием новой конфедерации кочевников, возможно в которую вошли вместе с родственными народами.

Дело в том, что и в «Истории династии Вэй» описывается о гаогюйских (высокотележных) динлинах, их предки первоначально состояли из двенадцати родов [Бичурин, 1998. Т. 1. С. 220], которые имели самоназвание. Тем более, что до сих пор нет точных доказательств, что «эти народы уже тогда называли себя турками». Термин «тюрк» прочно вошёл в научную терминологию, а в списке Т. Алымбекова этот термин отсутствует вообще, все события и до, и после арабских завоеваний связывают только с огузами, т. е. видимо сами не знали, что они были тюрками, или не считали себя таковыми. В списке встречаются в основном только огузы, состоящие из 12 родов, куда входили кыргызы, казахи, кыпчаки, народ курама, мангыты (белые и черные), 12 родовые тайчыки, семиродовые джедигери (во главе их стоял Семиголовый Джелден, который имел семерых храбрых сыновей), ногаи, кытай, катаганы, кальчи, 19 родовые конураты во главе с Сарыбай нойоном. Позже благодаря их объединению «стали процветать берега» Сырдарьи («Сыра»), а при Баласагын-хане огузами были построены города «Талас, Акыр-Таш, Туймекент». При этом особо отмечается, что находившиеся төбө (тюрк. тоба, тюбе, тепе – «холм») [в долинах] Или, Каркыра, Кеген, Иссык-Куль, Чу, Талас, Нарына, прибрежные стога (вытянутый в длину) или валы – все это были города построенные Баласагыном». Автор даже утверждает, что «некоторые говорят, что их построили калмыки. Не калмыки построили, а хан кыргызов, хан Отара – Баласагын построил. Кроме

того, от Таласа до Отара; большинства [масса народа живших] в горах Чаткала, Чандалаша, Аксы, Бетегели-Койташ, Андижана, Узгена, Алая, Мургулана – не только в землях Коканда, но и в той стороне, где кыргызы жили вперемешку (аралаш) – до Гиссар-Куляба – всех Баласагын сделал оседлым народом» [РКФ НАН КР, Д. № 2. С. 76-78, 173-174]. Видно, что в списке речь идет о городах и событиях задолго до образования Тюркского каганата. Даже не подозревающий о существовании этих сведений Н. А. Бернштам позже на основе сравнительных анализов с материалами раскопок произведенных в Ферганской долине и китайских письменных источников подтверждает роль и значение Северного Тянь-Шаня в раннесредневековье, центром которого являлся Талас – Чаткал. «Опираясь на «столичные» долины Таласа и, следовательно, Чаткала, тюрки смогли диктовать волю и всему Семиречью, и Ташкенту, и Фергане. Все эти области издавна были сродни кочевникам. Не случайно еще китайцы отмечали, что Фергана – страна усуней, что здесь, наряду с земледелием, разводят лошадей и баранов. Такой же буферной была и страна Шаш. Тюрки с Таласа и Чаткальских долин, опираясь на Фергану, западное Семиречье и Ташкентский оазис, сильно вдавались в земледельческие массивы Средней Азии, «висели» через Фергану над Усрушаной и Тохаристаном, через Ташкентский оазис – над Согдом, а, опираясь на низовья Таласа, Арысь и Чу (и фактически среднее течение Сырдарьи), – над Хорезмом» [Бернштам, 1998. С. 111]. Как видно ученому не доставало дополнительных источников, поэтому в том же абзаце допускает противоречащее самому себе вывод о том, что «Тюркское завоевание Ферганы в середине VII в. раз и навсегда обусловило ее отюречивание». Потому как на вопрос, куда делись первые группы кыргызов, по словам самого А. Н. Бернштама, которые осели ещё с 49-47 гг. до н. э., в Северном Притяньшанье (долина Таласа) «в связи с движением Чжичжи шаньюя» [Бернштам, 1998. С. 176; 1955.], остается тогда открытым. То есть, тот народ, который позже условно именуется их «тюрками», которые имели прямое отношение к Ферганским владениям ещё до тюркского периода, остались вне поля зрения ученого, так как кыргызы назывались «кыргызами» еще до «отюречивания», и оставались таким же и после. Отсюда вывод – если и было «отюречивание», то оно произошло намного раньше. Потому что, язык, обычаи, быт, традиции, которые приписываются «тюркам», существовали и до, существует и после них, хотя часто менялось название племени или страны. Вместе с тем менялось и произношение иероглифов, нередко и значения. На некоторых этих вопросах мы подробнее остановимся в следующей главе, но в своё время В. Бартольд также заметил, что «Присвоение слову ту'рк того лингвистического значения, которое оно имеет теперь, было, по-видимому, делом

мусульман. Арабы заметили, что многие народы говорят на том же языке, как те турки, с которым они имели дело в VII и VIII вв., и стали называть их всех турками». Даже Алишер Навои «ничего не знал ни о турецких поэтах, ни даже о турецких царях домонгольского периода; для него даже «султан Тогрул» был одним из «сартских», т. е. по терминологии того времени, иранских султанов» [Бартольд. 1968. С. 40; 1964. С. 203]. Несмотря на обильные противоречия у Л. Гумилева, надо признать и его вывод о том, что «Слово «тюрок» за 1500 лет несколько раз меняло значение. В V в. тюрками, как мы видели, называлась орда, сплотившаяся вокруг князя Ашина и составившая в VI – VIII вв. небольшой народ, говоривший уже по-тюркски» [Гумилев, 1993. С. 24]. Возможно, это был их родной язык, но из какого семейства он произошёл, к сожалению, мы можем только догадываться.

Безусловно, огузы или гузы состоящие из 12 племен, как упоминается в некоторых письменных источниках, являлись одним из основных ветвей тюрков (общее название), к которому относились многие роды, племена и кланы, первоначально заселявшие степь «напротив Мавераннахра» [Марвази, С. 185, 186]. В географическом труде Абу-Зейда ал-Балхи, написанном в 919/ 920 гг., который позже (930/933) обработал и значительно дополнил ал-Истахри говорится, что «Пределы страны гузов – то, что находится между хазарами и кимаками, и страной карлуков и болгар и границами мусульманских стран от Джурджана до Фараба и Исбиджаба» [МИТТ, 1939. С. 167]. У М. Ауфи более точное определение: «тюрки – великий народ, он состоит из множества родов и подразделений, и их семейства и множества неисчислимы. Одни из них живут в пустыне, другие – в степях, но живут также и в обустроенных местах. К наибольшим группам их племен относятся гузы, всего их 12 племен, одни называются огузами, другие – уйгурами. Часть из них, когда благодать ислама явилась в их краю, стали мусульманами и после того, как неверные возмутили там спокойствие, покинули свои земли и вступили в исламские города [Маркварт, 1914. С. 39].

Сведения о соседстве динлинов и кыргызов ближе к усунским владениям частично подтверждаются и в «Цянь хань шу», где говорится, что «Чжичжи отошел еще дальше на запад, ближе к усуням, и, желая объединиться с ними, отправил посла к малому гуньми по имени Уцзюду. ...Увидев, что усуньских войск много, а его посол не вернулся обратно, Чжичжи двинулся вперед, напал на усуней и нанес им поражение. Затем на севере он напал на Уцзе, и он покорился его власти. Вслед за этим Чжичжи послал войска на запад, разбил цзяньгуней, а на севере принудил сдаться динлинов. Так Чжичжи присоединил к

себе три владения. Он неоднократно посылал войска для нападения на усуней и всегда одерживал над ними победу. Земли цзяньгуней находились на расстоянии 7 тыс. ли западнее ставки шаньюя и на расстоянии 5 тыс. ли севернее владения Чэши. В них Чжичжи и остался жить» [Бичурин, 1998, Т. I. С. 92-93; Бан Гу, 1973]. Далее кангюйский владетель, часто стесняемый усуньцами, посоветовавшись со своими старейшинами, решил, что теперь Чжичжи-Шаньюя можно пригласить его на восточную границу, затем совокупными силами завоевать Усунь, поставить его владетелем; тогда нет причины опасаться хуннов. Тотчас отправили в Гяньгунь посланника сообщить это Чжичжи [Бичурин, 1998, Т. I. С. 94]. То есть речь идет об административной границе между Канцзюй и Усуней. На основе этих материалов Ю. Худяков приходит к выводу, что «Описание событий, в которых участвовал шаньюй Чжичжи, подтверждают, что в конце I тыс. до н. э. кыргызы обитали в Восточном Туркестане» [Худяков, 1996. С. 180-195]. Однако если исходить из того, что центром страны усуней должен быть Иссык-Куль, так как многие ученые этого не отрицают, тогда гипотеза локализовать кыргызов в Восточном Туркестане окажется ошибочной. Ведь в источнике не говорится, что после поражения усуней Чжичжи повернул свою войско на восток. В повествованиях Бан Гу путь – по которому прошел шаньюй Чжичжи построен более логично. В нем шаньюй Чжичжи вначале разбив войско своего брата Хуханье, поселяется в ставке (орде) шаньюя. Через некоторое время «повел свои войска на запад, чтобы напасть на правые земли и утвердиться в них». Потом, поняв, что своими силами он не сможет водворить спокойствие среди сюнну, отошел еще дальше на запад, ближе к усуням, где напал на них и нанес поражение. Вслед за этим напал на Уцзе (надо понимать, что они жили на севере от усуней) и покорил их, после, послав войска на запад, разбивает цзяньгуней (т. е. получается цзяньгуны жили западнее уцзе и усуней), а динлины жившие «на севере» цзяньгуней-кыргызов сами были вынуждены сдаться. Так, присоединив к себе эти три владения, Чжичжи остался жить в земле «цзяньгуней». Далее по стечению обстоятельств, убив ханьских послов, ожидая внезапных нападений, хотел уйти подальше. То есть, не отклоняясь, он все время продвигается на запад. «В это время правитель владения Канцзюй, постоянно теснимый усунями», думая использовать его против них, отправляет гонцов к цзяньгуням. Услышав о плане правителя Канцзюй, Чжичжи заключает «с ним союз и двинулся во главе войск на запад». Со своей стороны, канцзюйский правитель направляет навстречу «Чжичжи высокопоставленных лиц, а также послал несколько тысяч голов верблюдов, ослов и лошадей». Но по дороге от холода погибает много людей у Чжичжи, и «в Канцзюй пришло только три тысячи человек. Впоследствии духу Гань

Янь-шоу и его помощник Чэнь Тан с войсками прибыли в Канцзюй и обезглавили Чжичжи» [Бан Гу, 1973. С. 34-39]. «Так как усунь жили к северо-востоку, кангюйцы – к северо-западу от Ферганы, то граница между их владениями приблизительно совпадала с границей между Семиречьем и Сырдарьинской областью» [Бартольд, 1963. С. 26]. Как видим, ни одного намека на Енисей и Восточный Тянь-Шань. Более того, Ю. Зуев констатирует, что если Давань – это Фергана, то «на северо-востоке от Ферганы находилась и страна Усунь, и страна Сюнну, которую следует отличать от восточногоуннской конфедерации» [Зуев, 1960а. С. 10]. Интересно и другое прочтение, предложенное самим Ю. Зуевым о том, что «цзе-гу = k`it-kut (киргут)» или «киргур» – несомненно, обе названные формы восходят к наиболее раннему варианту термина кыргыз – киркүн (кит. цзянь-кунь) = «полевой народ», «полевые гунны» [Зуев, 1960б. С. 103]. Далее Ю. Зуев обращает свое внимание на ряд этнонимов тюркоязычных племен, часто встречающиеся в древнейших китайских текстах «одними и теми же иероглифами: хунь (древн. чтение үиэп) и кунь (киэп), т.е. ғүн, күн, которая тождественна древнетюркскому множественно-собирательному аффиксу –ғүн-/-, күн-, восходящему к самостоятельному тюркскому слову күн – народ – человеческий коллектив – племя – женщина» и т. д. [Зуев, 1960б, С. 11].

Тем более что, современные тюркологи углубляясь в историю скифов, уже признали «тюркоязычность основного состава скифов и сарматов и доказывают это лингвистическими, этнологическими, мифологическими, археологическими данными. ...В последние годы в тюркологии появились и другие работы, в которых отвергается скифско-иранская и защищается скифско-тюркская концепция» [Дроздов, 2008. С. 10].

Более того, танская история гласит: «сягэсы — это население древнего государства Цзяньгунь. Местность соответствует области, расположенной на запад от Иу (ныне Хами), на север от Яньци (ныне Карашар), сбоку от Белых гор (Байшань, Бошань). Некоторые называют их Цзюйю или называют Цзйе[цзи]гу. Их племя смешалось с динлинами. Эта область есть именно западная окраина сюнну. Потом шаньюй Чжичжи разбил Цзяньгунь. После того как Чжичжи покинул столицу, народ, получивший в позднейшие века эти земли, ошибочно назвали цзйе[цзи]гу, немногие называли хэгу, также называли хэгэсы и пр. Их земли находились прямо на северо-запад от Хуйхэ, в 3000 ли, на юге упирались в горы Таньмань [Кюннер, 1961. С. 281-282]. По Бичурину: «Хакяньсы. Хагас. [Кыргызы] Хагас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители

перемешались с динлинами. Владение Хагас некогда составляло западные пределы хуннов. Впоследствии Чжичжы Шаньюй, покорив Гяньгунь, утвердил здесь свое пребывание, в 7.000 ли от орды восточного Шаньюя на запад, в 5.000 ли от Чэши на север; почему владельцы сей страны впоследствии ошибочно Хягас называли Гйегу и Гйегйесы. ...Прямо на юго-восток до хойхуской орды считалось 3.000 ли; на юг простиралась до гор Таньмань» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 358-359]. «...Еще говорится: эта страна упирается в западную сторону Темных гор (Циншань – Чёрные горы), имеет золотое море, которое, разделяясь, образует две реки. Одна называется Янхэ (река барана), другая — Цзяньпинцицзэхэ. От корпуса Тяньдэ на запад через 200 ли прибывают в западный Шоуцзянчэн. Еще на север в 300 ли прибывают к Пэнтицюань – Пеликаний ключ (в более ранних текстах Питицюань — Гагарий ключ); на северо-запад от хуйчжан в 1 500 ли, от хуйгу на северо-запад в 40 днях пути, тогда только прибывают в то государство. На восток отстоит от двора шаньюя на 7 000 ли, на юг отстоит от Чэши на 5000 ли» [Кюннер, 1961. С. 58-59]. Как видно из этих сведений древние владения кыргызов относительно городов Хами и Карашара, а также Белых гор (Байшань) и Чёрных гор (Циншань) указаны более точно и направление «западная сторона хуннов (сюннов)» показывает на Среднюю Азию.

К этим сведениям будем возвращаться не раз, но здесь попытаемся реконструировать некоторые топонимы и гидронимы. Сложность в реконструкции составляет «золотое море» и «Река Барана» (Янхэ), по-тюркски они могли быть и «Күй (Qoyun) -Укузом (Арик)» или «Кучкар (Qoçnqar)-Укузом (Арик)». Каким-то образом связать их с долиной Кочкар (Кочкор), находящимся в Кыргызстане будет невозможно, так как на основе рунических памятников уже доказано, что «древнее название Кочкорской долины» было «Ярышом» [Кляшторный, 2002. С. 140]. В письменных источниках с точным указанием места местность Кочкар впервые начало упоминаться с XIV в. [Бартольд, 1963. С. 81-82; Тарих-и Рашиди, 1999. С. 428]. Поэтому отождествление его с городом «Кужңар-Баши» [ДЛТ, 2005. С. 1015, 1025, 1070] явно ошибочно [Асанов, 2002. С. 6], так как, во-первых, «Кочкар» возможно фонетически измененное название с монгольского языка («хотгор»), и обозначает «лощину, впадину; вогнутый, прогнутый в середине» [Исаев, 1977. С. 98-99], что совпадает с орографической структурой с названной долиной. Во-вторых, у Махмуда Кашгарского речь идет о голове животного («Кужңар» - баран), в связи с этим приводит поговорку «ики кужңар баши бир ажишта бишмас» - т. е. головы двух баранов не варят в одном котле [ДЛТ, 2005. С. 1025]. То есть, Кочкор и Кочкор-Баши – два совершенно

разных понятия или названия местности. Возможен третий вариант – Кочкор может быть именем человека. В рукописи Балыкооза есть описание, где сын Кукча (Көкчө) Кочкор чтобы отнять у Ташы-хана город Отар организует против него заговор [РКФ НАН КР, Д. № 2. С. 127, 144, 160-162].

Один из гидронимов в Средней Азии, с именем человека, или названием барана («Кошкар-Ата» – Старец Кочкар) находится на той же горе Каратау (Циншань – Черные горы), в настоящее время относящееся к Байдибекскому району, Южно-Казахстанский обл. [Конкашпаев, 1963. С. 79]. Возможно, его (могилу или мавзолей Кошкар-Ата) имел в виду и Ч. Валиханов, в связи с событиями XVIII в., указывая как «святыню дикокаменных киргиз» [Валиханов, 1985. С. 78; Турганбаев, 2007], но ясно одно, гидронимы с такими названиями на Среднем Енисее не встречаются. Единственное, что в китайских источниках встречается упоминание, указывающие, что это горы Цзиньшань («Золотые горы», т. е. Алтай») которое созвучно с горой Циншань (Каратау – Черные горы) [Кюннер, 1961. С. 71, 192]. «Пэнтицюань» т. е. Пеликан по-тюркски «Курдай» [ДЛТ, 2005. С. 922], эта местность находится в Чуйской долине (Северный Тянь-Шань) ее название носит одноименный район и перевал на автотрассе Алматы- Бишкек.

Теперь уточняем ряд этнических сведений; во-первых, названный народ «Уцзе» не сможет решить проблему в корне, исследователи указывают, что «транскрипции хуцзе и уцзе (<uo-giat/kiat) равнопорядковы, они отражают исходный этноним уокиль – уогиль», но наряду с прибайкальскими и болгарскими (волжскими) племенами они жили и в Средней Азии. «На среднеазиатский почве этноним уокиль/вокиль/аугал, возможно, отложился в имени предводителя дружины-сорок Векиль огузского эпоса «Китаб-и дэдэм Коркут» [Зуев, 2002. С. 56]. Но, никто из ученых особо не оспаривает, что усунь занимали долину реки Или [Аристов, 2001. С. 123-124], где город Чигу, расположенный на берегу Иссык-Куля являлся их столицей [Бартольд, 1963. С. 27-28; Малявкин, 1989, С. 190, комм. 322]. На востоке усунь общаются с сунну. На западе усунь общаются с Даюань (Давань) [Кюннер, 1961. С. 74]. Возможно, они также занимали и территорию Джунгарии, но на западе точно граничили с государством Канцзюй [Сыма Цянь, 2010. С. 200, 203; комм. 10, 24]. По сведениям «Ши цзи» и «Хань шу» предположительная ставка кангюйского владетеля находилась «...в стране Лоюени, в городе Битянь, за 12.300 ли от Чан-анья» [Бичурин 1998, Т. II. С. 190-194], но его «главный город Сусе (по чтению Пуллибланка *sah-gleats, ранняя форма Согда) был Кеш, позднее – Шахрисябз, неподалеку от Самарканда» [Зуев, 2002. С. 91]. Здесь надо иметь ввиду возможность ошибки,

допущенной со стороны Л. Боровковой в локализации государство Давань (Даюань) и реки Сырдарьи [Боровкова, 1989]. В своей статье, из нескольких вариантов единицы измерения, она предпочла применит спорную версию Ян Куаня, проигнорировав аналитическую проработку других ученых [Сыма Цянь, 2010, Гл. 123, комм. 1]. В конечном итоге «эта ошибка привела, естественно, к серьёзным деформациям в географии всего Прикаспийского региона» [Сыма Цянь, 2010, Гл. 123, комм. 19]. Тем более, автор не была уверена в своей гипотезе, считая, что ещё точно неизвестно, именно каким путем прошел Чжан Цян [Боровкова, 1989. С. 20-23; 2005. С. 23].

Поэтому потребуются более конкретные сведения и дополнительные факты. Надо также иметь в виду, что в те далекие времена эти расстояния не были определены специально нанятыми верховной властью землемерами. Скорее всего, в древности определяли расстояние по «караванным методом», т. е. по времени, затрачиваемому на путь от одного до другого объекта верблюжьими караванами. В большинстве случаев исследователи не обращают внимания на точность или методы измерения, просто выдают, как ему кажется «правильный» результат. Например, в древности расстояния измерялись шагами, ещё большие расстояния измеряли переходами или днями передвижения. В XVIII в., ознакомившись с изобилующими орфографическими ошибками и техническими неточностями древних источников, император Цяньлун сам недоумевает, что «ныне в Западном крае племена андижан (аньцзянь) и бадакшан (бадакэшань) отстоят от Китая все на 10 000 с лишком ли. Раньше посылали людей измерить длину тени отбрасываемой солнцем. ...Если рассчитывать пройденный путь от места восхода солнца, то он (путь) не может быть пройден ни ветром, ни лошадью, ни быком. В то время не было людей, лично посетивших эти места. Только пользуясь присланными хвастливыми словами, записали их в исторические списки. Дело несоответствует истине, не заслуживает передачи на веру» [Кюннер, 1961, С. 34-35]. Это замечание касается всех дорог, путей направления от китайской столицы во все стороны. Например, расплывчатая формулировка, что «Давань находится от сюнну на юго-запад, от Китая прямо на запад; отстоит от Китая не менее чем на 10 000 ли», не способствует определению местоположения государства с максимальной точностью до какого-то объекта. Можно привести более достоверный пример, так в китайском письменном источнике, относящемся к XVIII в., когда расстояние между географическими объектами можно было определить точнее, указывается, что «От Кочкора ещё на северо-восток в трех днях пути достигаешь района озера Тэмирту-нор (Иссык-Куль), относящегося к Или. Ровная дорога широкая, земли и воды относятся к

Или, все реки впадают в озеро. Кочевка вокруг озера требует время для объезда примерно месяц» и т. д. [МИКК 2, С. 205, 207]. Здесь в текст вкралась очень существенная ошибка, дело в том, что расстояние между долиной Кочкара и «районом озеро Иссык-Куль» составляет всего 50-60 км. То есть, выехавший из Кочкара всадник с легкой поклажей не только три, а за два дня может спокойно дойти до реки Или. Таким образом, только на основе этих сообщений вычислить расстояние между Кочкаром и озером Иссык-Куль нельзя, ибо в любом случае приведет к неизбежной ошибке. Вполне вероятно, что китайские комментаторы при этом имели в виду Темирлик – правый приток реки Чарына или Тузколь (тюрк. Солёное озеро) – самое солёное горное озеро в современном Казахстане, расположенное на востоке Алматинской области в горном обрамлении Кегенской впадины, примерно в четырёх километрах к северу от горного массива Джабартау. «Темир» (тюрк. железо) – «не исключено, что именно в этих местах добывали и плавил железную руду» [Горбунов, com/geographical-names-in-t...].

По Бичурину (XIX в.) 1 ли составлял 5 версть и 210^{7,5} сажень [Бичурин, 1829. С. XVI]. Надо ещё иметь в виду, что в период династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), Суй (581 – 618) и Тан (618 – 907) столицей империи был Чанъань (Cháng'ān), т. е. современный город Сиань, в Центральном Китае – центр провинции Шэньси, т. е. столица империи была ближе к Средней Азии.

Тем более бывали даже случаи, когда не находя подходящих «иероглифических знаков» и не найдя близкие по своему звуку слов или имен для точного транскрибирования, переводчики принимали среднее начертание. «У первых переводчиков звук менялся, и они по ошибке передали неправильное имя, потом разница в произношении стала неизвестна ученым» [Кюннер, 1961. С. 71-72]. Довольно часто под влиянием тех или иных политических или других обстоятельств текст летописи сознательно перерабатывался. Таким образом, после переработки возникали новые редакции летописных сводов.

В связи с этим нельзя не упомянуть и «Синь Таншу», которая была составлена при Сунской династии ученым комитетом во главе Оуян Сю и Сун Ци. Несмотря на то, что сведения в них далеко неясные и противоречивые, большинство ученых основываются на эти источники. В нем столица (ставка) усуней Чи-шань-чен – «Город Красной горы» (возможно составители имели в виду город «Чигу») разместился от горы Бедель (кит. Бода) всего через 50 ли, а ещё от него через 30 ли находятся река «Жемчужная» (кит. Йенчу). Через какие-то 50 ли от него Снежное море (?) и от него на расстоянии 80 ли

достигают Горячего озера (Иссык-Куль). Далее, выйдя из долины (озера), достигают русла реки Суйаб (Су-е); а через 80 ли от него лежал город Баласагун (кит. Пэйлоцзянцзюнь), на западе которого (через 20 ли) находился город Суйаб. Всего 10 ли на западе от Суйаба разместился город-государство (?) Маймарг (кит. Ми-го), через 30 ли Навекат; еще через 60 ли город Шуйкет, дальше через 60 ли город Талас, а еще через 50 ли на запад от него Аши-булай (Ашпара) [Зуев, 2002. С. 272-273; МИКК 2, С. 68; Хрестоматия по древней и средневековой истории Кыргызстана, 2007. Т. 1. С. 295–297]. Как видно, ученый комитет совместил несовместимые географические объекты (видимо из разных источников), так как столица (ставка) усуней и река «Жемчужная» (Чжень-чжу-хэ – «река истинного жемчуга» [см.: Кляшторный, 1964. С. 72-78; Аманжолов, 2002. С. 153]) здесь оказались вообще не в том месте. Область Маймург находилась к юго-востоку от Самарканда, местность Маймург на пути из Бухары в Несеф [Бартольд, 1963. С. 50, 494]. Аши-булай (Ашпара) находится не на западе от современного города Тараз, а почти на 200 км восточнее от него. Вместе с тем, у арабских и китайских авторов постоянно упоминается город Суяб одинаково, как главный город долины реки Чу [Бартольд, 1968. С. 76].

Во-вторых, основываясь на встречающиеся в китайских источниках сведения о динлинах И. В. Пьянков утверждает, что та реконструкция, размещавшая динлинов – древнего европеоидного светлопигментированного («белокурого») народа в Минусинскую котловину (т. е. на Средний Енисей) основана «...на совершенно произвольных допущениях», и «оказала решающее влияние на последующих ученых, и все отечественные историки принимали ее с небольшими вариациями вплоть до последних общих работ по древней истории Сибири» [Пьянков, 2011. С. 411–418]. Это замечание касается и известного кыргызского синоведа Г. П. Супруненко, которая, не доверяя Сань го чжи, под влиянием тех или иных отдельных фактов, пришла к выводу, что «...следовало бы ожидать, что племена кыргызов будут помещены дальше к востоку, но в результате ошибки или описки владения их он располагает к северо-западу от Канцзюй» [Супруненко, 1974. С. 236-248]. Таким образом, опираясь на мнения и логику авторитетных тюркологов и синоведа, она откровенно обходила важные противоречия, которые встречаются почти в каждом сведении о месторасположении динлинов. Динлины, с точки зрения китайцев обитали не только «позади хуннов; судя по китайской схеме обитания северных народов того времени, динлины должны были занимать всю Внешнюю Монголию к северу от Гоби – «степи Халхи», но никак не одну Минусинскую котловину» [Пьянков, 2011. С. 411–418].

Между тем, причина такого категоричного вывода кроется не только в том, что в свое время Г. П. Супруненко игнорировала памятники устного фольклора кыргызов, в том числе и эпоса «Манас», которые были ей доступными материалами, но и как отмечалось выше, ею не были использованы «все без исключения источники». На одном из них более подробно остановимся чуть ниже.

В-третьих, в настоящее время, отдельные ученые уже выяснили, что в вышеприведенных китайских сведениях объединены несовместимые локализации. Например, «от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор», «в 7000 ли от орды восточного Шаньюя на запад, в 5000 ли от Чешы на север» – это запад или север Джунгарии, может быть, прилегающие к Тарбагатаю прииртышские степи. Белые горы, Байшань – чаще всего Тянь-Шань, но не исключено, что так могли именовать и другие заснеженные возвышенности. С гяньгунями, как следует из повествования о Чжичжи, непосредственно соседствовали усунь Притяньшанья; при этом привязка к уйгурской ставке и горам Таньмань (Танну-ола) указывает на Енисей» [Азбелев, 2007а. С. 8].

Исследователями не учитывались и сведения, что в регионе, где жили кыргызы, каждые три месяца («ай») составлял один сезон, «чтобы люди могли различать весну, лето, осень и зиму» [Кюнер, 1961. С. 58]. Это более соответствует Среднеазиатскому региону, чем Енисею, где зима длится с конца октября – начала ноября до начала апреля. А ботаническое сведение, что «из деревьев имеются сосны и тростниковые сосны. Они высоки, так что если выстрелить, стрела не долетает до вершины. Еще имеются вязы и ивы, особенно многочисленны березы» [Кюнер, 1961. С. 59] также не имеет ничего конкретного, например, во время танской династии от современного Токмака до Ташкентского оазиса леса были «густыми и пышными» [Зуев, 2002. С. 269-270]. Тем более, при описании кыргызов отсутствуют такие зоологические атрибуты, как комары, которые очень заметны на влажном климате Сибири. Например, в сведениях о народе шивэй, которые находились в то время от китайской столицы «на северо-востоке (на северной границе дунху) за 7 000 ли», они присутствуют как «беспокоящие» насекомые [Кюнер, 1961. С. 60-61, 62].

К вопросам топонимики обязательно ещё вернемся, но сравнивая эти сведения, П. Азбелев приходит к более конкретному заключению, что «рассказ о кыргызах в «Таншу» запутан: структурно он отличается от прочих повествований о «северных варварах». ...Рассказ о енисейских кыргызах построен иначе, стандартная последовательность

информационных блоков «взломана» вставками, касающимися локализаций и этнонимии. Исследователи отмечали, что в рассказ о «хягасах» попали зоологические и ботанические сведения, относящиеся не к Южной Сибири, а к Средней Азии», и признает возможность о существовании наряду с енисейской и туркестанской групп «носителей названия кыргыз; последнее упоминание о ней – под 638 г., когда она попала под власть Иби Дулу-хана» [Азбелев, 2007а. С. 8].

Вот та информация, которая как выше упоминалось, в свое время Г. П. Супруненко, а также другие известные ученые-синологи по каким-то обстоятельствам не обратили внимание, ибо: «Иби Дулу-хан долго воевал с Хилишием, и с обеих сторон пало великое множество людей. Наконец при реке Или заключили договор, по которому земли от сей реки на запад должны быть во владении Дулу, а на восток во владении Хилишия. С сего времени западный тукюеский Дом также разделился на два царства. Дулу-хан поставил орду по западную сторону гор Цзихэ и назвал северною ордою. Он привел под свою власть владения Сяоми и Гйегу [Хягасы] и простирал виды на поколение Хилишиев» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 292]. Здесь чётко и ясно говорится, что после заключения договора в 638 г. с ханом Хилиши, западнотюркский хан Дулу учредив новую орду, присоединил к себе и владения кыргызов, т. е. получается, что еще до того времени кыргызы владели отдельной территорией, которая лежала на западе от реки Или. Эта короткая информация перечеркивает ранее принятые все гипотезы сторонников и «енисейских», и «восточнотяньшанских» теорий происхождения кыргызов.

Как правило, государственная граница всегда устанавливается на основе договоров между сопредельными государствами. Возникновение понятия «государственная граница» также связывают с возникновением института государства. То есть в выше приведенном сообщении ясно указывается, что на основе данного договора возникло два независимых государства (каганата). Однако в отличие от современного мира, находящегося в рамках международного права, тогда границы не были четкими и определенными, они часто пересматривались по итогам военных действий. Тем не менее, границы, проводимые с учетом естественных преград — гор, рек и т. д. считаются более постоянными и не требуют каждый раз, при смене власти делимитаций и демаркаций.

В рукописях «Си юй чжи» («Описание западных земель»), составленных в 1763–1770 гг., в очередной раз сообщается, что кыргызы (буруты) когда-то «происходили из местности Бухара (Бу-хэ-эр), прошло уже более 330 лет, с тех пор как они бежали от

беспорядков и в горах нашли приют» [Супруненко, РКФ НАН. С. 78]. Эти сведения в комментариях не нуждаются, тем не менее, ясно одно – китайские источники не считали кыргызов пришлым народом. К сожалению, авторы не указывают, откуда были взяты эти сведения. Однако они частично совпадают с «Тарих-и Рашиди», когда «Шахибек хан потрясал весь мир, ни один могол не мог больше оставаться в Моголистане... Даже киргизы, лесные львы Моголистана, не смогли больше оставаться там и ушли в Чалиш (город в Восточном Туркестане, современный Карашар – Т. Э.) к Мансур хану» [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 307]. Дело в том, что во время владычества Султан-Ахмад-хана (1485 – 1504), т. е. до завоевания Шейбани-хана государства Тимуридов, «не было прохода для калмаков и узбеков-казахов через территорию Моголистана на расстоянии семи-восьмимесячного пути» [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 210]. К этому моменту его восточная граница проходила по «земле калмаков — Барс-Кул, Эмиль и Иртиш, на севере Кукча-Тенгиз, Бум Лиш и Караталу, а на западе граничил с Туркестаном и Ташкентом, на юге с Ферганой, Кашгаром, Аксу, Чалишем и Турфаном» [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 460].

В дошедших до нас в устной форме источниках XVIII в. не раз подчеркивается, что после уничтожения Джунгарского ханства цинским Китаем, верховные вожди кыргызов Маматкул и Кошой (им было тогда почти по 90 лет) чтобы вернуться на прежние кочевья посоветовали «занимать только тех родных пепелищ (т. е. прежних – до джунгарских времен кочевий [МИКК 2, С. 99]) – лежащих до реки Или, и не переходит ее» [РКФ НАН КР, Д. 10]. В связи с этим китайский письменный источник упоминает короткий отрывок из разговора между китайскими послами и кыргызским бием Черикчи, где последний взамен поимки и выдачи главарей мятежников против китайской военной экспансии просит в награду «места прежних кочевий». Китайский посол тут же отвечает, что «прежде /те земли/ заняли ойраты, сейчас Великая (т. е. китайская) армия уладила джунгар и в Каган-Харкира, на Темурту-нор /Иссык-Куль/ необходимо устроить пограничные караулы. На Или есть гарнизоны Великой армии» [Супруненко, РКФ НАН КР, С. 21-22]. Без комментариев понятно, что речь идет о реке Или, как о прежней границе кыргызов. Долина, в которой расположена река Кеген (основной приток Чарына), относится к бассейну р. Или. Как видно, обе стороны ссылаются на какое-то положение (договор), нам ещё неизвестные, но безусловно, им тогда известные. В другом месте отмечается, что «город Уш (Уч-Турфан в Восточном Туркестане – Т. Э.) – смежная с бурутами территория», а «Ош (Ферганская долина) – это древняя бурутская земля. Ирдана ищет предлога считать ее своей» [МИКК 2, С. 160, 162]. Под понятием «древняя» или

«древность» по традиции в исторической науке (в данном случае переводчик) обычно имеет в виду последние пять веков до и первые пять веков после начала христианского летосчисления.

Вместе с тем, если исходит из этих де-факто, не имея достаточных военных сил, хотя бы военных союзов, и кроме того, без каких-либо оснований (де-юре) претендовать на чужие земли было бы невозможно. Об этом напоминает и императорский указ к министру государственного совета Китая, отраженный в том же источнике [Супруненко, РКФ НАН КР, С. 63-64]. В следующем императорском приказе министрам Государственного совета, предупреждая о том, что «Прибывший на аудиенцию бурутский посол (Черикчи – Т. Э.) доложил, что Темирту-Нор их прежнее кочевье, просят пожаловать», приказывает: «Если поблизости от Или и годится для военных поселений, то ни в коем случае не пренебрегать. Возможно, вблизи их кочевий заброшенные и непригодные земли, тогда укажем отдать. По-прежнему следует ясно установить границу» [МИКК 2, С. 139]. Там же в нескольких местах объясняется, что «Темирту-Нор» («Тэмирту-Нор») – это Иссык-Куль [МИКК 2, С. 94, 99, 126, 139 и т. д.]. В подтверждение этой версии выступает и Н. А. Аристов, который на основе изучения дополнительных материалов (Documents sur l'Asie centrale, 1881. pp. 151-155) пришел к выводу, что «Восточных буротов, по тому же источнику, было пять родов, из которых названы саяк в 1000 семей и сарыбагыш, тоже 1000 семей; старшина последнего имел имя Чи-лик-дзи (Чирикчи); древние пастбища этих двух родов находились на Гэгэнь-Каркира и Темурту; изгнанные отсюда цзунгарами, они нашли убежище в окрестностях Андиджана, когда же цзунгары были покорены (Китаем), то буроты заняли прежние места» [Аристов, 2001. С. 429].

Как бы подтверждая эти сведения, не зависящие от вышеуказанных источников, русские исследователи в конце XVIII в. также затрагивая проблему этногенеза кыргызов и казахов, отмечали, что «Дикие, черные или закаменные киргисцы, названные в Сибирской истории буротами, есть народ древних киргисцов, а не кайсаков, о которых кайсаки баснословят, что они, дикие, родились от мачехи, и потому народ злой, а кайсаки – от родной матери. И всякой кайсак, имени сего «киргис» не терпит, и почитает презрительным. А придают оное диким; следовательно, оные из древности и единоплеменны. Но как разделились, – никакого изъяснения более сего баснословия сыскать не можно». Далее, указаны пограничные линии кыргызов в отношении казахов и империи Цинь, которые: «Пределы же их называются от кайсаков и отделяются рекою Илею, текущею в озеро Балхаш между гор, называемых Алатау. А по-ташкенски оные

горы называются Тубулгуты Шашы и Беделен, лежащие кряжем до Сырдарьи реки, откуда оной камень поворот имеет мимо озера Кубан Кукан и чрез реку Сарасу к морю Аральскому, а от поворота вверх по реке Сырдарье; не доходя города Ташкента восьмидесяти верст поворачивает мимо города Кукан чрез реку Цуя к устью реки Или, впадающую ниже сей грани во ста верстах в озеро Балхаш. И сия река Или граничит оных как от Китайского государства, так равно и от кайсаков» [Андреев, 1998. С. 50-51]. Автор под названием Кукан имел в виду Икан [Турганбаев, 2012. www.bizdin.kg/], так как реки Сарысу и Чу (Цуя) не имеют никакого отношения к городу Коканд, который находится в Ферганской долине. И до того времени (время Мухаммед Хайдара) озеро Балхаш считался границей «Узбекистана» и «Моголистана» [Бартольд, 1968. С. 211], где на территориях последнего часто обнаруживались кыргызы.

По утверждению И. В. Пьянкова динлины также занимали «...уже в I в. до н. э. (а по всей вероятности и намного раньше) два обширных региона: центральную, и восточную части Внешней Монголии на востоке и Восточный и Центральный Казахстан на западе. Возможно, что они занимали и Жонгарию, соединявшую оба региона. В этих местах они жили и позже» [Пьянков, 2011. С. 411–418]. «...Земли от Каспийского моря почти до Хухунора обитает один народ, разделенный на многие постоянные и кочевые владения. Сей народ говорит турецким языком, исповедует Могаметов закон, но не имеет общего названия. Язык его распространился из центра Средней Азии от народа, который и ныне сами называют себя турками, а страну им обитаемую Туркистан» [Бичурин, 1829. С. X-XI]. Как показывают вышеприведенные факты, слишком много источников указывает на Среднюю Азию, а не на Енисей.

Таким образом, и хроника Сань го чжи, и Таншу указывает «прежде всего» не только на «политическое содержание» кыргызов [Кызласов, 1992. С. 56], а именно о владениях кыргызов. По хроникам Дома Тхан (618–907 гг.) «Хагас» раньше был древним государством «Гяньгунь» и их владения некогда составляло западные пределы хуннов» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 358-359]. На этнониме «хагас» подробнее остановимся ниже, и обратимся к другому источнику, а именно составленная в X в. «Гайпин хуаньюй цзи» также утверждает, что сяцзясы (кыргызы) есть государство в северо-западной степи [МИКК 2, С. 33]. То есть, в сущности, все вышеназванные китайские источники однозначно указывают, что в конце до нашей и в начале нашей эры кыргызы имели свое отдельное владение, т. е. можно сказать государство, и оно, в крайнем случае в начале VII в. находилось на западе от реки Или. А. Н. Бернштам признавая тот факт, что в 638 г. река

«Чу и Северная Киргизия» перешел под владычество Иби Дулу кагана, вместе с тем пришел к странному выводу (обращаем внимания на факт, которого нет в источниках), что «после того, как Иби Дулу покорил на востоке кыргыз и поколение бома» силы его несколько возросли [Бернштам, 1998. С. 270-271]. Здесь осталось непонятным, каким образом Иби Дулу мог покорит «на востоке кыргыз и поколение бома», если после договора восток реки Или перешел под юрисдикцию Шаболо Хилиши кагана. Тем более, тут же ученый сам заключает, что «Владение Иби Дулу, расположенные по Тянь-Шаню и р. Чу, оказались в окружении орд Иби Шаболо» [Бернштам, 1998. С. 271]. Как несколько раз отмечалось выше, не было данных и об учреждении на Енисее административных образований, или иных государств или объединений, если даже и были, то они никак не были «западным пределом хуннов», так как сами хунны были северными пределами древнего Китая.

Далее, как отмечали выше, в списке Т. Алымбекова в нескольких местах упоминается племя конурат, состоящее из 19 родов, во главе которых стоял «находчивый» Сарыбай нойон. С самого начала он берет в свои руки инициативу к объединению огузов. Для этого применив хитрость, он выдает свою дочь Ыраазы (в рукописи «Разы», это – грамматическая ошибка, допущенная автором, так как в кыргызском языке вообще не встречаются слова начинающиеся с буквы «р») замуж за сына Ораза – Отара. Жена Сарыбая родила много детей, но выжила она одна. Поэтому ей дали имя «Ыраазы», которое переводится букв. «согласные», «удовлетворённые», «довольные» – возможно это имя было дано дочери, имея в виду, что «мы довольны тем, что бог дал», т. е. когда ждали сына, родилась дочка [Закиров, 1996. С. 50]. В свое время Ораз также был ханом кыргызов. Поэтому Сарыбай намеревался усыновить Отара – т. е. породниться с ханским домом. В разговоре с Отаром Сарыбай и Разы излагают план имеющий цель объединить всех огузов, и вместе с тем обещает, если все задуманное не осуществится, взяв собой все 19-и родовых конуратов уйти в «Семиречье, Алтай, Арка». «Арка» переводится как спина; задняя сторона, задняя часть, тыл (при массовом передвижении народов), в данном случае как дальний, находящийся дальше (в отношении пространства и времени), и если рассмотреть по порядковому изложению, возможно, в те времена его применяли относительно к арабскому западу, и имели в виду земли «за Алтаем».

Однако намерение Сарыбая выдать дочь Разы за сына Ораза – Отара, вызывает недовольство, а затем и вражду с Туртой, племянником жены Сарыбая – Каныш, который обиделся, что Разы не отдали ему, и обратился к иранским («ерен») полководцам Ношату

и Кудаз-Кудаму. Ношат обещает взять в плен Отара, и заставить Сарыбая выдать дочь за Турты. Таким образом, Турта переходит на сторону иранцев – врагов огузов, со всем своим племен, а это было ни много ни мало род тайчыков и большая часть конуратов. В ответ Сарыбай взяв с собой Разы и Отара, привел их тризну туркменского вождя Эржана, в это время его проводил правитель туркменов – Айтак. Там Сарыбай красноречиво убеждает всех огузов под предводительством Отара объединиться против иранцев, и они соглашаются с ним. Отар, выступая перед народом, обещает объединить всех огузов и быть справедливым ханом [РКФ НАН Кра, Д. № 2, С. 74]. После соглашения, по совету Разы, якобы под видом мирных переговоров, Сарыбай приглашает Турты и Ношата в гости, где он вместе с Отаром взяв живьем Турты в плен, а Ношата убивают [РКФ НАН Кра, Д. № 3, С. 49-52].

Теперь обратимся к вопросу о масти лошадей, которое имеет прямое отношение к названию народа (государства), о них сообщают и китайские письменные источники. «Еще находилось Бюньма, иначе Биля и Йелочжи, от тукое прямо на севере, от столицы в 14.000 ли; перекочевывали смотря по достатку в воде и траве; но предпочитали жить по горам. Лошади более были саврасые, от чего и название государству дано. Жили на севере близ моря. Хотя содержали лошадей, но верхом не ездили на них, а пользовались молоком для пищи. Часто дрались с хягасами. Обликом много походили на хягасов, но говорили другим языком» [Бичурин, 1998. Т. 1. С. 358]. По информации китайского источника, в котором указывается, что непосредственно перед арабским нашествием западный тюркский каганат разделился на две части, более контекстуальный соответствующий перевод сделал А. Г. Малявкин, указывая на ряд серьезных ошибок, допущенных Н. Бичуриным. Вот его полный перевод: «Земли к западу от реки остались под управлением кагана Дулу, а земли к востоку находились во владении кагана Делиши. С этого времени западные туцзюе и разделились на два государства. Каган Дулу учредил ставку к западу от гор Цзухэ, именовавшуюся северной ставкой. Государства Бома, Цзегу и многие другие подчинились ему», и потом объяснил, что «иероглиф «бо» имеет значение «пестрый, пегий», поэтому иероглифы «бома» в китайском языке обозначают «пегая (пятнистая) лошадь, лошадь нечистой масти» [Малявкин, 1989. С. 323. комм. 954]. В следующем комментарии № 955 снова объясняет, что государство «Бома» также именуется «Хэла» и «как установлено исследователями, иероглифы «хэла» являются транскрипцией тюркского слова «ala» – «пегий», сравнивая с источником, что у тюрков (туцзюе) лошадь называется «хэлань». То есть, речь идет о том, что Дулу-хану вместе с кыргызами

подчинились и народ, носивший название масти лошадей. Однако, несмотря на то, что китайские историки не говорили, впадала ли в «Северное море» какая-нибудь большая река, на основе этих источников некоторые переводчики-комментаторы территорию «пегого» народа локализовали почему-то ближе к озеру Байкал. Вот они: «Бома» были кочевыми народами, «любили жить в горах. Некоторые называли их «Билой (Бицы) или Элочжи. Лошади мастью все пестрые, отсюда пошло наименование государства. Хотя разводят лошадей, но не ездят на них, пьют кумыс. Любят сражаться с цзйегу (хагасами). Жители походят на цзйегу, но языки непонятны». Тюрки (туцзюэ), говоря о бома, «называли их хэла или хэцы, также государством Хэла [Хэцы]. Их страны близки к Северному морю [Байкалу]». Тут же дается перевод из другого источника: «Бома находятся на север от цзйегу (хягасов). Их страна близка к Северному морю, отстоит от китайской столицы Чанъань на 14 000 ли. Когда пройдешь через местности пяти больших поколений туцзюэ, тогда достигнешь бома. Их государство управляется сыцзинем, от туцзюэ у бома нет разницы. Лошади масти одинаковой – пестрые [комментируется как «Светло-гнедые с желтизной по словарю Даля, в которой слово «пегий» поясняется также, как пятнистый, вообще двухцветный»]. Поэтому так и называют этот народ. Их лошади не служат для езды, берут их молоко, употребляют в пищу на кумыс и только. С цзйегу часто взаимно воюют. Наружностью походят на цзйегу, но язык их им непонятен [Кюннер, 1961. С. 52-53]. Поэтому надо учесть, что под «Северным морем» ученые-синологи подразумевают нескольких озер [Бичурин, 1998. Т. 1. С. LXXV; Кюннер, 1961. С. 95, 106, 284, 307 и др.], лежащих к северу, северо-западу от Китая. Для них в разное время и Каспийское море было «Северным». [Сыма Цянь, 2010. С. 201; Кюннер, 1961. С. 106], кстати, под этим названием также следует понимать и Аральское море. Например, переводчики объясняя, что Сихай (букв. «Западное море») это – Аральское море, куда впадают Сырдарья и Амударья, далее заметили, что «Л. А. Боровкова чёткое гидрографическое указание Чжан Цяня в своей первой монографии назвала «непонятным и явно неточным», а во второй – просто проигнорировала. Это было сделано с целью переименовать Сихай (Арал) в Бэйхай (Каспий), и эта ошибка привела, естественно, к серьёзным деформациям в географии всего Прикаспийского региона» [Сыма Цянь, 2010. Комм. 19. С. 454; Бартольд, 2002. С. 32].

Достигший в 138 – 126 гг. до н. э. Давань, Больших юечжи, Дася, Кангюй (т. е. Среднюю Азию) и имевший представление по сообщениям тамошних жителей Чжан Цянь отмечал, что «по сторонам их есть еще пять-шесть больших государств. Давань находится

от сюнну на юго-запад, от Китая прямо на запад; отстоит от Китая не менее чем на 10 000 ли. Что касается их обычаев, то оседлые жители пашут поля, разводят рис и пшеницу, имеют виноградное вино, много хороших лошадей. Эти лошади потеют кровью, их предки – дети небесных лошадей» [Цянь, 2010. С. 200-201].

Единственным народом в Центральной Азии, который назван по лошадиной масти считаются Конураты – «Конур+ат» (Конрат, Конырат, Унгират, Хонгират). Конечно, в широком смысле местность с названием «ala» указывает на Алатау (казах.), Ала-Тоо (кырг.); варианты – Аладаг (туркм., азерб., турец., алт.), Алатаг (уйг.), Олатог (узб.); дословно – пестрые, пегие горы, что обозначает: «горы с вечно снежным покровом или высотной поясностью» [Мурзаев, 1984. С. 47-48], к которому относятся Таласский Алатау, Кунгей-Алатау, Терской-Алатау (они же и Заилийский Алатау), Джунгарский Алатау и др. Кстати, и Ферганская долина, из которой происходили известные «небесные кони», в округе Асбара (Исфара [Бартольд, 2002. С. 531] имела свою, отдельную «Пеструю гору», которая представляла из себя «черные пречерные, другие ярко красные, третьи интенсивно желтые» [Ибн Хаукал, 1957. С. 27]. А. Г. Малявкин опираясь на работу Э. Шаванн (Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, 1903) комментирует, что «Горы Хэлань находятся к западу от гарнизона Нинся (который не имеет достаточно чёткой локализации – Т. Э.) на расстоянии 60 ли. На горах много зеленой и белой травы. Издалека похоже на шкуру пятнистой лошади. Люди севера пятнистую лошадь называют «хэлань», поэтому горы так и называются. Родовые названия сяньбийских племен часто происходят от названий гор и долин. Фамилия Хэлань, имеющаяся ныне, также произошла от наименования этих гор» [Малявкин, 1989. С. 152, комм. 167; С. 323-324, комм. 954]. Однако произведенные раскопки в Пазырыкских курганах (Алтай), где «помимо полновозрастных лошадей, встречались и молодые экземпляры – 3-3^{2/1} и даже 2-2^{2/1} лет, притом молодые лошади принадлежали к числу лучших, более крупных и породных лошадей», показало «совершенное отсутствие таких распространенных ныне в этой зоне мастей, как серая, мышастая, чалая, пегая и др. Гнедые и близкие к ним по окраске лошади встречаются как исключение» [Витт, 1952. С. 165-166]. При этом автор ставя вопрос ребром, спрашивает: «Могли ли люди привести на Алтай породу лошадей, которую мы видим в Алтайских курганах, не с запада, а с востока, из пределов современной Монголии и Китая?» Потом прямо констатирует: «Нет, не могли, потому что природные условия на востоке – от Монголии и до Кореи, от Забайкалья и до Тибета – везде были ещё более суровыми и должны были ещё более сказываться на росте и типе

лошади», так как лошадь «в условиях гор неизменно обнаруживает тенденцию к измельчению и к огрубению» [Витт, 1952. С. 190, 188].

Кстати, интересна ещё одна деталь – древнекитайская легенда о происхождении породы «небесных коней» связана именно с этой пёстрой мастью. «В стране Дайюань есть высокие горы, где обитал конь, которого не могли поймать. Тогда к их подножию привели пегую кобылицу, после случки она родила жеребёнка, который потел кровью. Потому их коней и называли потомками коня Небесного владыки» [Сыма Цянь, 2010. С. 454. Комм. 16]. То есть родина пегих коней была древняя Фергана. Во времена Чжан Цяня Дайюань (Давань) – «древняя Фергана была большим государством, богатым и густонаселенным, с многочисленным войском, владетель которого, вероятно, находился в вассальной зависимости от царя Кангхи (Канцзюй)» [Зуев, 2002. С. 90]. Ещё раньше, заполучив усуньских коней, ханьцы полюбили их и стали называть «небесными конями». А когда получили «потеющих кровью» скакунов из Дайюани, ещё более крепких, изменили название усуньских коней, назвав их «западный предел», а дайюаньских коней стали называть «небесным конями» [Сыма Цянь, 2010. С. 206].

В списке Т. Алымбекова упоминается, что предводитель конуратов Сарыбай имел 60 выдающихся породистых скакунов (тулпаров), которым не было равных, из них, бело-синего (көк-ала), под именем «Көгүчкөн» («Голубь») отдаёт Отару, а чёрно-белого «Сагызган» («Сорока») – дочь Разы [РКФ НАН КР, Д. № 2, С. 45-48]. Сама Разы была берейтором, тренирующим коней и в скачках «Сагызган» всегда приходил первым. Конь самого Сарыбая прозывался «Көк тулпаром» («Синий скакун»). Все эти детали интересны ещё и тем, что по спектру цветов сарыбаевских скакунов в обобщающем виде можно перевести как «пегие», и имена для породистых скакунов – «Голубь», «Сорока» и «Синий» в чужом языке также соответствует небесным именам – в том смысле, что никто их не сможет достать или догнать. В древности под эпитетом «көк» подразумевали в виду и небо. На фоне этих фактов не может не вызывать для нас интереса и короткое сообщение у Абуль-Гази-хана, в котором рассказывается, что посреди владения кыргызов протекала река «Айкара-муран» и при устье реки стоял большой город (возможно татарский), который назывался «Алакчин». «Селений около него (т. е. того города – Т. Э.) много, стада и табуны пасущегося скота многочисленны. Кони там крупные; у них жеребенок по первому году так велик, как у нас двухгодовалый; кони все пестрые, другой шерсти они не бывают» [Абуль-гази, 1906. С. 40]. То есть, и в поздние средние века южносибирские пестрые лошади больше всего упоминались в связи с кыргызами.

Проблема также состоит ещё в том, что при переводе «конур+ат» переводчики могли пользоваться разными понятиями. Потому что, слово обозначающая масть лошади «конур» («коңур», «конгыр», «хонгир») не имеет четкого перевода, и в других языках не может дать точного определения. Например, «конур» можно перевести одновременно «тёмно-бурым» или «темно-серым» [КОС, 2002. С. 526; САА, 1884. С. 142], даже «смуглый», подходит также «каштановый»; у М. Кашгарского «кунур» – рыжей масти [ДЛТ, 2005. С. 1010]. Или другой пример: «согласно древней казахской легенде, в бескрайних степях жил джигит с конём «Конур-ат», что в переводе на русский язык означает «саврасый конь» [ru.wikipedia.org/wiki/Конырат_(посёлок)]. Интересно, что эти серьезные ошибки допускались при переводе – и древний переводчик, переводивший с оригинала на китайский, и современные переводчики, переводившие с китайского на русский или на другие европейские языки могли ее перевести по своему усмотрению. Например, Таскин приводя пример из перевода Н. Я. Бичурина (Т. 1, С. 39) указывает, что «в китайском тексте нет слов лошади лучших пород», а имеются трех видов редких одомашненных животных, которые не имели точного описания со стороны Сыма Цяня [Таскин, 1968. С. 4]. Возможно, ошибку допустили в связи с тем, что «Алатау» и ala-at созвучны, и там обитал какой-то народ носивший название масти лошадей. Нельзя также отрицать, что древнекитайские переводчики возможно имели в виду горы «Коңура» (варианты «Үч-Коңур», «Коңур-Өлөң»), который разделяет долины рек Большого и Малого Кебина (юго-север Заилийской Алатау), основных притоков реки Чу или «Коңур-Өгүз» (тюрк. «Укуз») в верховьях долины Таласа.

А. Г. Малявкин привел ещё один пример из «Юань-хэ цзюнь сянь чжи» («Описание округов и уездов, существовавших в годы правления Юань-хэ, 806-821»), что «у жителей севера слово «пятнистый» (бо) звучит как «хэлань». Тут же приведены догадки нескольких авторов и переводчиков (напр. Дин Цянь, Т. Мориясу, Э. Шаванна и т.д.), о вероятном месторасположении этого государства [Малявкин, 1989. С. 324], но ни один из них не обратил свое внимание на то, что оно в любом случае находилось бы на западной стороне от реки Или. К такому выводу одним из первых пришел Н. Аристов, основываясь на Дегиню, разместил его близ Чилика (Заилийский Алатау – Т. Э.), несмотря на это в свою очередь Дегин предположил, что гора Tsou-ko (Цзи-хэ) находится близ Тараза [Аристов, 2001. С. 221]. Возможно, Н. Аристов исходил из того, что при династии Хань на юго-западе Яркенда существовало ещё одно владение «Цзыхэ», но там речь идет не о

горах, а о местечке с названием «Кук-яр» [Бичурин, 1829. С. XXVII], т. е. об обрыве, крутом берегу.

Подобный, связанный с лошадьми пример из другого китайского автора Ду Ю привел и Ю. Зуев: «Пегих лошадей тюрки называют хэ-ла (<hat-lat<*halat~alat~*ala-at «пегая лошадь») [Зуев, 2002. С. 282]. Однако в свою очередь Ю. Зуев допускает существенную ошибку, потому что не существовало в Центральной Азии какого-либо народа носившего название «пегая лошадь» (ala-at). В словаре М. Кашгарского термин «ала» встречается в нескольких местах: 1) прокаженный человек; 2) «ала», «ала ат» – пятнистый конь. «Ала» также название летнего пастбища возле Фарганы (возможно Алай – Т. Э.). «Ала йигаж» название пограничной местности [ДЛТ, 2005. С. 114, 447]. Даже часто встречающиеся у кыргызов и казахов сведения об Алача хане (Алаша, Алач, Алаш) [Абулгази, 1906. С. 17; Курбангали Халид, 1992. С. 55; Валиханов, 1985. С. 158-159; Закиров, 1996. С. 12; Бөөмбаев, 2011. С. 21-22] никак не связаны с мастью пятнистого коня. Вкратце эта история такова: «Давным-давно у одного хана родился необыкновенный сын; он был полосатый (ала). Хану стыдно было иметь такого сына, и он велел отвезти его куда-нибудь далеко. Вельможи исполнили его приказание. Ребенка нашла в степи какая-то старуха, собиравшая тезек (татарский «кизык») и стала его воспитывать. Пока ребенок рос – благодаря его святости, старуха разбогатела. Став юношей, найденный отличался красотой и ловкостью, искусством ездить верхом, силою и особенным умом. Молва о нем быстро распространилась по степи и дошла до отца-хана, который догадался, что это – его сын. Тогда он пожелал возвратить сына в свой дом и послал за ним сто человек, чтобы привезти его. Когда посланные увидели юношу, они так были поражены его достоинствами, что не захотели более вернуться домой и остались у него. Через год хан опять отправил сто человек, которые сделали то же самое, что и первые. Наконец, хан посылает третью сотню. И эти не вернулись. Триста человек (во главе с Юсуном, Булатом и Алчином) подняли юношу ханом (т.е. посадили на войлок и подняли на воздух в знак избрания ханом) и прозвали его Алаша-ханом от слова «ала», т.е. полосатый. Алаша-хан разместил этих людей по степи; потомки их образовали три сотни (джюз) казацкого народа. Отсюда уран (родовой клич) всех казаков Алашь, сокращенное от Алаша» [Потанин, 1917; Казахский фольклор., 1972. С. 67].

Эта легенда почти полностью совпадает с рассказом Чжан Цяня о Гуньмо, который владел небольшим государством на западной границе сюнну (хунну). Когда сюнну напав на них, убили Гуньмо, его маленький сын был брошен в поле. «Ворон склёвывал с него

мошкару, волчица вскармливала его своим молоком». Узнав, что младенца вырастили дикие звери хуннский шаньюй «счёл его сверхъестественным», подобрал, вырастил, а потом «вернул народ его отца и сделал командующим западного крыла. Гуньмо, собиравший и опекавший свой народ, захватил мелкие владения по соседству» [Сыма Цянь, 2010. С. 204].

То есть, связывая слова «halaš /alaš» с тюркским «ala» («пестрый», «смешанный») [Зуев, 2002. С. 130] Ю. Зуев сам в итоге допускает другую грубейшую ошибку, с вытекающими отсюда серьезными последствиями, потому что, «кал ач» (халаджи ан «халачи») и «ала-ат» не совместимые друг с другом понятия. Вполне вероятно, что в терминах «калучи» и «халадж» есть сходства. Например, Мухаммед Хайдар Дуглат под названием «калучи» возможно, имел в виду тех же «халаджи ан халачей», которые в то время были одним из самых многочисленных племен в Моголистане [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 209]. По мнению Э. Р. Тенишева «калучи» имеют аналог с кыргызским родом калча [Тенишев, 1964. С. 3-4; Юдин, 1965. С. 52-65]. Однако, «по арабским географом халаджи гораздо раньше переправились через Аму-Дарью и уже в X в., притом издавна, жили в южной части Афганистана» и т. д., где часть их говорила на туркменском диалекте [Бартольд, 1963. С. 552]. По данным ал-Хорезми, потомками эфталитов (ал-хай-тал) в X в. считали тюрков племени халач и канджина в Тохаристане [Камолидин, 2006. С. 13].

В конечном итоге вся эта путаница привела к смешиванию халаджи ан «халачей» на упомянутому в китайских источниках пестрому народу «Бома». В средние века слово «алачи» означала по-монгольски «убивающий», например, Султан-Ахмад-хана прозвали «Алача-ханом», т. е. «Убивающим ханом» [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 210]. Тем более, термин «ala» относящийся к масти лошадей является не конкретным, а обобщающим словом. Например, кыргызы и казахи не определяют пегих лошадей одним только «ала-атом». Имеется несколько подцветов, без которых невозможно объяснить, к какой именно масти принадлежит та или иная пегая лошадь. В природе часто встречаются масть лошадей в виде черно-белой («кара+ала+ат»), бело-гнедой («тору+ала+ат»), сине-белой («көк+ала+ат»), жёлто (рыже)-белой («сары+ала+ат»), и в редких случаях бело-пёстрый («ак+ала+ат») или просто пёстрый; рябой, чубарый («чаар+ала +ат»).

При этом исследователи почти не обращают внимание на то, что М. Кашгарский поведал нам историю, когда Зу-л-Карнайн (А. Македонский), пройдя Самарканд и реки Хужанд (Ходжент?) направился в страну тюрков, все население в страхе убежало,

последними пришли два человека, «которые несли груз на спинах, идя в сопровождении своих семей по следам войска. Эти двое устали и вспотели от тяжести», когда догнали бегущих, присоединившись к своим, они «сказали им по-тюркски: «кал аж», т. е.: «Эй вы, стойте, останьтесь, погодите!». После их стали называть халаж. Таковы корни Халажийцев, их два племени» [ДЛТ, 2005. С.1051-1052]. Эту историю Ю. А. Зуев считает достаточным доказательством, и добавил к нему пример из словаря Э. В. Севортыяна [Севортыян, 1974. С. 136-137], где слова «спина» и «лошадь» по-тюркски обозначаются словами «алача», «алаша». То есть, ученый в своей работе использовал только один из вариантов перевода. А их может быть несколько. Например, перевод, предложенный В. Радловым и В. Бартольдом, к происхождению названий народной этимологии «кал ач» – «останься и открой» [Радлов, 1893. С. 2; Бартольд, 1963. С. 552; 1968. С. 89] в данном случае был бы более подходящим. Также возможен вариант «останься голодным» [Бартольд, 1963. С. 552] – в словаре Махмуда Кашгарского «аж» - голодный [ДЛТ, 2005. С. 111]. Этимологию этнонима «халадж» или народа «калач», которая не связывается с словом «спина» встречается и у Абу-л-Гази хана «Родословное древо тюрков», в связи с походом легендарного Огуз-хана на Иран, Сирию и Египет. Когда он выступил в поход и дошел до города Талас («Талаш»), к хану привели одного семейного человека, который отстал от войска. Весь народ («иль») «Калач — потомки того человека. Теперь их называют халадж. Их много в Мавераннахре, здесь они соединились с илем Аймак. В Хорасане и Ираке их тоже много, там они присоединились к Чагатайскому илю» [Абуль-Гази, 1906. С 20].

Считается, что первыми наездниками в азиатских степях были андроновцы. Так вот, современные методы, применяемые в молекулярно-генетических исследованиях показали наиболее вероятности миграции «мужских предков енисейских и алтайских андроновцев с юга Средней Азии». То есть «наблюдается несомненная генетическая связь населения восточного ареала андроновской культуры (Саяно-Алтай, Семиречье) с территорией Ирака, Ирана, Афганистана и Индии. Гаплотипы андроновцев, обозначенные как S10 и S16, идентичны и относятся к гаплогруппе R1a1a, определяемой SNP-маркёрами M17 и M198. Уже общепризнанным является мнение, что данная гаплогруппа маркирует участие древних европеоидов в формировании генофонда населения Алтае-Саян. Данная гаплогруппа была выявлена у древнего населения Таримского бассейна (ок. 1 900 лет назад), у носителей пазырыкской культуры на Алтае (450 лет до н. э.) и у хунну Монголии (300–100 лет до н. э.)» [Волков, Харьков, Степанов, 2012. С. 147-166]. Или памятники

«андроновской культуры встречаются на Оби, Алтае, в центральном и восточном Казахстане и, наконец, у Аральского моря. Вещи андроновского типа встречены в Северном Приитыньшаньи, на Иссык-Куле и по р. Сокулук. Андроновская культура Енисея является на этой огромной территории лишь крайним восточным вариантом единого культурного комплекса» [Бернштам, 1998. С. 163-164]. В китайских источниках сообщается, что простолудин кыргызов (хакяньсы) ели «только мясо, конину, верблюжати́ну и ничего другого» [Кюнер, 1961. С. 58]. Из среднеазиатских народов в древние времена с коневодством наиболее тесно соприкасались кыргызы и казахи, род конуратов постоянно встречается в источниках среди них, и эта отрасль играла важную роль в укладе жизни названных народов – служила транспортом, военным оружием и пищей. В связи с этим нельзя не упомянуть археолога и этнографа С. И. Руденко, писавшего ещё в 1927 г., что «с научной точки зрения быт казахов, равно как и кыргызов, представляет исключительный интерес, так как они, без сомнения – единственные из турков – сохранили в наиболее чистом виде, вместе с исконным скотоводческо-кочевническим образом жизни, все те бытовые элементы, которые характерны для турков вообще» [Руденко, 1927. С. 83-134; Абрамзон, 1990. С. 94]. Археологические раскопки последних лет также показывают, что «погребения с конём VI-VII вв. помимо Алтая широко представлены и во многих других древнетюркских областях: в Юго-Западной, Западной и Центральной Туве, Минусинской котловине и Казахстане, на Тянь-Шане» [Трифонов, 1973. С. 368].

В арабских (исламизированных) странах, конина считается так называемым «макрухом», т. е., употреблять её в пищу было можно, но не рекомендуется. В настоящий момент конина наиболее широко производится и потребляется в Кыргызстане, Казахстане и Монголии [<http://www.znaytovar.ru/s/Konina.html>]. При этом Средняя Азия издавна славилась своим коневодством [Витт, 1952. С. 169]. Якутия является самой северной страной, связанной с коневодством. В суровых природно-климатических условиях разведение выносливых лошадей является очень дорогим занятием, поэтому многие исследователи обратили внимание на происхождение коневодства и сделали вывод о том, что коневодство переселилось сюда с юга, и широкого распространения не получила. На этом фоне сведения из устных преданий о том, что на развитие коневодства в Якутии имели отношение кыргызы в лице Сарабай-тойона, заслуживает особого внимания. «Исключительно интересен тот факт, что, по преданиям якутов, им предшествовал на Лене также и какой-то скотоводческий народ, живший здесь задолго до якутов и

носивший будто бы имя «кыргыс». Согласно этим легендам, кыргысы переселились на Среднюю Лену до Омогоя и Эллэя и привели с собой конный скот. Еще у якутов существует предание, что они пришли из страны, находящейся на три тысячи верст южнее того места, где стоит Иркутск. Киргиз Сарабай-тойон и его жена Сайсар, родом татарка, с детьми своими отправились из своей родины на север. Сарабай-тойон умер на том месте, где ныне стоит Иркутск...» [История Якутской АССР, 1955. С. 340-341]. Ученые также пришли к заключению, что в высокогорную область, которая малоподходящая для копытных животных, «обитатели Пазырыка лошадей, а вероятно, и сами пришли с ними, из степей и предгорий, и не по своей доброй воле, а по необходимости [Витт, 1952. С. 189].

Конечно, кобылы обычно не служили для езды, их употребляли в пищу, молоко брали для приготовления кумыса. «Бома некоторые называют Била (Бицы) или Элчжи. Расположено прямо на север от туцзюэ, отстоит от столицы на 14 000 ли, кочуют, однако любят жить в горах. Лошади мастью все пестрые, отсюда пошло наименование государства. Хотя разводят лошадей, но не ездят на них, пьют кумыс. Любят сражаться с цзйегу (хагасами). Жители походят на цзйегу, но языки непонятны».

Таким образом, сведения в китайских источниках о западных тюрках, которые в первой половине VII в. разделились на два государства, где запад реки Или отошел к Дулу кагану и ему подчинились владение Бома (конуратов), Цзегу (кыргызов), и сведения Балыкооза, в котором сообщается, что конураты и кыргызы жили по соседству в Присырдарьи полностью совпадают.

Некоторые ученые также пришли к самостоятельному выводу, что «конураты» были тюрками [Henry H. Howorth, 1876. с. 38]. «Усунь, Кангюй, Яньцай и Юечжи суть кочевые владения, в которых жители переходят с места на место, смотря по пастбищам и в обыкновениях сходствуют с хуннами» [Бичурин, 1829. С. XVI-XVII]. Значит, население, в названных китайцами государствах, расположенных в дельтах реки Сырдарьи и Или, с древних времен занимались в основном коневодством. Происходил постоянный товарообмен между земледельческими центрами и кочевой периферией. В благоприятные годы эквивалентной стоимостью одной лошади было 15 – 20 кусков шелка. В джутовые годы лошади повышались в цене, и кочевники отказывались от их обмена, если шелк был плох или его предлагали меньше [Зуев, 1960. С. 94, 95]. Например, ещё за несколько лет до заключения договора между каганом Хилиши и западнотюркским каганом Дулу в 627

г. «княжество Кан преподнесло в дар китайскому двору 4 тыс. ферганских лошадей» [Зуев, 1960. С. 96]. В эпоху династии Мин китайские источники среднеазиатских скакунов уже называют на тюркский лад «алугу» (тюрк. «Argun»; кырг. аргымак; каз. арғымак), китайская знать весьма ценила их, но скакуны в основном доставлялись в царские конюшни. Татарских коней называли «да ма» («да» – сокращенное от «дадень» – татары). Переводчики отмечают, что речь идет о конях из степей Монголии, Казахстана и т. д. Цены на татарских коней были ниже, чем на «алугу ма» [Китайские документы и материалы..., 1994. С. 215].

Торговлю скотом, в частности лошадьми не могли остановить даже джунгары [Цинская империя и., 1989. С. 71], со своей мощной армией, приспособленной к наступательным действиям. Китайцы, широко применявшие на практике свои древние знания, были уверены, что лошади уйгуров «не обладают силой» и им «нелегко соперничать с бурутами», лошади кыргызов «привычны к вечным снегам» [Супруненко, РКФ НАН КР. С. 79]. Коневодство обуславливалось, прежде всего, формой питания самого животного – пастбищного кормления круглый год. «Продольные и поперечные долины, большей частью служат великолепными пастбищами для кочевников. Славится в особенности степовидная долина Алая в Ферганской области. ...Киргизы утверждают, что самая истощенная лошадь после двухнедельного пребывания в этой долине превращается в откормленную» [Зеланд, 1885. С. 9]. Вплоть до настоящего времени Средняя Азия остается крупнейшим центром коневодства, где разводятся многочисленные породы лошадей, в том числе знаменитых ахалтекинцев, в которых исследователи видят прямых потомков прославленных на весь мир коней несейской породы. Значение коневодства у древних народов Средней Азии нашло яркое отражение в мифологии, фольклоре и изобразительном искусстве. Образы коней или фантастических коневидных грифонов очень популярны и в творчестве кочевых сако-массагетских племен, и у оседло-земледельческого населения, примером чему может служить Амударьинский клад, в котором изображения лошадей занимают первое место [Кузьмина, 1977].

Не обратившие на все эти факты, некоторые ученые род «кунградов» связывали с названием одного из знатных татарских племен, прибывших вместе с потомками Чингисхана с Востока [Заки Валиди Тоган, 1998. С. 24] В. Радлов «конградов» встретил (кроме казахских родов Улы джюз и Орта джюз) среди правых крыл («онг») кыргызских родов «бугу, сары-багыш» (тагай) и «эдигена» (адигине), но считал их чужим тюркским родом казахов, «впоследствии объединившийся с киргизами» [Радлов, 1989, С. 111, 112,

107]. С. Абрамзон основываясь на сведения Рашид ад-Дина их (монг. хонкират) занес к группам «киргизских этнических групп монгольского происхождения» [Абрамзон, 1990. С. 58].

Некоторые ученые, изучая источники материальных и духовных культур, язык каракалпакских кунгратов, также пришли к аналогичному выводу, что они произошли от коренных тюрков [Жданко, 1950. С. 121; Аманжолов, 1959. С. 16; Кармышева, 1976. С. 211]. То есть по существу вышеприведенное заключение Б. Юнусалиева в области лексики, переводы Н.Я. Бичурина, а также примеры В. Радлова и С. Абрамзона и заключение Г. Ховорса в совокупности приводят к выводу, что какое-то время часть кыргызов (отделение адигине-тагай) и казахов (Улы джюз и Орта джюз) вместе с ним и часть конуратов (Бома, Бюньма, Била, Бицы, Элочжи, Йелочжи, Хелань и т. д.) находились на Алтае. Вместе с тем отсюда можно сделать простой вывод о том, что все эти названные народы с древнейших времен жили на одной территории или тесно соседствовали. К сожалению, в какой форме использовался в китайских источниках этноним «казах» нам пока неизвестно, мы видели, что этноним «бома» («хелань») [вероятно, это конраты (хонгират)], ученые-синологи до сих пор не взялись реконструировать, а также такие этнонимы как «басими, хосюнь, чушуйкунь (чумукунь)» [Малявкин, 1989. С. 323], и других родов, соседствовавших с кыргызами. В хрониках «Сань го чжи», т. е. до, так называемого «перемешивания с динлинов с кыргызами» (гегунь), вместе с ними часто упоминается также хуньюй, кюеше, синьли [МИКК 2, С. 15], этимология которых до сих пор не реконструирована. Конечно, все версии о том, что современные уйсунуны это – древние усунуны, а дулаты есть прямые потомки дулу – является недостаточно аргументированными доказательствами и не убедительны, хотя бы по одной простой причине – так как по родовой генеалогической линии уйсунуны и дулаты считаются потомками некоего Байдибека [наприм. см.: Сулейманов, 2009. С. 77; Валиханов, 1984. С. 274]. При этом в силу закономерности, построенной самой природой, сам Байдибек никак не мог быть ни уйсунуном ни дулатом. Таким образом, усуньцев, «совершенно потерявшиеся в VI столетии» [Бичурин, Т. III. С. 58; Аристов, 2001. С. 23] и пять родов дулу, которые исчезли из истории Средней Азии ещё в 766 г. [Гумилев, 1961. С. 103-111], связывать каким-то образом с современным поколением уйсунунов и дулатов было бы «совершенно невымыслимо» [Бартольд, 1968, С. 271]. По Мухаммеда Хайдару утверждения дулатов в Средней Азии произошло совершенно иначе. Он все это связывает с Байдаганом – эмиром дулатов. По нему, после завоевания Чингиз хан «разделил свои владения между

четырьмя сыновьями. При этом надел дуглатов достался Чагатай хану. Чагатай хан вверил дуглатам Манглай Субе. Манглай Субе означает «местность, обращенная к солнцу». Она граничит с Шашем, Чалишем, Иссик-Кулем, Сариг-Уйгуром. В пределах этих четырех сторон расположены Кашгар и Хотан. Первым, кто из дуглатов утвердился в тех владениях, был эмир Байдаган». Потом это владение как наследство перешло «от эмира Байдагана из рода в род, из века в век, от сына к сыну» [Тарихи-и Рашиди, 1999. С. 340-341]. Тем более «термин усунь (уйсун, ушун, ушин, уйсын, усун и т. д. до сих пор не расшифрован, поэтому его действительный смысл остается загадкой» [Зуев, 1960. С. 14]. Поэтому фонетическое сходство этнонимов для ушей не может быть главным аргументом для подтверждения той или иной концепции. Не зафиксировано историей ни одного случая, когда название одного рода прерываясь посередине, через несколько десятков столетий их потомками вспоминаются и возвращают свое, древнее этническое название. На рубеже новой эры «Усунь» звучал как *ah-сman <*asman, и означал с иранского языка «небо», поэтому и усуньских коней в Китае называли небесными конями (т. е. «тянь ма») [Зуев, 2002. С. 24]. По Абуль-Гази-хана уйшуны «поколение монгольского племени» [Абуль-Гази, 1906. С. 50]. Должно учитываться и предположение В. Бартольда о происхождении дуглатов, которое представляется достаточно обоснованным. «Дуглат» (или «дуклат»), первоначально название монгольского (могольского) племени – «его предком называет Буданджара Дуклана, брата прадеда Чингиз-хана. До сих пор не удалось установить источник, из которого Абулгази заимствовал сообщаемое им объяснение слова «дуклан» (по-монгольски «хромой»); и по-видимому, нет ни этого ни какого-либо другого объяснения этого слова; однако эта этимология, очевидно, восходит ко времени монгольского владычества, так как в монгольском языке, как указывает Березин, действительно имеется слово «доголан» в значении «хромой»; Абулгази и его современники, конечно, не знали монгольского языка. На основании объяснения, приведенного у Абулгази, Березин (и вслед за ним другие) транскрибирует название племени как «Доголан», во множественном числе «Доголат»; однако такое написание, по всей вероятности, исключается употребляющейся в настоящее время в Средней Азии формой «дулат» [Бартольд, 1968. С. 530]. То есть некоторые источники ясно дают понять, что уйсунь и дулаты произошли от монгольских племен.

Но, безусловно, для нас представляет интерес иероглифы «жоужань», реконструированные С. Г. Кляшторным при помощи С. Е. Яхонтова. В середине I тыс. н. э. он должно быть был передан, «с некоторыми вариантами, транскрипцией *nönög. Этот

термин обозначил в IV в. некую группу степной вольницы, возглавленную оторвавшимся от своего роду-племени вождём. Позднее, во II тыс. н. э., для их обозначения стал использоваться тюркский (кыпчакский) термин казак, этимология которого неясна. Термин породил глагол казакла = «казаковать, скитаться, жить по-вольному», обозначавший временное состояние отколовшегося от своего рода удальца, жившего военным бытом в степи» и т. д.

При этом С. Г. Кляшторный особо отмечает, что «Позднее семантическое поле термина значительно расширилось. Прежде всего, оно обозначало воина, связанного узами добровольной службы с каким-либо военным предводителем, а не с родом-племенем. Нёкёр — дружинник степного вождя, а не участник племенного ополчения. И одновременно он член военного сообщества, дружины, возглавленной вождём. Тот же термин означал и само военное сообщество, сложившееся вокруг вольного степного вождя» [Кляшторный, 2005. С. 58]. В данной рукописи Балыкооза постоянно присутствуют и казахи, как один из основных родов огузов. Во главе их стоял один из нойонов Отар-хана, Тарак, его ровесник и активно участвовавшей в объединении огузов вместе с главой нойонов Сарыбаем. Исследователь С. Закиров также приводит сведения из этого списка о том, что бий казахов Абак выдал свою дочь Баглан за Баласагына [Закиров, 1996. С. 68].

Далее, изучая историю ранних тюрков, Ю. А. Зуев находит существенную ошибку, допущенную со стороны В. В. Бартольда (в Оксфордском издании) и Хабиби (в тегеранском, изданной в 1968 г., где ими пользовался для английского перевода А.П. Мартинец), «в написании термина «халухи ан карлуки», диакритическая точка поставлена над третьей буквой, а не под ней» и предлагает писать и читать «халаджи ан «халачи» [Зуев, 2002. С. 130]. Тогда «три карлуки», бежавшие к западным тюркам, о которых сообщает надпись на стеле, возведённой в честь Моюнчура [Строка 11] и «халачи», о которых говорит М. Кашгарский, могут быть разными родами. Потому что, вывод В. Бартольда о том, что западные карлуки, «которым было суждено через очень короткое время занять место турок-огузов» [Бартольд, 1968. С. 43], основывался на орхон-енисейских надписях. Если ошибка, указанная Ю. Зуевым имеет место, тогда роль огузов в создании своего государства в Средней Азии окажется еще более существенным, чем мы представляем. В связи с этим и заключение В. В. Бартольда основанное на Ибн Хаукаля о том, что «760-х годов, когда установилось господство в Семиречье и в западной части Китайского Туркестана карлуков» и «IX–X вв. между владениями гузов (огузов) и

тугузгузов занимали карлуки [Бартольд, 1968. С. 56, 71, 74] вероятно всего ошибочно, так как если в переводе С. Л. Волина [см.: МИТТ, 1939. С. 185] вместе с гузами (огузами) упоминается карлуки, то по переводу Е. К. Бетгера [см.: //Труды САГУ..., 1957. С. 25] они уже не карлуки, а «хазладжиты». Возможно, такая ошибка была допущена и в отношении Арслан-хана – хана карлукского, который со своим народом был насильно размещён В. В. Бартольдом в северной части Джетысуйской области [Бартольд, 1964. С. 304; 1968. С. 110]. Как видно у В. В. Бартольда и в отношении западных карлуков и Арслан-хана имеет место логическая ошибка, причем менее очевидные ошибки могут нанести и действительно часто наносят гораздо больший вред. Тем более в труде Абуль-гази-хана имеются сведения о том, что когда Чингиз-хан сделался «государем Монголии», «государем Карлыкским был Арслан-хан», который со своим народом в то время жил «в горах Монголии» [Абуль-гази, 1906. С. 35].

Сопоставляя сведения Хордадбека и Масуди, точно на такое же несоответствие обратил внимание и В. Радлов, где карлуки вдруг оказались в Фергане и Шаше [Радлов, 1893. С. 117]. В. Бартольд также отмечает, что «племена огузов, из которых раньше состояли «десять орд» империи западных тюрков, основали в Восточном Туркестане государство токуз-огузов, а на Сыр-Дарье – государство гузов». При этом честно признается, что «у нас нет точных данных относительно времени основания обоих государств, особенно второго. Вопреки Маркварту, мы можем утверждать, что в событиях в Трансоксании в конце VIII – начале IX в. наряду с карлуками принимали участие и огузы» [Бартольд, 1968. С. 311].

Таким образом, не до конца изученные материалы в конечном итоге могут привести к противоположному выводу. Одна ошибка может породить другую, утверждение, что современный узбекский язык (карлуко-чагатайской группы) является «одним из самых близких к языку словаря Махмуда Кашгари» [Камолиддин, 2010] – только на основе того, что некоторые историки или исследователи видят словарь более близким к карлукскому – может быть легко опровергнуто. Потому что, не могли автохтонные народы (одним из них был и М. Кашгарский) так быстро принять язык прибывших карлуков. Из-за таких мелких ошибок, допущенных со стороны некоторых ученых, автохтонный народ, назвавший себя «огузами» и проживающий почти с конца до нашей эры, в низовьях Таласа и Сырдарьи, стал приниматься не тем народом, и могли остаться за занавесом истории. При этом нельзя также исключить, что в древние времена (например, в эпоху хуннов) народы Центральной Азии говорили на одном языке.

Тем более что, нет исходного материала, чтобы провести различие разговорного или письменного языка древних кыргызов от остальных языков того времени [Малов, 1952. С. 5], например, от языка хуннов. Потому что, наряду с такими не многочисленными гипотезами как предполагают многие лингвисты, наряду с «полностью вымершем» или «монгольскими» версиями, существует также гипотеза, что в составе хуннской конфедерации был значительный тюркский этно-языковой компонент [Кормушин, 2004. С. 6].

Эту теорию косвенно подтверждает и Махмуд Кашгарский. В своем труде приводит все тюркские наречия Центральной Азии до первой половины XI века, включая «Верхний» и «Нижний» Китай (Син) вместе «Танут» и «Тубут», но так называемые алтайские наречия, которые включают в себя тюркскую и т. д. языковые ветви, ни разу не упоминает.

Упомянутое же китайцами несколько хуннских слов – слово «кынгырак» («кынграк») – «парадный меч гуннов» [Бартольд. 1968. С. 578]; др.-кит. **kēṅh-rāh* («меч для жертвоприношений») – пратюрк. **kiṅrak* («обоюдоострый кривой нож») не только близко с телеутским («обоюдоострый нож»), но и с кыргызским «кыңырак» – обоюдоострый нож грубой работы. По алтайски «кынырак» – скребок для выделки кожи (Суразаков, 1961. С. 23-24). Но это слово относится как раз не после, а до карлукскому периоду. Современный узбекский язык к тюркам можно отнести лишь условно (преобладает окание как у таджиков, напр., Мавераннахр – Моварауннахр, Чач – Чоч, Фергана – Фаргона, Китай – Хитой и т. д.), за исключением языка коньратов (кунгират) и найманов (узб. «наймон»).

Ещё одна немаловажная деталь – одним из характерных признаков для западнохуннской ветви тюркских языков было замещение древних *з*, *д*, *т* звуком *й*, (например: *айак* – вместо *адак/азак/атах* – «нога») [Баскаков, 1969. С. 230]. Современные кыргызы одинаково употребляют и «айак», и «бут»; у казахов «бут» – только часть ноги (ниже бедра до колена). Между тем, южные алтайцы, среди которых большинством являются «калмыки, телеуты и черневые татары» вместо «айак» применяют слово «пуд», тогда как у северных алтайцев (кумандинцов) она – «азак» [Вербицкий, 1893. С. 35, 37]. М. Кашгари также указывает, что при говоре «все Йагма, Тухси, Кифжак, Йабаку, Татар, Кай, Жумул и Огузы (т. е. тюрки) заменяют «з» на «й», т. е. они не выговаривали буквы «з», и приводит пример, что «кроме этой группы, все называют березу «казиң», а они «кайиң». Остальные называют родню по женской линии казин, а они – кайин» [ДЛТ, 2005. С. 71]. То есть, во время М. Кашгарского и естественно до него кыргызы и казахи (вместе

с «остальными») вместо «й» произносили «з», теперь наоборот, произносят вместо «з» букву «й», и называют родню по женской и мужской линии «кайын»; а березу – «кайын». Этот момент интересен ещё тем, что и алтайцы также вместо «з» применяют букву «й», говоря «кайын» – брачное родство; «кайың» – береза [САА, 1884. С. 118]. У М. Кашгарского встречаются ещё некоторые слова, такие как «кизиз» – войлок и «кузук» (нити, связанные друг с другом узелком, с их помощью верхняя основа ткани отделяется от нижней. Их связывают те, кто вышивает парчу и др.), применяемые в вышивании [ДЛТ, 2005. С. 348, 370]. На кыргызском языке теперь первое звучит как «кийиз», второе – «кыйык» (обрезки материи; клин портновский), по-казахски «кыык» (обрезки материи; лоскуты [КОС, 2002. С. 510]), по-узбекски «кийким, кийкинди» [РУС, 1983. С. 699]. Выше видели, что термин «айак» употребляется до сих пор в кыргызской, казахской и алтайской лексике одинаково, без изменений, но по-узбекски она «оёк», однако в алтайско-аладагском наречии слово «кузук» (т. е. «кызык») или «кыйык» не встречается. Соответственно напрашивается вывод, что все слова, входящие в словарь М. Кашгарского, сформировались и употреблялись задолго, до образования этноса и языка, к которому принадлежал сам М. Кашгарский. Кстати, он, выделяя отдельные произношения из различных тюркских наречий (например, жумул, кай, татар, йасмил и т. д.), которые считал не чистым (ломаным) тюркским, а кыргызский язык вместе с кифжакскими, угузскими и др. определил к чистым тюркским, единым языкам [туркийя махда луга вахида] [ДЛТ, 2005. С. 70]. Снова возникает вопрос, возможно ли, что «поэтапно переселившиеся с Енисея» кыргызы так быстро овладели чистым тюркским, чем жумули, кай, татары, йасмили? Тем более что, у М. Кашгарского пришлыми для тюркских земель являлись Хутан, Тубут и часть Таңут [ДЛТ, 2005. С. 88]. То есть, некоторые факты прямо указывают, что во времена М. Кашгарского и до него кыргызы, в крайнем случае, часть кыргызов, не были «енисейскими». Подобных примеров можно привести множество. Поэтому классическое определение, которое в основном предлагают археологи и лингвисты, что кыргызы переселились в Среднюю Азию из Южной Сибири и их участие (и не только) в этнокультурных и политических процессах на Тянь-Шане должно исследоваться более тщательно и детально.

Между тем, примерно с VII в. в китайских хрониках часто встречается племенной союз под названием «теле», по которому тюркологи позже пришли к новому научному выводу, что «племенной союз гаоцзюй/теле имел самоназвание. Этим самонаванием оказалось имя огуз, происходившее, согласно древнеогузским легендам, из имени героя-эпонима

Огуз-кагана. Более архаичной формой имени огуз является слово огур. В такой форме оно сохранилось в особой группе древнетюркских языков, наследником которой является современный чувашский. Огузы/огуры, наряду с кыргызами и сирами, были древнейшими объединениями тюркоязычных племён, существовавших задолго до появления самого этнического, политического и лингвистического термина тюрк». Потому как слово «теле является китайской транскрипцией древнемонгольского слова *tegreg, вошедшего и в тюркские языки, с первоначальным значением «обод, колесо», а также «телега, тележник». Иными словами, китайцы позаимствовали из монгольской (сяньбийской или жуаньжуаньской) среды тот термин, который в этой среде использовался, но уже не в переводе, а в оригинальном звучании» [Кляшторный, 2005. С. 58-60].

Далее ряд сведений, что город Шаш (Чач, Ташкент) связан с именем его правителя встречается в разных источниках. Одним их первых, опираясь на работы Бируни, кто указал на то, что «Ташкент – «Каменный город» (хотя каменных пород в этой местности почти совсем нет») был В. В. Бартольд [Бартольд, 1968. С. 79]. В связи с этим фактом для нас вызывает интерес и сведения из китайских источников о 19-и родовом народе, во главе которых стояла царская фамилия, связанная с «камнем» («kāng»). Основываясь на комментариях нескольких китайских авторов (Фан Сюаньлин, Тань Циясян и Яо Вэйюань) Ю. Зуев приводит пример о государстве 19 племен южных сюнну – «Поздней Чжао» (319 – 352 гг.). В их состав входило также племя «цянцизюй» (<khian-gio), которое было по происхождению юэчжийское. Они «составляли часть группы племен, объединенных названием «цзе» (<kiat), имевших густые бороды и большие носы». Позже китайские ученые признали тождество названий «цянизюй» и «канцзюй», именно из этого племени назначался глава государства, у которого «царской фамилией была Ши («камень»)» [Зуев, 2002. С. 99]. Если учесть, что Канга (Кангха), также Кангар или Канкар [Бартольд, 1968. С. 325] – древнее название страны Канцзюй (<*khang-giah, *kang-giwo) и территория его в I в. до н. э. размещалась в междуречье рек Сырдарья и Чу, её восточная граница включая долину р. Чу, касалась берега Иссык-Куля [Боровкова, 1989. С. 64-66; Зуев, 2004. С. 31-68. С. С. 48, 58], можно понять о роли огузов в отношении этногенеза алтайских племен на ранних этапах.

Составленный танским историком Ли Янь-шоу (ок. 596 – 678 гг. н. э.) «История Северных династий» сообщает, что «Государство Кан (Qang, Согд) – это потомки Канцзюя. В государстве Кан линия престо наследия не прерывается со времени династии Хань. Собственная фамилия их владетеля – Вэнь, он юэчжиец» [Зуев, 2002. С. 91]. Отсюда

вывод, на самом деле и юэчжийцы (нам кажется, что термины йелочжи, элочжи, юэчжи идентичны – имеют один корень) канцзюйцы, и конураты были одним народом [Более подробно см.: Кляшторный, 2003; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 21-23]. Интересен ещё один факт. По арабским источникам «дальше Шаша (или «дальше всех от Шаша») находился город Фараб [Бартольд, 2002. С. 355]. К вопросу основания или основателя города Фараб [см.: Наршахи, 1897. С. 13] имеется несколько мнений историков-исследователей. М. Е. Массон считает его основателем тюркского царевича Иль-Арслана [Массон, 1966. С. 164]. По нашему мнению более предпочтительным является интерпретация А. Г. Малявкина: «Фараб, по-видимому, современный город Фераб, расположенный на правом берегу Амударьи к юго-западу от Бухары. ...Его князь носил фамилию Чжи, имя Шицзии, был потомком одной из ветвей народа сюнну. Фамилия Чжи произошла от сокращения этнонима «юечжи» [Малявкин, 1989. С. 262. Прим. 574]. Китайский источник сообщает, что «в начале юэчжи жили между округом Дуньхуан и хребтом Цилян. Когда они были разбиты сюнну, то ушли далеко. Миновав Дайюань, на западе напали на Дася и подчинили его» [Сыма Цянь, 2010. С. 201]. Ниже мы увидим по языку хуннов и сяньбийцев, что Тянь-Шань (Небесные горы) звучит как «Цилян». Округ Дуньхуан располагался на территории северо-запада современной провинции Ганьсу. Но, во времена империи Хань был самым западным из пограничных округов. Из этих фактов видно, что вышеприведенное примечание Сыма Цяня охватывает относительно большое пространство, поэтому его нельзя принимать в буквальном смысле. При этом надо иметь в виду, что в тот период «власть сюнну-гуннов не распространялась западнее Лобнора». Поэтому «нет никаких оснований говорить и о военных экспедициях сюнну-гуннов на запад в этот период. Следовательно, считая несомненным юеди (юэчжи – Т. Э.) в 50-х годов II в. до н. э., приходится предположить, что вторичное поражение юеди было другим народом, также носившим название «гунны» [Зуев, 1960. С. 9]. По мнению Ю. Зуева это были усунь.

Вместе с тем «последующие археологические изыскания выявили в памятниках арысской культуры Южного Казахстана и другие свидетельства присутствия сюнну в регионе, что позволило достаточно аргументировано говорить о сюннуском этническом компоненте в рамках полиэтничного государства Канцзюй (Кангюй)» [Подушкин, 2011. С. 371]. Это доказывает этнокультурную идентичность номадов на территориях античной Средней Азии и Восточного Туркестана.

Нельзя категорично отрицать, что возможно племена «юе(э)чжийцев» и «тюрок» из одного рода, несмотря на противоположность доводов В. Бартольда, считавшим их тибетцами [Бартольд. 1968. С. 269. Ком. 1; Аристов, 2001. С. 111]. И наконец, возвращаясь к вышесказанному слову «теле», относящейся к западным динлинам напоминаем, что и находившихся на западе хуннов «юэчжийцев» китайцы также называют их тележниками (т. е. огузами), проживающим в юртах. Во время Модэ шаньюйя китайский император захотел изъять у сюнну благодатные юэчжийские земли с центром Чжанье, на что шаньюй ответил «все сюннуские чжухоу, живущие на западе, при изготовлении юрт и повозок пользуются лесом с гор, лежащих в этих землях, кроме того, эти земли принадлежали моему покойному отцу, поэтому я не смею лишаться их» [Бань Гу, 1973. гл. 94б. С. 46].

Но, несмотря на то, что ещё со времен легендарного царя Афрасиаба владения тюрок (туров) «простирались от Канга и Ката (низовья Сырдарьи и Амударьи) до страны Чин (Китай) у крайнего «моря Чин», а столица Афрасиаба (другой Канг) находилась где-то далеко за рекой Гульзаррион (Сырдарья) Шашем и Исфиджабом» [Пьянков, 2012. С. 602-605], Ю. Зуев ссылаясь на Э. Пуллибленка, фамилию «Камень» связывает с рекой Кан во Внутренней Монголии [Зуев, 2002. С. 99], однако основываясь на «Истории северных династий» и утверждая, что «...Чжэшэ (Чач, Ташкент) это прежнее государство Канцзюй», по другим названием «Чача было Ши-го «Каменное царство», и что Фамилия царя Ши (камень), а имя [и]не ([и]нель)...» [Зуев, 2002. С. 94] пришел к более обоснованному заключению. Там же сообщается, что под 603 г. один из западнотюркских каганов «жил на севере от Ши-го и управлял всеми согдийскими (ху) государствами Средней Азии». Западнотюркский каган Тун Шеху-хан (тюрк. Тун-ябгу) в 616 г. «перенес орду от Ши-го на север в урочище Цянь-цюань (Тысяча источников). После сего простер власть на весь западный край», – т. е. Среднюю Азию [Бичурин, 1998. Т. 1. С. 289; Зуев, 2002. С. 94]. «Государство Ши находилось на реке Лёшашуй в Душичжэчэн. Собственно это земли северной окраины Даюань (Давань) Ханьского времени» [Кюннер, 1961. С. 96; Аристов, 2001. С. 92-93].

В свое время известный голландский синолог де Гроот (J. de Groot, 1921, с. 62) на основе записок Сыма Цяня «Ши цзи» страну K'ang-ki разместил на месте современного Самарканда и Ташкента, а к северу от нее страну Ting-ling, к западу от Ting-ling и к северо-западу от K'ang-ki – приблизительно на низовьях Сырдарьи, царство кыргызов (Kin-k'un). «Китайская транскрипция (Ch'ien Han-shu) названия Киргиз Kien-k'un

объясняется у Pelliot как имитация (монгольской?) формы единственного числа: Qirqun, которому во множественном числе соответствует Qirqis» [Hudud., С. 282].

На основе комментариев де Гроота («Ueber das Volkstum der Komanen») и вышеприведенного источника «Вэй люэ» страну Кьен-кун (кит. цзянь-кунь – Т. Э.) расположенную северо-западнее Канг-ку (дальнейшая Согдиана) Й. Маркварт находит «очевидно» ошибочным, считая, что оно должно быть «северо-восточнее», т. е. локализует где-то в окрестностях современного Семипалатинска и приходит к выводу, что «кьен (кин)-кун – это обычная для китайского языка попытка описательной передачи названия «кыргыз» (без фонетического согласования «киркуз»), что естественнее всего» [Маркварт, Гл. 2]. Полемизуя с ним, В. Бартольд с точки зрения тюрколога указал на допущенные им ошибки [Бартольд, 1968. С. 418], но только в лингвистическом плане, не затрагивая указанного де Гротом источника (Ши цзы, гл. 123) [Сыма Цянь, 2010. Гл. 123, комм. 1], а Маркварту указал ошибочность его отождествления половцев с узами, и некоторое сходство со словом «кун» из китайских и других источников [Бартольд, 1968. С. 392-408].

Довольно многие средневековые источники также связывают местоположение древнего города Шаша (Чач) с городом Отрар и Таласом. В китайском известии, составленном после 751 г., сообщается, что даже город Талас был в это время «большой крепостью Каменного царства» (т. е. Чача) [Зуев, 1960. С. 93]. Дело дошло до того, что в Тарбанд была перенесена резиденция царя Чача [Зуев, 2002. С. 175-176]. Арабский историк Ат-Табари описывает историю, в которой «когда Наср пришел в Шаш, его встретил царь Шаша Кадар (Бедер-тархан?) с взносом по мирному договору, подарком и заложниками, и Наср поставил ему условием изгнать из его страны ал-Хариса б. Сурайджа, и тот изгнал его в Фараб. Он поставил наместником над Шашем Низека б. Салиха» [История ат-Табари, 1987. С. 269]. В другом месте Бедер-тархан почему-то оказался бамийанским и сам сообщает, что в юности он вошел в Хуттал «мечом» [История ат-Табари, 1987. С. 258], т. е. область между Пянджем и Вахшем была завоевана им еще до арабского периода.

Но, со времен де Грота никто из синологов не обратил внимание на это государство Кьен-кун (K'ang-ki). Другой источник, в связи с историей А. Македонского [Зу-л-Карнайн], также сообщает о древней стране тюрков, западная граница которого была река Хужанд [ДЛТ, 2005. С. 1051-1052]. Значит, некоторые вопросы связанные также со

Средней Азией все ещё остаются нерешенными. Конечно, надо иметь в виду, что «сведения о западных странах, собранные в «Повествованиях о западном крае», отрывочны, кратки, часто неясны, ...было допущено немало ошибок — как информантами, так и последующими переписчиками династийных историй» [Боровкова, 1989. С. 9-10]. Тем не менее, на севере (т. е. Южная Сибирь) «не было государств, с которыми Срединное государство стремилось бы поддерживать регулярные контакты, поэтому и форпосты его не выдвигались так далеко, как на западе. Полупустынные и пустынные территории здесь были непригодны для занятия земледелием, поэтому власти Срединного государства относились к ним с пренебрежением» [Малявкин, 1989].

Под именем Ношата можно увидеть Нух ибн Асада, внука Саман-худата, впоследствии служившего у халифа Мамуна. Завоевав в 224/838 – 839 гг. Хасан и Урашт в Мавераннахре, Нух ибн Асад сделал многое для возвышения Саманидов и усиления Мавераннахра, после чего стал правителем части Согда с Самаркандом, Ферганой и некоторых тюркских городов [Негматов, 1977. С. 23]. При нем династия Саманидов фактически начала вести почти самостоятельную политическую жизнь, независимую от халифата, после него национальное возрождение персов поднялось ещё выше, например, частично освободились от арабского владычества. По сведениям арабских источников тогда область Исфиджаба управлялась особой тюркской династией и пользовалась важными привилегиями [Бартольд, 1963. С. 270]

Наверно в списке Т. Алымбекова речь идет о его походе против Исфиджаба в 839-840 гг. [Бартольд, 1963. С. 267-268; Бартольд, 2002. С. 222, 500] где Нух ибн Асад построил вокруг него стену, ограждающую виноградники и посевы его жителей. Однако, здесь налицо сдвиг в хронологии автором или рассказчиком, т. е. если провести сравнительный анализ по тем или иным событиям, Отар-хан должен был жить намного раньше.

Далее рассказывается, что после объединения огузов ханом станет поочередно Отар, после него его сын Баласагын, после него его сын Ташы-хан (Таш – камень) после Ташы хана ханом огузов стал его сын Беляке (Белеке). При Беляке хане и началось арабское нашествие на Среднюю Азию [Закиров, 1996. С. 62-65]. В начале, как бы вместо предисловия рассказывается, что это предание про то, что «...когда убив Карач хана, позвав [к себе] ногаев, ханом стал Алооке, огузы вынуждены были отдать (оставить) город Отар, и когда кыпчаковский Бооке (иногда допускает ошибку, назвав его «Тооке») под боевым ураном (клич) «сарт», разгромил 12 родов угуза. Но когда хан Ургенча, один

из первых героев² храбрый Шахрук (Шоорук) собрав войско, выгнал их и снова взял Самарканд, наши ханы Сагын (полное имя которого Баласагын, чтобы рифмовать стихов иногда называет его Сагыном) и Ташы, убив одновременно Кульмесхана (букв. Несмеянхан) и Кочкара взяли [снова город] Отар, и тогда услышав, что кыргызы, мангыты и казахи вернули Отар, родственник Сагын-хана, хан Ургенча – Тайча-хан обвиняя за все это кыпчаков, т. е. племя (элет) Кульмесхана и разгромил их, оставив из твердых предметов только камень, а из мягких золу. «Кыпчаки» (кипчаки) бежали от гнева Тайча-хана, по просторной земле Кашгара. Тайча-хан вернулся в Отар. Испугавшись за все это Адолот-хан также признал власть Сагына, и держава («дөөлөт») Сагына была разделена на три ханства [под руководством Сагын-хана], и мирно просуществовала долго, до той поры, пока не вошла сюда исламская религия» [РКФ НАН КР, Д. № 10, С. 5-7]. То есть, как недвусмысленно дают понять авторы, при хане Баласагыне огузы создали мощную империю, в котором ведущую роль со времен Отар-хана стали играть кыргызы. Центром империи оказалась долина Талас, вместе с прилегающими районами, а также те области Сырдарьи, которые были ближе к среднему его течению. На 166-ой странице рассказчик добавляет, что «Тайча-хан собрав всех народов, [которые находились] за Самаркандом, повёл за собой род катаганов, кытаев, джедигеров, кальчи, 19-родовых конурат и тайчыков, разгромил народ (эл) Кульмесхана. Часть кыпчаков нашла убежище в Кашгаре, потом они стали называться сарт-кипчаками. Часть убежала к казахам. Часть осталась. Наши кипчаки – эти кипчаки (т. е. оставшиеся). [Таким образом], исчезло ханство Дешти-кыпчак. Некоторые [кипчаки] перешли в сторону Ферганы и Самарканда». Далее автор (рассказчик) объясняет, «раньше старики говорили, что кыпчаки народ – скандальный (драчливый, бранчливый; задира, забияка); после вхождения к исламской религии некоторые так и остались в Кашгаре, некоторые снова [вернулись] сюда. Вот причина – почему они [стали] называться сартами, почему написал [я] о них».

Как выше отмечалось, в рукописи не указывается дата тех или иных событий. Тем не менее, у С. Г. Кляшторного [Кляшторный, 1986. 2003. 2005; Кляшторный, Султанов, 1992. 2009], более обстоятельно изложено о происхождении этнонима кыпчак, о его связи с государством «сиров» встречающихся в тюркских надписях, и «сеяньто» в китайских письменных источниках, прекратившие своё существование в 646 г., когда они полностью были разгромлены. Их разгромили входившие в военный союз огузы, тогуз-

²В рукописи встречаются имя нескольких Шооруков (Шахруков) и Кошоев, поэтому уточняется словом «эртеги» т. е. «один из первых», «самый ранний».

огузы и уйгуры [см.: Кляшторный, 1986. С. 155-157]. Не только С. Г. Кляшторный, начиная с XIX в. к проблеме происхождения кыпчаков обращались многие ученые востоковеды, тюркологи и археологи [подробнее см.: Худяков, 2004. С. 138-153], поэтому нет надобности повторять их заново. Однако проводивший тщательный анализ монографий Й. Маркврата (1914), С. М. Ахинжанова (1989), С. Г. Кляшторного (1986) с тюркской лексикой и китайской транскрипцией «ши (<śiet < šir)» Ю. Зуев сомневается в том, что «Сйеяньто» и термин «кыбчак» имеет хронологическое соответствие. По его мнению, термин «сир» более близок к слову «сары» (дословно «желтый»), калька с которого на древнерусском языке – «половец» («половый» – цвет соломы)» [Зуев, 2002. С. 77-79]. Тем не менее, в ранних исследованиях Ю. Зуев отмечал, что санскритский «сарт» – это и есть «ша-то» (sa-t`o), одно из ответвлений западнотюркского племени чу-юе – чигилей, жившего в долине реки Ин-со – Юлдуза, в китайских иероглифах [Зуев, 1960б. С. 127]. Поэтому нам придется более подробно остановиться на вопросе возникновения этнонима «кыпчак» (кипчак). Тем более вышеописанное событие о разгроме кыпчаков, полностью совпадает с первоисточниками, на которые опирался С. Г. Кляшторный. Вот как описывается эта история в китайских письменных источниках: «Поколение Сйеяньто составилось из двух родов, Сйе и Яньто, которые нераздельно кочевали, а впоследствии род Сйе покорил Яньто. Прозывался Илихи. Между тйелэскими поколениями это было самое сильное. Обычай большею частью сходны с тукюескими» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 347]. «Прежде Сйеяньто просил побочного сына его Имана сделать Тулиши-ханом с управлением Восточную стороною, а законного сына Бачжо сделать Сы Шеху-ханом с управлением Западную стороною. Поход на Белую дорогу действительно был замысел Имана, и многие из вельмож роптали на это. Когда собрались на похороны, то Бачжо тотчас возвратился в поколение. Он разделил войско, и, нечаянно напав на Имана, убил его; после сего он сам вступил на престол под наименованием Гйели Гюйли Шисйе Шадони хана. В сие время императорская армия уже вступила в Ляо [Южная Манчжурия]: почему хан произвел набег на границу. Император указал стянуть пограничные войска. Неприятели узнали, что предприняты меры предосторожности, и отложили поход. Бачжо не был милостив к подчиненным. Он казнил многих вельмож, служивших при его отце, а должности их поручил своим любимцам. Вельможи начали беспокоиться. Або Ше встретился с китайским посланником на восточной мохэской границе: имел невыгодную стычку с ним, и возвратился в страхе. Вельможи видели, что китайское войско пришло. Народ сильно встревожился, и поколения разошлись. Дони хан с десятью конниками бежал к Ашине Шигяню; но вскоре хойху убили его и истребили

весь его род. ...Император разделил земли на области и уезды, и в северных пустынях водворилось спокойствие» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 350-351]. Когда «...Бицзя-каган умер, его сын Бачжо вступил на престол. Тогда императорские войска воевали в Ляодуне. Сйеяньто намеревались вторгнуться для грабежа, но узнав, что меры предосторожности приняты, не решились. Бачжо нравом был вспыльчив и придиричив, любил казнить китайцев, не внушал доверия своим приближенным сановникам. Абошэ, ведя войско, встретился на восточной окраине мохэ с танским посланцем. В мелких стычках не имел успеха и вернулся, боясь китайцев; говорил в свое оправдание: Танское войско прибыло. Танские войска сильно напали на племена, затем разбили их. Бачжо бежал, неожиданно был убит хуйхэ (уйгурами), которые целиком перебили его род. Возведя на престол сына младшего брата Бицзягуня (по имени Думочжи), сделали его каганом. Тайцзун сказал: «Желаю охранять народ, живущий у гор Юйдуцзюнь». Государь повелел устроить большую церемонию, поручил Ли Цзи умиротворить и угостить их (ветвь сйеяньто, жившую у этих гор). Тайно повелел Ли Цзи и прочим: «Если покорятся, то утешить; если возмутятся, то разбить». Ли Цзи прибыл. Думочжи очень испугался. В душе хотел сопротивляться в бою, наружно хорошими словами просил разрешения сдаться. Ли Цзи позволил войскам напасть, отсек свыше 5 000 голов, связал старых и молодых 30 000, затем уничтожил их сйеяньто государство. Думочжи умолял принять его покорность. Его назначили правым увэй-цзян-цзюнем, пожаловали пашнями и домом. Затем в 3 г. (629) оставшиеся поколения восстали. С помощью правого Линьцзюнь да-цзян-цзюня Шичжилисы наказали и умирили их. Во время годов правления Юнхуй (650—656) поколения сйеяньто, разбитые и рассеянные, вернулись под власть Китая. Гаоцзун велел учредить область Силаньчжоу и поселил их там». В итоге китайские войска во главе Ван Дао-цзуна перейдя «Каменистую степь» напал на остатки «народа сйеяньто и разбил их, отправил посланца призвать тйелэские племена к повиновению высочайшему повелению. Их старшины все обрадовались, просили, разрешения явиться ко двору. ...Хуйхэские и прочие одиннадцать фамилий (т. е. с уйгурами двенадцать) каждая отправила посла покориться повелению, просили назначить чиновников и правителей. Государь с радостью послал уполномоченных принять их. Всем войскам затем поведено захватить сйелиское Шихунмяо. В общем уничтожили Сйеяньто» [Кюннер, 1961. С. 41-48].

На основе этих и других сведений С. Г. Кляшторный пришёл к выводу, что «Первые сведения о племенах се и яньто весьма фрагментарны. Яньто упомянуты среди гуннских племён, перекочевавших на территорию китайского государства Раннее Янь (337-370 гг.),

т. е. в степь восточнее Ордоса. Шаньюй Халатоу, возглавивший перекочёвку подвластных ему 35 тысяч семей, правил, по всей вероятности, в 356-358 гг. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями, племенем се (сир), истребившим правящие роды яньто и подчинившие остальную часть племени. Новую конфедерацию возглавил правящий род сиров, Илиту (Ильтэр). В обозначении названия племенной группировки, существовавшей в IV-VII вв., китайские историографы механически соединили два этнонима, и название господствовавшего племени сиров, слилось с названием подчинённого племени яньто. В тюркских памятниках, соответственно законам древнетюркской этнонимии, это механическое соединение двух имён отсутствует, там упомянуто лишь главенствующее племя — сиры. ... В декабре 641 г. войско сиров и токуз-огузов во главе с сыном Йенчу, Тардуш-шадом, пересекло Гоби. Ашина Сымо успел скрыться за Великой стеной, а сиры оказались втянутыми в войну с империей и потерпели поражение. Начались переговоры о «мире и родстве», которые тянулись более трёх лет. После смерти Йенчу его младший сын Бачжо (Барс-чор) убил своего брата и захватил власть. В 646 г. огузские племена, страдавшие от притеснений Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну. Их послы жаловались, что Бачжо «жесток и беззаконен, не способен быть нам господином». Против кагана сиров был заключён военный союз империи с токуз-огузами. В июне 646 г. токуз-огузы во главе с вождём уйгуров, «великим эльтебером» Тумиду, напали на сиров и нанесли им тяжёлое поражение. Бачжо бежал, но был настигнут уйгурами. «Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род». Поражение сиров в Хангае довершили китайское войско и действовавшие совместно с ним два тюмена уйгурской конницы. Государство сиров прекратило своё существование. Многие роды были уничтожены, многие угнаны в Китай. Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сиров легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил» [Кляшторный, 2005. С. 129 - 131]. Таким образом, несмотря на отсутствие точных хронологических дат в рукописи, изложенное событие подтверждается несколькими источниками. Конечно, надо признать, что полностью истребленные «поколения сйеяньто» очередной политической миф, который в контексте этих событий придумали сами китайские историки, в угоду своему императору. При этом мы твердо уверены, что автор списка не был знаком ни с тем или иным китайским письменным источником.

Как видно из рукописи, после объединения огузов и с назначением Отара ханом кыргызы снова стали играть главенствующую роль в области граничащей реками

Сырдарья и Или, которое безусловно явилось закономерным итогом длительного процесса. В нем указывается, что в период ханства Баласагына пришли благодатные времена («кой үстүнө торгой жумурткалаган заман» – букв. «когда на овце нёс яйца (гнезвился) жаворонок»), т. е. она достигла апогея своего развития. С. Г. Кляшторный на основе большой надписи в честь Кюль-тегина в 51-53-й строках, содержащих перечень посольств, прибывших в 732 г. в орхонскую ставку Восточнотюркских каганов для участия в похоронах Кюль-тегина, отмечает, что термин «Soγd» и «Bärčälär (bärčäkär?)» может «восходить лишь к самообозначению тех согдийцев, которые, покинув родину, поселились в колониях, разбросанных в IV-X вв. на пространствах от Сырдарьи до Хуанхэ» [Кляшторный, 1964. С. 126-129]. Эти факты косвенно доказывают, что выходцы из Средней Азии в VII-VIII в. прочно утвердились на просторах Центральной Азии. При сравнении гаплотипы (10 Y-STR) андроновцев были выявлены, что южные алтайцы и тьянь-шанские кыргызы «являются потомками близких родственников енисейских андроновцев, вероятнее всего, потомками алтайских андроновцев» [Волков, Харьков, Степанов, 2012]. То есть тьянь-шанские кыргызы только наиболее близкие родственники енисейских андроновцев. По мнению В. Бартольда в «VI в. была образована одна из самых обширных когда-либо существовавших кочевых империй (занимающая в этом отношении второе место после монгольской) и где они несколько раз освобождались от ига китайцев и восстанавливали свое павшее государство. Правда, и на востоке эта государственность была им навязана силой, и хан в своих надписях чаще говорит о токуз-огузах, или просто огузах, как о врагах и мятежниках, чем как о своем народе. В степях к востоку от Каспийского моря ни огузы, ни их потомки туркмены уже не достигали политического объединения и постоянно сражались между собой. Отдельные части огузского народа совершали обширные завоевания и уходили в далекие страны, но среди этих движений не было ни одного всенародного. По странному противоречию, именно огузами, никогда не соединявшимися в одно целое, были основаны самые могущественные и прочные турецкие государства, до нынешней Турции включительно» [Бартольд, 1968. С. 91-92; 1963. С. 554]. В связи с этим первое упоминание Менавизантийца, о том, что в 568 г. западнотюркский каган Дизавул подарил византийскому послу Зимарху «пленницу», которая «была из народа так называемых херхисов» [Византийские историки., 1860. С. 379] вызывает некоторые сомнения. Потому что, такому видному послу, как полководцу восточных городов Восточного Рима [Там же, С. 375] не подобало бы дарить какую-то пленницу. Дизавул очень хотел утвердить «дружбу с римлянами», чтобы идти на персов «войною». Это видно было при приеме персидских

послов, когда жалуясь на персов, «оказывал более внимания к римлянам и посадил их на почетнейшее место». В средние века чтобы получить военную помощь обычно выдавали девушек замуж из царствующего рода. Именно из-за политических соображений «в 107 г. до н. э. ханьский император отправил в страну Усунь (Асман) принцессу замуж за усуньского владетеля», хотя «она была юна, а владетель стар годами» [Зуев, 2002. С. 24]. Таких прецедентов было действительно очень много, например, в первой половине VII в. западнотюркские каганы Сыби-хан Мохэду и Иби Шегуй, а в IX в. и уйгурские каганы отправляли к императорскому двору посланников, прося о браке, т. е. имели явное намерение породниться с императорским домом, с целью получить военную помощь. На этом фоне вывод Н. Аристова о том, что «Эктаг (быть может, Алатаг, Алатай) должен был находиться восточнее Таласа, т. е. на Или или на Чу» и «с Таласа Зимарх отправился в страну, лежащую между Сыр-дарьёю и хребтом Каратау или между Каратау и низовьями р. Чу», получился более логичным. Таким же образом, он пришел к выводу, «что пленница, подаренная Дизавулом, главою западных тукиесцев, незадолго перед тем завоевавшим западный Тяньшань, была из кыргызов, обитавших в Тяньшане» [Аристов, 2001. С. 212-214].

В скором времени, то есть при Беляке хане началось арабское нашествие на Среднюю Азию [Закиров, 1996. С. 62-65]. В связи с этим стала меняться политическая обстановка в Средней Азии – сталкиваются интересы двух крупных в то время государств, империи Тан и Арабского халифата. Решающее сражение произошло в 751 г. недалеко от реки Талас вблизи города Атлах, где китайская армия потерпела от арабов сокрушительное поражение, лишившись большинства своих воинов. При этом фольклорист С. Закиров приводит интересные для нас сведения из этого же списка (возможно именно они оказались среди утерянных), о том, что в начале нашествия арабов, после нескольких крупных сражений не одолев арабов, Беляке хан был вынужден обратиться к китайцам. Однако прибывшая в Талас 100 тысячная армия китайцев скоро потерпела тяжёлое поражение. Это поражение китайцев стало главной причиной переселения кыргызов в Алтай. [Закиров, 1996. С. 285-286]. Тем не менее, арабы не смогли добиться окончательного подчинения всего региона Семиречья. «В борьбе с арабами, утратила свое политическое единство и своих каганов западная ветвь огузского народа. Из китайских источников мы знаем, что западные турки-огузы разделялись на десять родов, из которых пять жили к северу и пять к югу от реки Или». Арабы в то время только отражали вторжения турок в культурные земли и не предпринимали походов в глубину степей и не

доходили до ставки каганов, находившихся около реки Чу; но поражение и смерть кагана в борьбе с арабами на Сыр-Дарье имели последствием распадение его государства [Бартольд, 1968. С. 46; Кляшторный, 2005. С. 67-68].

В этом контексте вполне логичными и аргументированными представляются выводы В. Бартольда, о том, что «с поражением китайцев на границе Мавераннахра образовалось два государства: Семиречье и восточной частью Сыр-Дарьинской области овладели карлуки; на низовьях Сыр-Дарьи образовалось государство огузов, которые, очевидно, подобно токуз-огузам в Восточном Туркестане, составляли часть рассеявшихся после смерти Сулу западных тюрков» [Бартольд, 1963. С. 259]. Единственное, как выше отмечали, у В. Бартольда в отношении карлуков [Бартольд, 1968. С. 71] возможно была допущена ошибка. О происхождении карлуков и об их взаимоотношениях с другими центральноазиатскими народами существует достаточно большая литература, нет сомнения в том, что широкая, углубленная разработка затронутых проблем потребует ряда специальных исследований и публикаций. Ошибка состоит и в том, что, по выражению В. Бартольда не возможно было движение кыргызов с Енисея на юго-запад в средние века, так как «в X и XI вв. этого не допустили бы «могущественные карлыкские ханы», в XII в. кара-кидани (т. е. кара-китаи), позднее монголы» [Бартольд, 1968. С. 269]. Однако на основе этих и других дополнительных фактов можно заключить, что кара-китаи стали могущественными после ухода части огузов на Алтай. И если подразумевать карлуков «хазладжитами», то все станет на свое место – мы увидим распад империи огузов. То есть, часть огузов осталась, часть ушла. Здесь надо иметь в виду, что «во второй половине VIII в. огузы покинули Семиречье и ушли» не только «в низовья Сырдарьи» [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 115-116], уходили постепенно и в разные стороны. Вероятно причиной исчезновения из немногих письменных источников этнонима «12 огуз» и появление в VIII-IX в. вместо него нового термина «тогуз угуз» (Toghuzghuz или Toghuz-Oghuz) – «девять (племен) огузов», которое часто стало упоминаться вместе с этнонимом уйгур, основавшие в 745 г. свою империю в Центральной Азии [Hudud., С. 266-267; Бартольд, 1964. С. 280. Комм. 106], является именно эти события, т. е. видимо речь шла о тех политических процессах, результатом которого было образование новой империи в северо-восточной части Центральной Азии. Отчасти это признает и сам В. Бартольд, как видно из его слов, что «путь в Китай находился в руках трех тюркских народов: гузов, карлуков и тугузгузов» [Бартольд, 1964. С. 280]. Но «в название «тогуз огуз» входил «не слово уйгур, а слово огуз», название,

принадлежало «не уйгурам, а их предшественникам и врагам – туркам орхонских надписей» [Бартольд, 1968. С. 460]. В прежних местах (по В. Бартольду от Каспийского моря до Исфиджабского округа) остались три огузы (гуззы).

Таким образом, в рукописи основной причиной ухода кыргызов и родственных ими родов на Алтай считается нашествие арабов (VIII в.). Выше мы видели, что методом сравнения и сопоставления большинства исторических фактов, события изложенные в рукописи подтверждаются другими письменными источниками средних веков. Например, в них можно найти ряд веских причин, почему оказавшиеся по соседству с арабами некоторые роды огузов спешно покидали свою страну: «Путник, идущий в Китай, на расстоянии полумесяца пути из Саджу достигает племени шары, которая известна под именем их вождя, а он — басмы». Далее добавляется, что шары убежали в эти места «от ислама, боясь обрезания» [Кляшторный, Султанов, 1992. С.134].

В. В. Радлов, выделяя тюркские языки на четыре группы – язык кыргызов, казахов, башкиров, татар, и условно каракалпакский, а также наречия татаров Западной Сибири отнес к западной группе [Radloff, 1882, С. 280, 281]. Арабский историк ал-Марвази свидетельствует, что тогда тюрки были многочисленными (огромный), и состояли из многих родов и разновидностей, многих племен и кланов, включая один из больших племен (коих было 12) огузов (гуззы). К числу тюрков относились также многочисленный народ – кыргызы (хирхизы), которые жили между востоком и севером. Степь тюрков лежала напротив «Мавераннахра, частью же – против областей Хуварезма. Затем число мусульман среди них умножилось, – а они были искренними мусульманами, – и они одолели неверных и изгнали их. Последние удалились из Хуварезма и переселились в районы баджанак (печенегов)». Кимаки жили к северу от кыргызов, «ягма и харлухи – к западу...» [Марвази, Д. № 10. С. 185, 186]. Китайцы видели доминирующую роль кыргызов в политическом управлении огузов в течение нескольких веков, поэтому и все остальные роды считали кыргызами на основе рунических писем, признавая роль кыргызов в создании сильного енисейского государства. Тем не менее, С. Е. Малов считает, что «заодно с киргизами были» и другие народы, такие как тофалары (карагасы), тувинцы или кимаки [Малов, 1952. С. 7].

Однако, на основе некоторых источников, можно прийти к выводу, что кыргызы вместе с родственными ими народами бежали на Алтай не раз. Например, во время Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Истахри (X в.) кыргызов (хырхыз) встречаем почти в том же

старом месте: «между владениями тогузгузов, кимаков, океаном и землей хазладжей». Между кыргызами и страной Чин находилась «земля Тибет», и у жителей Туркестана, «тогузгузов, хырхызов, кимаков, гузов и хазладжей – один и тот же язык, и все они происходят один от другого» [МИКК 1, С. 30]. Во времена Махмуда ал-Кашгари (1029-1101) их находим почти в том же месте, на которые указывает Истахри и фольклорный вариант эпоса «Манас». Следующий, очередной уход кыргызов, казахов, кыпчаков и др. на Алтай более подробно изложен в эпосе «Манас». Безусловно, вытеснение кыргызов из Средней Азии теперь было связано с выходом на историческую арену каракитаев и явилось его непосредственным результатом. Если коротко изложить, суть его такова; после смерти Ногая (деда Манаса) китаи (т. е. враги кыргызов) начали грабить кыргызов, и все сыновья Ногая были вынуждены разъезжаться в разные стороны.

...Когда умер его отец Ороз,

Кыргызов поизгоняли

На все стороны света.

Кто, скитаясь, ушел в Бапан (Бапан – далёкий край, бог весть куда),

Кто, скитаясь, ушел на Алтай,

Другие бежали в Кангай,

А другие, скитаясь, ушли на Эран.

Покинув родной край,

Ушли в разные просторы земли [Манас, 1958. С. 8-10; МАНАС:, 2013. С. 7-8].

Из них самый младший Джакып (отец Манаса) поселился на Алтае [Молдобаев, С. 9]. Возможно, именно по этой причине во время Рашид ад-Дина (1247-1318) кыргызы уже находились ближе к Каракоруму, «горы Алтая, река Орган, в области киргизов и кэм-кэмджиутов» [Рашид ад-Дин, 1952. С. 74-75].

Однако сей раз не все кыргызы ушли на Алтай. В труде Мухаммада ибн Наджиб Бекрана «Джахан-наме» («Книга о мире»), составленном в 1208-1209 гг. кыргызов находим в верховьях Аму-Дарьи, которая на востоке граничит с Кашгаром. Ученые отмечали, что «несмотря на краткость и беглость сообщаемых в нем сведений»,

встречаются интересные историко-географические подробности, касающиеся Средней Азии. Вот одна из них: «Атиль – это слово обозначает название города хазар, посреди которого проходит Джейхун; направляясь к морю, это также и название джейхуна. Верховье его лежит вблизи от хырхызов, и проходит он между местом расселения кимаков и туркменских племен, затем течет к булгарам и к пределам русов, а затем направляется к буртасам таким образом, что впадает в озеро Абескун (Каспийское море), проходя посередине города хазар, который также носит название Атиль, или иначе Джамлих» [МИКК 1, С. 55].

При том ученые-лингвисты должны обратить внимание и на то, что большинство вошедших в словарь Махмуда Кашгарского корневые слова, пословицы и т. д., и в современном звучании имеет абсолютный эквивалент в кыргызском языке [Султаналиев, 2011. С. 48-54]. Вот, несколько примеров: тюрки о тех, кто льстит, задумывая предательство, говорили, что «Киши аласи ижтин, йилки аласи таштин» [ДЛТ, 2005. С. 122], имея в виду все темное («ала» – букв. темно-белое или черно-белое) у человека скрыто во внутри, а у лошадей (т. е. у животных) вся натура видна снаружи. И теперь говорят: «Киши аласы ичинде [ичте], жылкы аласы тышында [тышта]». Как видно, и смысл, и содержание остались прежним. Ийик – «веретено» [ДЛТ, 2005. С. 117] (теперь по узбекски имеет несколько названий «дук», «йиг», «урчук», «ўк» [РУС, 1984. С. 106]; по казахски – «ұршық» [КОС, 2002. С. 900]). «Кумулдурук» переведено как «подпруга» [ДЛТ, 2005. С. 62], на самом деле «көмөлдүрүк» – нагрудник (часть верховой сбруи) для лошадей; по казахски «өмілдірік» – нагрудник (прикрепляемый к седлу у подпруги) [КОС, 2002. С. 636]; по алтайски «көндүрге» [Мендешева, 2008. С. 134]. «Угут» – название закваски для пива [ДЛТ, 2005. С. 88], до сих пор не изменился ни на йоту, также имеется в виду «солод», «бродило» и применяется для приготовления бузы (бозо – род домашнего алкогольного хлебного напитка, разновидность пива). По-казахски «ашытқы», «ұйытқы», «уыт» [КОС, 2002. С. 93, 891]; по узбекски «ачитқи», «туруш», «хамиртуруш», «томизғи», «солод» [РУС, 1983. С. 317, 1984. С. 473]. «Из проса черные киргизы приготавливают нечто вроде пива (буза), из которого затем гонят водку. Эту водку они пьют зимой. Летом, они делают молочную водку» [Радлов, 1989. С. 349]. Ещё до М. Кашгарского кыргызы варили «кашицу, чтобы делать напиток, также чтобы перебродить на водку» [Кюннер, 1961. С. 58]. «Возможно, самое первое его упоминание в китайском источнике относится к началу I в. до н. э.» [Зуев, 1998. С. 153-161. Комм. 7(а)]. Однако идентифицирование Ю. Зуева его с народом жившим на берегах оз. Байкал («Северного моря») нам кажется

ошибочным, хотя просо было главной пищевой культурой и у курыкан, живших в Прибайкалье в VI-XI вв. нашей эры. Тем не менее современные ученые на основе находок в Унгинском поселении пришли к выводу, что как раз их земледелие генетически было связано с земледельческой культурой Средней Азии [История Сибири., 1968-1969. С. 293].

Помимо этих слов встречаются также и слова, которые применяются только в обиходе южных кыргызов, т. е. у ичкиликцев. Например, «ариш» – основа ткани, «ариш аркак» – основа и уток ткани [ДЛТ, 2005. С. 96], на юге до сих пор в употреблении слово «аркак» – товар, ткань, или кустарный товар, тканые из натуральных шелковых нитей [Мукамбаев, 2009. С.126]. Или возьмем название кролика (заяц) – «тавишган» [ДЛТ, 2005. С. 472], которое в таком виде теперь употребляют только памирские кыргызы [Мукамбаев, 2009. С. 847], северные кыргызы называют его «коён», а казахи «коян». Надо иметь в виду, что название «койон» встречается именно у алтайцев [Вербицкий, 1893. С. 4]. При этом Б. Юнусалиев не обратил внимание ещё на один не маловажный факт, считая, что в юго-западном говоре кыргызского языка слово «уй» (корова или как родовое название и самка) «почти забыто» [Юнусалиев, 1956]. Однако никак не может быть «почти забытым» слово, потому что ещё во времена Махмуда Кашгарского тюрки называли корову «сигир» [ДЛТ, 2005. С. 346], а не «уй». В данное время кыргызы-южане (памирские, джержетальские, баткенские, лейлекские, ноокенские) и в местах близкого соседства с казахами (например, в Таласе), называет её «сыйыром» [Мукамбаев, 2009. С. 839]. Надо учитывать, что и алтайские телеуты также называют корову и «сыйыром», и «уйом» [Вербицкий, 1893. С. 318, 398]. Это означает, что северные (т. е. аркалык – «внешние») кыргызы слово «уй» заимствовали из чужих диалектов, притом позже XI в., а в южных говорах оно сохранилось в первоначальном виде почти без изменений.

Подобные факты также не учитывались Э. Р. Тенишевым [Тенишев, 1997. С. 456-457]. На основе «енисейских теорий» он выделил енисейский, алтайский, тянь-шаньский этап формирования кыргызского этноса и языка, но на ошибочность этой концепции потом указали хакасские историки [Бутанаева, Бутанаев, 2002]. Поэтому нужны твердые, четкие, весомые доказательства, углубленные лингвистические исследования, почему у переселившихся с Енисея: «кара-киргизское наречие стоит гораздо ближе к киргиз-казацкому, чем к языку енисейских тюрков», а язык казахов (киргиз-казаков) «принадлежит к западной группе тюркских наречий» [Бартольд, 1968. С. 276]. Это подтверждает сведения, что в древние времена люди, жившие в Ферганской долины

(«Дайюань») до «Аньси» (древний Гаочан в Турфанском оазисе) хотя несколько различались, но «тамошние обычаи во многом сходны, а люди друг друга понимают» [Сыма Цянь, 2010. С. 210].

Как видно из выше приведенных примеров, язык кыргызов до сегодняшнего дня остался почти без изменений, в крайнем случае, со времен М. Кашгарского, а у «автохтонных» народов (если узбеки «автохтонные») он претерпел существенные изменения. При этом надо ещё иметь в виду, что для передачи при письме всех тюркоязычных звуков требуется около 40 графем (для сравнения современный кыргызский язык имеет 35 фонем, 36 графем, из них буквы «к», «г», «ж» имеет по 2-е фонемы; казахский язык состоит из 35 фонем, 42 графем; новый узбекский алфавит, основанный на латинской графике, содержит 29 букв, обозначающих 6 гласных и 23 согласных звука), поэтому применяемые М. Кашгарским некоторые арабские буквы и харакаты (огласовки) при чтении тюркского текста могут иметь несколько вариантов. Например, тюркские гласные о, ö (кырг. «ө»), а, е, э, і, ї, и, ü (кырг. «ү») переданы посредством арабских *a, u, y* [ДЛТ, 2005. С. 48-49]. Также существует ещё целый ряд фонетических нюансов. Например, в общепринятом кыргызском литературном «өң» – лицо, цвет лица; цвет; на юге «аң – вид, облик [Мукамбаев, 2009. С. 116].

Позже также было доказано, что в западнохуннской ветви тюркским языкам были свойственны наличие значительного количества заимствованной лексики из арабского и иранских языков и относительно меньшее количество заимствований из монгольского языка [Баскаков, 1969. С. 230]. Эта теория косвенно подтверждается и археологическими материалами: «Отсутствие «чистых» монголоидов в среднеазиатских погребениях конца I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры свидетельствует о том, что перемещения, определившие пути сложения антропологического типа населения Средней Азии, охватили тогда лишь племена, родственные в антропологическом отношении. Движение монголоидных племён ещё не распространилось на территорию Средней Азии» [Сорокин, 1956. С. 6]. Таким образом, изучая этногенез центральноазиатских народов вглубь и вширь, ученые стали обращать внимание и на лингвистический, и на антропологический вид современных алтайских народностей и кыргызов (но не всех). После проведенных неполных анализов, некоторые ученые на основе того, что «люди каменного века Европы по физическому типу не отличались от современных европейцев, в Китае – от современных китайцев», но физический тип народа заселявших «территории современной Киргизии резко изменился всего несколько веков назад», пришли к выводу, что к этому

имели отношение монголоидные племена, постепенно продвигавшиеся к Тянь-Шаню [Петров, 1963. С. 5].

Кстати, постановка вопроса в таком виде и на современном этапе имеет более существенное значение. «Киргизы и дунгане по своим антропологическим особенностям также относятся к южносибирской расе. Но они отличаются более выраженными монголоидными особенностями: более широколицы, чаще встречается косоугольный разрез глаз и эпикантус. Лишь у киргизов Ферганской долины монголоидные особенности несколько смягчены по сравнению с киргизами Тянь-Шаня» [humanslife.ru «Этническая антропология»]. Однако по сравнению с южными алтайцами, тувинцами или бурятами, которые могут считаться наиболее характерными представителями монголоидной расы, все эти особенности у киргизов выражены несколько менее отчетливо. Поэтому киргизы не могут считаться вполне характерными, условно говоря, вполне «чистыми» представителями монголоидной большой расы [lib7.com/.../1287-antropologicheskij-sostav-naselenija-srednej-azii-i-kaz]. Таким образом, однозначные заключения о том, что причиной изменений физического типа и разница в говорах является медленное развитие внутреннего хозяйственно-экономических и этнических связей южных и северных киргизов в связи «разделенными мощными горными отрогами Тянь-Шаня» [История Киргизской ССР., 1984. С. 464] весьма субъективно, так как такая теория рассматривается с точки зрения настоящего времени. Подобное представление вряд ли даст весь спектр тех событий. Множественные письменные источники наоборот указывают, что в средневековье или в древнее время этот регион в хозяйственно-экономических отношениях был связан с Китаем более тесно, чем с западными странами. Из них самым важным торговым звеном являлся Кашгар, связывающий Среднюю Азию с одной стороны Китаем, и с Индией (в ханьское время Шэньду) – с другой. При этом китайцы не разделяли страну по принципу «горных отрог Тянь-Шаня», со времен Хань отправляли своих послов, как и в Северный Тянь-Шань, так и Фергану. Когда Чжан-Цянь «открыл путь в иноземные страны, ...Вслед за этим всё больше и больше посланцев направлялось в такие государства, как Аньси, Яньцай, Лисюань, Тяочжи, Шэньду. Сын Неба настолько полюбил дайюаньских коней, что посланники то и дело встречали друг друга в дороге» [Сыма Цянь, 2010. С. 207]. В средневековье послы из Китая и Гаочан, а также китайские путешественники часто посещали Чуйскую долину, даже рядом с г. Талас (кит. Далосы) существовал небольшой город (около 300 дворов), который населяли только китайцы [Зуев, 2002. С. 265, 269]. То есть, горные отроги Тянь-Шаня не могли играть какую-нибудь

существенную роль в истории сложения физического типа населения в отдельности, в том числе к этническому, языковому и экономическому развитию.

Теперь рассмотрим положение географических объектов, описываемых в тех же китайских источниках, относительно теперешнему их расположению. В топонимах Средней Азии часто отражено расположение географических объектов и их названия в большинстве случаев сформировавшиеся определено из каких-то внешних признаков, которые характерны только к тому или иному региону. Естественно, многие из них впоследствии были калькированы в других языках. Например, Ала-Тоо («Алатау») – «Пестрые горы». Вместе с тем во многих древнекитайских источниках её часто ассоциирует как «Белой» или «Снежной горой» (кит. «Тьхян-шань» букв. «Небесные» т. е. «Высокие горы» [Бичурин, 1999. Т. III. С. 44]). Танский историк Янь Ши Гу (581-645) комментируя «Хань шу» утверждал, что находившиеся на юге в современной провинции Ганьсу и на севере Синьцзяна горы «Тяньшань есть Цилян. Сюнну небо называют цилян. Ныне на сяньбэйском языке оно также называется» [<http://buryat-mongol...ool/archives/94>; Хуань Куань, 2001. С. 141, комм. 7], которое со слов сюнны китайцы считали «подлинным раем для кочевников» [Таскин, 1968. С. 147-148. ком. 183]. Как мы видели выше, среди нескольких дошедших до нас хуннских слов слово «taŋri» («көк») с древнейших времен означает небо. Позже тюрки (почему-то М. Кашгарский относил их только к неверующим тюркам) также называли словом «тагри» небо. Также словом «тагри» они называют все, что им представляется великим, например, высокую гору или большое дерево» [ДЛТ, 2005. С. 1022]. Китайское название «Тянь-Шань» также означает «Небесные горы», но в древнейшее время именно какую гору имели в виду китайцы в летописях, считается пока спорным [Малявкин, 1989. С. 125. Прим. 42], однако нельзя исключить, что и в древности тюркский язык употреблялся до хангайского нагорья (Монголия). Но отсутствие Тангри-Тага («Тянь-Шань» – «Небесные горы») в индоевропейских, точнее в иранских (фарси) названиях позволяет нам сделать вывод, что это слово является калькой именно хунно-тюркских языков.

В связи с этим нам придется более подробно остановиться на китайских сведениях о государстве Давань. Одним из первых, кто сообщил нам место расположения среднеазиатского государства с таким названием, со слов Чжан Цяня, был Сыма Цянь [Сыма Цянь, 2010. С. 199-200, 204-205]. Позже некоторые ученые-синологи пришли к выводу, что путь Чжан Цяня пролегал Северной дорогой через перевал Терек-Давань в Ферганскую долину, далее Кангху (кит. Канцзюй; о нем более подробно см. ниже) и,

наконец, в Бактрию, где в это время уже обитали бежавшие от сюнну – юэджи [Умурзаков, 1983. С. 39; Зуев. 2002. С. 17; Рихард Хённиг, 1961. С. 254].

Теперь посмотрим на географическое расположение Ферганы. «Ферганская долина – обширная котловина, замкнутая с трех сторон мощными хребтами Тянь-Шаньской, Памиро-Алайской горных систем. Длина ее с запада на восток более 350 км, ширина до 150 км. Вдоль долины течет вторая по величине река Средней Азии – Сырдарья» [более подробно см.: Вернадский, 1972]. Перевал отсутствует только на северной стороне, где вытекает река Сыр-Дарья. Но, между отрогами Моголтау и Туркестанского хребта, так называемые «Ходжентские ворота» (около города Ходжента, при выходе на сторону города Бекабад) считаются слишком узким для проезда. Именно из-за этого современные автомобильные дороги были проложены через горы Карчагил и Ангренский перевал. То есть Ферганскую долину повсюду окружают отвесные пики, вершины которых покрыты снегом даже в самое жаркое лето. Чтобы попасть в долину с южной стороны надо пройти через Ходжентские ворота [Ибн Хаукал, 1957. С. 25], а с остальных сторон (запад, юг и восток) нужно будет порой переходить несколько перевалов («дабан»).

Не претендуя на окончательное решение вопроса, теперь можно обратить внимание на следующее произношение «Даюань» – так в древности называлась современная Фергана. Естественно, в первую очередь надо учитывать, что для китайцев это легко произносимое слово, поэтому придуманными китайскими историками ее считать нельзя. «Второй иероглиф также читается «вань», но ведущие словари указывают, что в названии этого оазисного государства он должен читаться «юань» [Малявкин, 1989. С. 186. Прим. 304], т. е. если их вместе сложить иероглиф должен читаться как «Даюань». Видно, что Сыма Цянь изложил его по точным произношениям Чжан Цяня. Объясняя этимологию «даба(ан)» (перевал через горы, возвышенности) Э. Мурзаев, признавая наличие его в азербайджанских, узбекских, киргизских, а также персидских и таджикских словарях, тем не менее указывает, что этот термин отсутствует в древнетюркских и турецких языках и приписал его к монгольскому языку [Мурзаев, 1984. С. 169]. Отсюда вытекает единственный вывод о том, что китайцы никак не могли применять в эпоху хуннов, в отдельно взятом регионе монгольские слова. Северные киргизы (по мнению Б. Юнусалиева были более монголизированы, чем южане), в том числе и казахи его почти не употребляют, зато у южных киргизов оно очень часто встречается. Тем более, второй слог (т. е. самый древнейший) с двумя «а» (т. е. «аа») применяется только у памирских киргизов [Мукамбаев, 2009. С. 316]. И возникает резонный вопрос – почему это слово

осталось неизменным в говорах вместе с южными-кыргызами у узбеков и таджиков, то есть именно в тех местах, где в древности имели прямое соприкосновение с государством «Даюань», что соответствует его географическому расположению. Почему этот термин отсутствует у М. Кашгарского объяснить пока невозможно, однако его отсутствие не может доказать обратное. У северных кыргызов и казахов это слово употребляется очень редко. На севере вместо «дабан» часто применяется слово «ашуу» (от глагола «аш» – переваливать через что-либо; казахское «асу») и «бел» (букв. спина). По выводу Э. Мурзаева оно должно было бы употребляться в основном северными кыргызами.

К сожалению, в связи с недостаточностью источников, невозможно определить причину и возможную эпоху их разделения на южных и северных, поэтому нельзя отрицать, что оно могло произойти ещё в древние времена. В настоящее время ичкиликцы занимают территорию в предгорной части Алайского и Туркестанского хребтов и прилегающие к ним районы Каратегина и восточного Памира, а также в Синьцзян-Уйгурском авт. р-не КНР; в уездах Ак-Тоо, Улугчат, Таш-Курган, к западу от городов Кашгара, Янги-Гиссара и Яркенда и в уезде Гума – в предгорьях Куэнь-Луня [Абрамзон, 1990. С. 41]. Слово «арка» (в том числе «ар-т», «ар (т) жак», «арка жак», «ар-ты») переводится как спина; задняя сторона, задняя часть, тыл (при массовом передвижении народов), дальний, находящийся дальше (в отношении пространства и времени), где вспомогательное слово «ар», который самостоятельно не употребляется, определяет существительное. Например, «ар жак» – та сторона, «ар ким» – всякий, кто...; «ар кайсы жерде» – везде, всюду, во всех местах, в разных местах; «ар кандай» – всякий, всяческий и т. д. Все это осталось вне поля зрения ученых.

Надо заметить, что в устном фольклоре народов Средней Азии вообще, и тем более у кыргызов мы не встречаем ни одного предания о продвижении их из Енисея в Тянь-Шань. Наоборот, все предания, в том числе и эпос «Манас», гласит об обратном, т. е. сперва кыргызы перекочевали из Таласа, и по истечении почти нескольких сот лет (пока не родился и не вырос Манас), они жили в надежде вернуться на «место, где остановили кровь своей пуповины» [МЭ, 1995. С. 31] – в Андижан, Алай, Талас, которые считали своей изначальной родиной. Казахи (во главе Айдар-хана) вернулись через Каркыра в Сарарку, а кипчаки (во главе Урбю) поселились в Кемине [МЭ, 1995. С. 31; Манас, 1958. Т. 1.] и т. д.

В этих рассказах особенный интерес вызывает обратное выдвижения кыргызов из Алтая, где выходя из долины Джылдыз (Большие и Малые Юлдузы – называется ещё

несколько десятков топонимов и гидронимов ныне существующие), проходя по маршрутам района реки Или, долины Чуй, останавливаются в Талас – Кенколе [Молдобаев, 2004. С. 64]. По логике некоторых ученых кыргызы должны были не помнить их вообще, так как в связи с военным положением на несколько веков эти территории оставались под юрисдикцией монгольской империи, потом Алтан (Алтын)-ханов – Джунгарии, у которых в середине XVIII в. вооруженным путем «унаследовала» Цинская империя. Тем не менее, потомки средневековых кыргызов и в XIX в. безошибочно перечисляли все географические объекты, относящиеся к юго-западу Монголии. Следовательно, и все события, происходившие в названных местах не должны рассматриваться по отдельности, т. е. они не могли быть вымышленными или придуманными. А вот вопрос – почему Манас не вернулся на Енисей, или, не задерживаясь в таких красивых и плодородных местах, как Иссык-Куль, Ат-Баши – Арпа и т. д., и т. п., поселился именно в Таласе остается до сих пор открытым. Не только Манас, но и его сын Семетей также считал Талас своей исконной родиной, и вернулся туда из славного города Бухары. По фольклорному варианту эпоса «Манас», который опубликовал в свое время В. Радлов, до рождения Манаса, его отец Джакып-хан проживал в устье «Алматы», местности расположенном в верху от «Чункур (Чункар)-Уя» [Образцы..., 1885. С. 1], (чункур – яма, впадина; уя – гнездо).

В 893 г. был завоеван город Тараз, но «эти завоевания касались только ближайших пограничных областей, и даже здесь рядом с завоевательными походами Саманидов происходила, независимо от них, мирная колонизация степи переселенцами из Мавераннахра» [Бартольд, 1968. С. 61]. В итоге граница государства Саманидов на севере доходила до реки Талас, и была гарантирована от набегов соседей-кочевников. «К началу X в. Исмаил Самани получил возможность заняться организацией центрального государственного аппарата и созданием сильного, хорошо вооруженного войска. Таким образом, при наиболее выдающемся представителе династии Саманидов – Исмаиле впервые после арабского завоевания политически раздробленная страна была объединена и создано сильное, фактически независимое от Арабского халифата и в известной мере централизованное государство, были ликвидированы междоусобицы в стране и прекращены внешние вторжения» [Негматов, 1977. С. 25-26]. С этого времени большинство китайских и арабо-персидских письменных источников [Кляшторный, 1964. С. 14-16] стали тюрков-огузов локализовать на обширных территориях Центральной Азии.

В связи с арабским нашествием в рукописи заканчивается среднеазиатская (до арабская) история огузов и этим автор завершает свой рассказ. В конце, вкратце, рассказывается история о происхождении пророка – Мухаммеда и завоеванием арабов Самарканда. В этом месте в списке приведен очень любопытный факт, что Самарканд был взят Кусамой ибн-Аббасом (в тексте «сын Аппаса – Кусан ибни Аппас»), после поражения Белеке-хана [РКФ НАН КР, Д. 2. С. 193-194]. Такая же легенда (но без указания источника) приводится и в книге С. Закирова. В нем рассказывается, что в 56 году хиджры, во главе «Кусам инни Аппасом» арабы вошли в Самарканд. В ответ Белеке хан собрал огромное войско, окружает Самарканд, где и произошло первое крупное сражение. В кровопролитной резне арабы впервые потерпели поражение, после чего Кусам просит помощи у Мухаммеда Ханафия (в тексте «Мухамбет Анапия»). Только после этого Мухаммед Ханафия против Белеке хана посылает огромную армию под предводительством Кутейба ибн Муслима (Кутайпа инни Муссалим) [Закиров, 1996. С. 75]. Почему любопытный – потому что, этот факт встречается не у всех арабских авторов. Поэтому, несмотря на подтверждение самаркандцев, которые «в 718-719 г. считали 35 лет со времени начала нападений арабов на их область», опирающиеся на одного ат-Табари, более ранний поход в Самарканд Кусам ибн-Аббаса вызывал сомнение у В. Бартольда [Бартольд, 1964. 2. С. 382]. Однако у Балазури имеется прямое сообщение, что «Кусам ибн ал-Аббас ибн Абд-ал-Мутталиб (т. е. двоюродной брат пророка Мухаммеда) был при Са'иде ибн Османе и скончался в Самарканде, или, как говорят, был убит там» [Ахмад ал-Балазури, 1939. С. 72]. По другой древней среднеазиатской легенде также рассказывается, что близ Самарканда Кусам ибн-Аббас выдержал около 70 сражений с неверными, и однажды язычники, обитавшие в горах Пянджикента, внезапно нападают на войско Кусам ибн-Аббаса в святую минуту, когда все воины стояли на коленях и молились. Неверные воспользовались их временной небоеспособностью и всех зарубили [Ионина, 2004. С. 73].

Вместе с этим в китайских письменных источниках внезапно появляется новый термин, обозначающий кыргызов, вместо ранее применяемого «гэжунь» в конце II – в начале I в. до н. э., в Ши цзы [см.: Сыма Цянь, 2002. С. 331], в Цяньханьшу «Гянь-гунь» («цяньгунь») в I в. н. э. [см.: Бичурин, 1998, Т. 1, С. 92; Бан Гу, 1973. С. 37] – «хягас» («хягяс», «хагас») или «сяцзясы» [Кюнер, 1961. С. 55] в середине XI в. нашей эры (указаны время составления текста). Одним из первых, кто обратил внимание на эту проблему из современных ученых был В. Бартольд: «в VII в., для обозначения киргизов употреблялась китайская транскрипция хягас, и под влиянием этой транскрипции современные

енисейские турки приняли для себя после революции название хакас. Сведений о том, на каком языке говорили киргизы в древности, мы не имеем; в VII в. они по языку, несомненно, были турками, но по физическому типу (рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза) резко отличались от прочих турок, моголы приняли ислам, киргизы оставались кафирами. Уже этот один факт заставляет сомневаться в том, чтоб киргизы могли жить в Джетысуйской области непрерывно с того времени, к которому относятся известия рукописи Туманского» [Бартольд, 1968. С. 214].

Синологи также не отставали от него, и «Название гэгунь приводит Сыма Цянь в связи с событиями, происходившими в первые годы династии Хань, т. е. примерно в 200 г. до н.э. (точная дата не указана). Форма «гяньгунь» появляется в 49 г. до н. э., кигу – в 553 г. или несколько позже, гегу – в 638 г. (везде имеется в виду дата описываемого события, а не время составления текста, в котором упомянута соответствующая форма) [Яхонтов, 1970, С. 110]. Однако, «Обследование района оз. Кыргыз-Нур в Монголии в 1987 и 2000 г. не выявило археологических памятников, которые можно было бы связать с гяньгунями. Вероятно, свое название это озеро получило в средние века. На Енисее киргизы известны с VI в. н. э.» [Худяков, 1989. С. 31; 1995, С. 48; 2001. С. 75-83]. Термин «хакас» ввели в науку в XVIII—XIX вв. специалисты-синологи, которые взяли его непосредственно из китайских хроник, где этим термином называлось государство и этническая общность людей, проживавших в бассейне верхнего течения Енисея в период династии Тан -(VII—X вв.) и в более позднее время [Кызласов, 1971. С. 60-61].

Наиболее полные сведения о киргизах излагается в исторических летописях династии Тхан (История Дома Тхан от 618 до 907 года) [Бичурин, 1998. Т. I, ч. 1. С. 16]: «Хакяньсы. Хагас. [Киргизы] Хагас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители перемешались с динлинами. Владение Хагас некогда составляло западные пределы хуннов» [Бичурин, 1998. Т. I, С. 358-359]. Или: «Первоначальное название – цзйегу, другое – цзюйу, еще называют их цзяньгунь. «Исторические записки» называют их цзяньгунь, Ханьская история называет гэгунь. Находятся на северо-запад от хуйхэ, в 40 днях пути» [Кюннер, 1961. С. 55]. В «Гуцзинь сыи шу», составленной бывшим канцлером Вэйго-гуном Цзя Данем говорится, что «Сяцзясы (киргизы) первоначально есть государство Цзянь-гунь» [Супруненко, 1963; 1974].

Такое новоявленное название кыргызов «хагас» стало как бы краеугольным камнем для последующих исследователей, как говорит И. Л. Кызласов «Для неё отсутствуют тюркоязычные этимологии», «само слово хакас объявляется искаженным воспроизведением термина кыргыз» [Кызласов, 1992. С. 55, 54]. Но ученые-синологи почти не обратили внимание на саму эпоху появления этого термина, при этом соглашаясь, что «слово «хакас» в исторических источниках эпохи средневековья» отсутствовало в какой бы то ни было форме [Худяков, 2000б. С. 196-202. С. 199]. Тем не менее, это слово было зарегистрировано «впервые китайской хроникой в первой половине VIII в.». Оно непременно связано со временем так называемого «кыргызского великодержавия» (заметим, подлинность которого некоторыми учеными оспаривается [см.: Азбелев, kronk.narod.ru/mono/mono.htm]), которое было озаменовано противоборством с уйгурами. Вот примеры: «В 758 году, хойху [уйгуры] завоевали сие государство; после сего хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство». Впоследствии, северные кочевые племена «ошибочно Хягас назвали Хакяньсы, что на хойхуском языке значит: краснолицый, и это слово еще ошибочно выговаривали Гягас. Сие государство было всегда в дружественных связях с Даши, Туфанию и Гэлолу; но туфаньцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху; почему брали провожатых из Гэлолу» [Бичурин, 1998. Т. I, С. 363]. В 840 году «старейшина Гюйлу Мохэ, соединившись с хагасами, со 100 000 конницы напал на хойхуский город, убил хана, казнил Гюйлофу и сжег его стойбища. Хойху поколения рассеялись» [Бичурин, 1998. Т. I, С. 341]. «Хягасы по поражении племен хойху взяли Тхай-хо царевну; и как они, по происхождению от Ли-лин, считали себя в родстве с Домом Тхан, то и послали даганей препроводить царевну к Двору» [Бичурин, 1998. Т. I, С. 342]. «Земли поколения Дубо к северу прилежали к Малому морю, на западе смежены с Хагасом, на юге с Хойху» [Бичурин, 1998. Т. I, С. 356].

Всем известно, что в VI-VII вв. после объединения Китая под властью династий Суй, а затем Тан, императоры стали придавать большое значение историческим трудам, приказали искать и переписывать материалы и исторические сочинения, созданные в минувшие столетия. Естественно, их основная цель была восславить военную мощь Танской империи, правомерность вооруженной акции против северных и западных «варваров». В свое время 4-й китайский император из династии Сун Жень-цзун (1010–1063) также указал обработать историю династии Тхан и исправить прежнюю историю сей династии, сочиненную ученым Сун Ки. Так, летописцами во время переписки о

современной ими стране Хагас были использованы более древние оригиналы исторических сочинений, поэтому указывается, что Хагас и «есть древнее государство Гяньгунь». Кстати, не обративший внимание, что в эпоху Тан они обрабатывались и отредактировались, А. Н. Бернштам называя владения кыргызов в «области Хакас», связывает это название с походами на север китайского полководца Ли Лина, т. е. с событиями 99 г. до н. э. [Бернштам, 1998. С. 171, 193]. Естественно редакторы, сопоставляя, допускали неверные обобщения и толкования реальных событий. В летописях вставленные фрагменты очень заметны. Например, в сведениях «Сягэсы – это население древнего государства Цзяньгунь. Местность соответствует области, расположенной на запад от Иу (ныне Хами), на север от Яньци (ныне Карашар), сбоку от Белых гор (т. е. Байшань, Бошань). Некоторые называют их Цзюйю или называют Цзйе[цзи]гу. Их племя смешалось с динлинами. Эта область есть именно западная окраина сюнну. Потом шаньюй Чжичжи разбил Цзяньгунь. После того как Чжичжи покинул столицу, народ, получивший в позднейшие века эти земли, ошибочно назвали цзйе[цзи]гу, немногие называли хэгу, также называли хэгэсы и пр. Их земли находились прямо на северо-запад от Хуйхэ, в 3000 ли, на юге упирались в горы Таньмань» [Кюннер, 1961. С. 281-282] видно, что слова «Хуйхэ» и «Таньмань» к кыргызам были вставлены относительно поздно. Потому что в более ранних китайских источниках, например, написанными Сыма Цяном и Бань Гу во время шаньюя Чжичжи (т. е. в эпоху хуннов) каких-либо сведений о существовании народа «Хуйхэ» или «хойху» отсутствует. Отметим лишь, что у А. Н. Бернштама, относительно к племенам «уге» (угров, уйгур) была допущена ошибка [Бернштам, 1998. С. 174], потому что выше мы видели, что племена «хуцзе» или «уцзе» по Ю. Зуеву отражали исходный этноним уокиль/*уогиль, и которых обнаружили в VIII в. у дунайских болгар [Зуев, 2002. С. 57].

Напротив, танские историки уверенно отмечали, что само название «хагас» исходило от древнего государства Гяньгунь (Цзяньгунь): «Хакяньсы. Хагас. [Кыргызы] Хагас есть древнее государство Гяньгунь». После завоевания Чжичжи Шаньюем государство стало ошибочно называться «Гйегу и Гйегйесы», хотя и раньше называлось «сие государство Гюйву и Гйегу». Впоследствии Чжичжи Шаньюй, покорив Гяньгунь, утвердил здесь свое пребывание, в 7.000 ли от орды восточного Шаньюя на запад, в 5.000 ли от Чешы на север; почему владетели сей страны впоследствии ошибочно Хягас называли Гйегу и Гйегйесы. ...Прямо на юго-восток до хойхуской орды считалось 3.000 ли; на юг простирались до гор Таньмань» [Бичурин, 1998. Т. I, С. 358-359, прим. 3, 4]. При этом

сразу заметно, что относительно к расположению уйгуров (хойху) и «горы Таньмань» все эти сведения противоречивы и имеют разнонаправленность, т. е. горы Хангай и Танну-Ола [Бичурин, 1998. Т. I. С. 359] никак не запад «от Хами». В целом в этих разбираемых сообщениях наблюдается характер поздних вставок, так как в тех китайских источниках (например, в материалах «Ши цзы» и «Цяньханьшу»), когда кыргызы первоначально назывались – цэйегу, цзюйу, цзяньгунь, гэгунями – упоминание о уйгурах (хойху и т. д.) совершенно отсутствует, т. е. уйгуры впервые были упомянуты в летописях эпохи Северной Вэй (386 – 534). Однако если будем их реконструировать по хронологии, то все остальное встанет на свое место. Например, во время Чжичжы Шаньюйя сие государство называлось «Гяньгунь», и изначально оно лежало около (подле) «Белых гор», «от Хами на запад, от Харашара на север» (т. е. ближе к ним находится из Белых гор только Алатау), в западных пределах хуннов. После завоевания Чжичжы Шаньюйем они стали называться «Гйегу и Гйегйесы», при этом уточняется, что оно было ошибочным. Возможно, эта путаница произошла из-за ранних названий «Гюйву и Гйегу». Но видимо ее границы оставались прежними, так как китайские источники о них ничего не говорят. Таким образом, в более поздних письменных китайских источниках описание отдельных фактов было предложено в видоизмененном виде, и это послужила причиной самых произвольных его толкований.

Далее, по уточнениям видно, что неточности или ошибки в названиях, летописцы обнаружили во время переписки, когда сие государство уже называлось «Хягасом», поэтому указать точную дату в какое время произошла ошибка, увы, определить было уже невозможно. Однако однозначно можно сказать, что в это время, когда это государство стали называть «Хягасом», его граница уже простиралась до гор «Таньмань» и соприкасалась с областью уйгуров.

Народу «хягасы» отведен специальный раздел в главе 217б «Новой истории Тан», которая, ещё раз напоминаем, была написана на основе раннесохранившихся источниках. «Название хягасы отождествлено здесь с гяньгунь и гегу, причем о формах хягасы и гегу говорится как об «ошибочных». Форма хягасы появилась между 758 и 843 гг. В книге «Сы и шу», составленной Цзя Данем, были полностью приведены все наименования хягасы. После этого стало ясно, что действительное положение в диких странах Цзя Дань знал точно и безошибочно» [Яхонтов, 1970. С. 110]. Например, форма «хягасы» впервые были упомянуты в написанной в 801 г. книге Цзя Даня. Согласно тому же «Тан хуйяо», в годы Кайюань (713-741 гг.) губернатор пограничного округа Аньси (на

территории нынешнего Синьцзяна) Гай Цзя-юнь писал в книге «Записки о Западном крае» («Си юй цзи»), что «государство Гяньгунь... ныне некоторые измененное называют Хэгусы». Это название далее отождествляется с этнонимом хэгу, мимоходом упоминаемым при перечислении почти сорока племен в разделе о телэ «Истории Суй» и «Истории Северных династий». Форма хэгусы впервые зарегистрирована в первой половине VIII в., а ранее принятый этноним «гегу» (kiet kuət), исходная форма которого возможно было «qīg quz» [Яхонтов, 1970. С. 110-111, 114], т. е. китайская литература привычную для себя фонетику, поменяла на неизвестные доселе произношения не в начале эры, а в VIII в. Таким образом, мы видим, что термин «хакас» не имел никакого отношения к современному хакасскому народу. Поэтому «енисейские кыргызы» и современные кыргызы отождествляются некоторыми авторами» не только из-за совпадений названий [Кызласов, 1971. С. 62], но и на основе дополнительных фактов и источников, «безусловно устанавливающих единство происхождения тех и других».

Возможно поэтому П. П. Азбелев основываясь на археологических материалах таштыкских культур, которые считает раннекыргызскими памятниками, дату образования енисейского владения кыргызов видит около 460 г. [Азбелев, 2008. С. 461]. Однако если в памятнике Кюльтегина [ПК (Большая надпись), 14-ая стр.] (вторая половина VI в.) они упоминаются как второстепенный народ, то в VIII – IX вв. китайские источники зафиксировали их около ставки уйгуров, а граница уже простиралась до гор «Таньмань».

Под словом «хагас» С. Яхонтов предлагает понимать измененную форму «хягяс», которая оказалось наиболее близка к названию кыргыз (xīg qī's) [Яхонтов, 1970. С. 117]. То есть, ученые-синологи не стали смотреть в самую суть проблемы – анализировать причины замены одного термина другим. С. Яхонтов обосновал свою концепцию на особенности китайских произношений разного периода, «основанием для прочтения хягясы как хакас, вероятно, послужила форма хагас, которой пользуется Н. Я. Бичурин. Но в действительности она представляет собой лишь искусственное упрощение китайского слова. Говоря о народе жуаньжуань, Н. Я. Бичурин замечает: «В переводе слово Жуань-жуань, для лёгкости в выговоре, сокращено в Жужань». Такое же сокращение (но не оговорённое) представляет собой хагас. Таким образом, форма хягясы есть китайская транскрипция слова кыркыз; другие формы, к которым она приравнивается в китайских историях – гяньгунь, гегу и другие отражают фонетические варианты того же этнонима (например, кыркур или, может быть, кыркун, кыркут, кыркуз)», и в конце поставил точку: «Форма хягясы не может передавать звуки хакас» [Яхонтов, 1970. С. 118].

То есть, китайцы не стали его переводить, а зафиксировали в оригинальном звучании, из лексики, которую употребляли огузы эти слова в своем языке. Поэтому концепция И. Л. Кызласова основанная на том, что «Европейская и русская наука почерпнула слово хакас из древнекитайской литературы, где оно имело этнополитическое и этногеографическое значение» [Кызласов, 1992. С. 53] – не имеет доказательную почву, не решает проблему, и не даст для ученого положительного результата. Потому что, как выше говорилось, все названия, относящиеся к северным, северо-западным регионам Китая: этнонимы, топонимы, гидронимы и т. д. – почти искаженные формы, взятые из хуннских и тюркских языков. Тогда появляется закономерный вопрос – откуда был взят этот термин?

В списке (в предисловии) Т. Алымбекова история появления этого термина изложена вкратце: «В борьбе с арабами погибли такие ханы, как Белеке-хан, после того поневоле оставив город Отар арабам, казахи и кыргызы вместе ушли в Алтай, к найманам, когда по дороге скончался Культикен-хан, тогда его место занял сын Кахас-хан, и после этого события имя Кахас-хана стало ураном». Потому что, «так как, не покорившийся к Кутейбу, присоединились с найманами. Поэтому владение казах-кыргызов – берега Сыра и [область] Семиречье в течение многих лет стала пустовать» [РКФ НАН КР, Д. № 10, С. 5-7]. То есть, звук «хакас», которое не могло передать форму «хягяс» оказался всего лишь новым лозунгом, боевым кличем огузов (не только одних кыргызов), которые временно соединились с найманами, этот факт также можно считать одним из доказательств, когда «имя сильного старейшины» обращали «в прозвание» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 145]. Такое явление происходило постоянно, в случае необходимости заключались союзы между родственными племенами.

Здесь надо учесть, что авторы под названием огуз (угуз) подразумевают те племена или несколько (12) родов, ведущих свою родословную от одного предка, и признающих своим собственным ураном «огуз». Уран (кырг. Ураан) – 1) боевой клич, своего рода пароль; 2) уст. лозунг, племя, род; 3) были ураны: общенародный, у каждого племени, у каждого рода и даже у каждого мелкого подразделения, даже единый боевой клич всех казах-кыргызов. По-казахски «Ұран» – 1) лозунг, призыв; девиз; 2) уст. боевой клич (во время битвы) [КОС, 2002. С. 899]. Отмечено также, что и в XVIII в. «каждое родоплеменное объединение, представляло собой самостоятельную административно-политическую единицу и обязательно имело свою тамгу, а также свой боевой клич – ураан» [История Киргизской ССР., 1984. С. 465]. С давних времен уран применялся во время войны – при атаке, штурме, чтобы воодушевить и в скачках, в состязаниях борцов, чтобы поддержать,

подзадорить своих. Сущность единого боевого клича состоит именно в этом, что при нападении или во время защиты своего рода по ним можно было распознать без труда своих или чужих. Как видим под главенством хана Кахас родственные племена огузов объединились в военно-политический союз или конфедерацию и сделали своим боевым кличем или лозунг имя «Кахас».

Вот, необходимое «разъяснение, почему же в средневековой китайской историографии не могла употребляться в танское время эта форма, фонетически ближе всего воспроизводящая иноязычный оригинал» [Кызласов, 1971. С. 63]. И научно обоснованное объяснение, почему «Формирование таких киргизских племен, как тѐёлѐс, мундуз, кыпчак, каңды (канглы), кушчу, бугу, азык, вероятно, и чоң багыш, сары багыш, кара багыш и некоторых других, было связано в первую очередь с территорией Южного Алтая, Прииртышья и Восточного Притяньшанья» [Абрамзон, 1990. С. 71]. Как видно, это не было результатом «исторического недоразумения» или «неправильной передачи в русском и других европейских языках китайского слова «сяцзясы», обозначающего кыргызов» [Худяков, 2000. С. 199]. Потому что, у тюрков названия родов происходили «от имен предков, которые положили им начало в давние времена, они связывают себя с ними так же как и арабы» [ДЛТ, 2005. С. 94]. С. Закиров считает Кюльтегина и Культикен-хана одним и тем же лицом [Закиров, 1996. С. 372], и основываясь на неизвестный нам список Т. Алымбекова приводит другие сведения о том, что от Кахас хана родились два сына Алач и Талас. Только после смерти Кахас хана происходит разделение казахов и кыргызов – Алач станет казахским ханом, а Талас – кыргызским [Там же, С. 76].

Как видим под главенством хана Кахас родственные племена огузов объединились в военно-политический союз или конфедерацию и сделали своим боевым кличем или лозунг имя «Кахас». То есть термин «Кахас» – общее название средневекового объединения огузских племен. Например, слово «алаш» вначале было общим ураном (боевым кличем), которого выбрали для себя шесть крупных политических объединений племен, входивших в состав казахского ханства середины XVI- нач. XVIII вв.; Старший Жуз, Средний Жуз, Младший Жуз, киргизы, каракалпаки, курама (полуоседлые кыпчакские роды Средней Азии) [Поэты Казахстана, 1978. С. 566], и вначале употреблялся в значении «весь народ». Однако, несмотря на то, что никогда не существовал какой-либо отдельный народ с таким самоназванием, современные исследователи зачастую отождествляют его только с одним народом – казахами.

«В 840 г., объединившись с мятежным уйгурским полководцем Гюйлу Мохэ (Кюлюг Бага таркан), он (кыргызский каган – Т. Э.) взял уйгурскую столицу Ордубалык. Уйгурский каган пал в сражении, а на территории Сибири и Монголии возникла новая центральноазиатская империя (840-917)» [Кляшторный, 1959. С. 164]. Выходит, кыргызское «усиление» было обусловлено переселением их основной массы из Средней Азии, при этом ещё раз повторяем, что нельзя утверждать, что все они были кыргызами – они были одним из главенствующим родом, и только. Таким образом, географическое распространение имени «кыргыз» стало расширяться ещё в VI – VII в. чем его этническое ядро, имеет свое научное подтверждение. В совокупности все эти факты позволяют нам прийти к тому же заключению, в котором говорится, что «После X в. число племен, участвовавших в процессе этногенеза кыргызского народа, было значительно шире, чем территория, к которой был привязан этноним «кыргыз» [Бактыгулов, 1996. С. 102-126].

В любом случае наши рассказчики Балыкооз и Т. Алымбеков не могли знать, что термин «хакас» в науку ввели специалисты-синологи только в XVIII—XIX вв., или на несколько десятков лет вперед определить, что в будущем на основе этого термина могут возникнуть нешуточные научные полемики. Тем не менее, время упомянутого Кахас-хана находит отражение в исторических текстах Китая, т. е. они полностью совпадают.

Это является одним из основных причин, каким образом кыргызы оказались по соседству с найманами в Алтае, которых как отмечает Рашид ад-Дин: «...в пределах областей, которые известны под названиями Туркестана и Уйгуристана; по рекам и горам в областях народа найман, как, например, Кок-Ирдыш [Синий Иртыш], Ирдыш, гора Каракорум, горы Алтая, река Орган, в области киргизов и кэм-кэмджиутов, в местностях с многочисленными летовками и зимовками, известных под именем Могулистана» [Рашид ад-Дин, 1952. С. 74].

Но, как выше отмечалось, не все огузы покидали своих, насиженных веками, мест. Например, «19-и родовые конураты несколько раз вступив в бой за Ургенч, потерпели поражение и некоторые из них в небольшом количестве бежали [к городу] Отару – Беляке-хану, но большинство конуратов остались в своих местах» [РКФ НАН КР, Д. № 10, С. 195].

Вот объяснение на вышеприведенное заключение академиком Б. Юнусалиевым на отдельные слова, отсутствие которых «в ичкиликском говоре может служить свидетельством того, что представители этого диалекта были в эпоху заимствования

оторваны от своих соплеменников или они находились на крайнем юго-западе расположения киргизского народа в эпоху заимствования» [Юнусалиев, 1956]. В этнографическом отношении и в поздние времена в состав «осевших тюрков (или узбеков), ведших раньше кочевой образ жизни, и таджиков, издревле оседлых аборигенов этой страны, говорящих на более или менее своеобразных наречиях персидского языка, ...вошли также: часть арабов-завоевателей, разновремененно принимавшие ислам евреи и цыгане и осартившиеся татары и персы, постепенно и очень прочно ассимилировавшиеся с главнейшей, оседлой частью местного населения» [Наливкин, 1913. С. 22-23]. Надо ещё отметить, что в результате нашествия арабов, территории, лежащие, на востоке от среднего течения реки Сырдарьи особо не пострадали. В этой связи некоторые роды огузов ушли недалеко от родных мест, поэтому не нашло особых отражений в анналах истории. Как говорилось выше, для арабов они все были тюрками. Со слов Балыкооза в списке Т. Алымбекова этот период описывается так: «После прихода (завоевания) арабов и иранцев, после принятия ислама [все города лежащие] между Ташкентом и Таласом, такие как: 1) Ташкент, 2) Кожокент (Ходжент ?), 3) Пискент, 4) Сайрам, 5) Манкент, 6) Карабулак-Машат, 7) Чулаккурган стали называться Джетикентом (Семиградьем). Большинство здешних народов ак(белые)-мангыты. Ещё есть забывшие самих себя (т. е. забывших свои корни) кыргызы и казахи [РКФ НАН КР, Д. № 10, С. 174]. Вот ответ на вопрос, почему узбеки и туркмены говоря на тюркском языке, по физическому типу относятся к европеоидной расе, а южносибирская раса, к которой принадлежат киргизы, сложилась в сравнительно недавнее время – не ранее середины I тысячелетия н. э. [Петров, 1963. С. 11]. Возможно по этой причине, т. е. на основании сравнительных анализов огузских исторических преданий и археологических исследований, «некоторые ученые-тюркологи стали связывать начального этапа становления огузской, или протоогузской группировки с Западным Семиречьем» [Агаджанов, 1977. С. 24-28]. Вот почему, как говорит К. И. Петров, язык народов огузско-туркменской группы стал очень близким «к языку орхоно-енисейских и таласских памятников V-IX вв., точнее говоря, он самый близкий, за исключением языков хакасской группы». И считал его закономерной, «так как племена огузско-туркменской языковой группы до VI в. находились в общей массе с туркутами» [Петров, 1963. С. 15].

Да и в средние века материальная культура огузов (гуззы, в стране аль-Гуззия) оставалась почти прежней, жили в домах из кошмы, называли своих наибольших старцев господами [Путешествие Ибн-Фадлана..., С. 61]. Наибольших старцев – «аксакалов» чтят и почитают,

и теперь. Следов правления в лице аксакала можно встретить в политических институтах у всех кочевников, которых они издревле уважали и слушали. Та традиция, по которой «имя сильного старейшины» обращали в боевой клич, сохранилась и в XVI–XVII в.; во время столкновения между казахами и ойратами, для устрашения калмаков, нападая на врага, казахи издавали клич «Алаш» [Шакарим Кудайберды-улы, 1990. С. 47]. У племенного подразделения (правое крыло – «он канат») кыргызов боевым кличем был «джанкурас» («Джанкороз»), а у сол (левое крыло – «сол канат») «кунек» («Көнөк») [Радлов, 1989. С. 354] или «Каратал» [Абрамзон, 1990. С. 68]. Такие традиции сохранились почти без изменений у всех кочевых народов Центральной Азии вплоть до XIX–XX вв.

Эти факты интересны еще тем, что эти сведения полностью совпадают с некоторыми арабскими и другими источниками. Марвази говоря об огузах, указывает, что «гуззы» состояли из «двенадцати племен» [Марвази, Д. № 10. С. 186]. Почему названные в списке Т. Алымбекова огузские племена не совпадают с сведениями Махмуда Кашгари и Рашид ад-Дином, из-за недостаточности источников объяснить трудно, но Рашид ад-Дин не назвав истинную причину, вкратце упоминает, что родственные к Огузу народы потом разделились на две части [Рашид ад-Дин. 1952. С. 78]. Для большинства современных тюркологов сведения о «гуззах», которые состояли из «двенадцати племен», особо замечены не были, ибо они в основном ограничиваются Махмудом Кашгари и Рашид ад-Дином, где огузы состояли из 22 [ДЛТ, 2005. С. 92-93] и 24 [Рашид ад-Дин, 1952. С. 77-78] родов соответственно.

Однако вместе с вышеприведенными выводами Б. Юнусалиева возникает и другой вопрос, связанный с делением кыргызов на две группы: «аркалык» («внешние», т. е. северные) и «ичкилик» («внутренние», т. е. южные). Кстати, по преданиям у каракалпаков их мифическими предками являются кунграты и 14 (он торт) уру (род), и они также утверждают, что пришли «с задней стороны» («Арқа журтдан келганмиз»), т. е. считают себя переселенцами с территории Казахстана [ru.wikipedia.org/wiki/Кунграты]. Почему часть кыргызов стала называться «внешние», до сих пор остается одной из главных и нерешенных проблем в истории их этногенеза. Дело здесь не только в том – как представляют на современном этапе некоторые ученые, ради достижения определенно узкой политической цели [Князев, 2010] допустившие, что кыргызы разделяются только по территориальным принципам (т. е. андижанские – юго-запад и тянь-шаньские – северо-восток страны). Имеем налицо и тот факт, что диалекты южных и северных кыргызов сформировались еще в прошлом (до XV–XVI вв.) [Абрамзон, 1990. С. 41]. Наблюдается

также заметное различие в культурно-бытовых отношениях, как выше указали даже в антропологических чертах, и самое главное, север до сих пор менее религиозен, чем юг. В советское время ученые умели обходить религиозный аспект кыргызов. По идеологическим соображениям все сводилось к тому, что с возникновением и развитием социалистической системы кризис религии обусловлен и т. д. Поэтому в исторической литературе нет чёткого объяснения, почему так сложилось. При изучении быта и хозяйственного уклада, религиозной веры тюрков учитывались не все факты. Например, ссылаясь на труд Мухаммед Хайдара и рукописи Туманского В. Бартольд считал, что «Трудно допустить, чтобы киргизы могли уклониться от принятия ислама, если бы они уже в то время жили в этой местности» [Бартольд, 1968. С. 214]. Однако факты показывают обратное, что кыргызы, в том числе и казахи не уклонялись от принятия ислама. Просто ситуация сложилась так, что изначально эта религия стала тесно переплетаться с различными языческими верованиями. Как большинство кочевников тюрки с древних времен непосредственно соприкасались с одной стороны западом (Персидская и Римская империя, Арабский халифат) и востоком, китайской цивилизацией – с другой. Например, посетивший страну огузов (аль-Гуззия) в 922 г. ибн Фадлан сам слышал, как тюрки, стараясь приблизиться к тем мусульманам, которые проезжают у них, говорили, что «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад пророк Аллаха», но сами не верили в это [Путешествие Ибн-Фадлана., 1939. С. 61]. При этом, когда произносили молитву, подымали голову к небу и говорили «Бир тенгри». То есть, не «богом одним», как его понимал ибн Фадлан, а «тенгри бир» («бог един»). Такое положение вещей отразилось на их образе жизни, духовно-культурном развитии, вошло в привычку. Тем не менее, именно их духовный мир, нашедший отражение в мифологии и эпосе были настолько богатым, что является почти неисчерпаемым источником для исследования. Они практически не изменялись и спустя несколько веков. Мухаммед Хайдар пишет, что «Все могулы стали мусульманами, они вошли в число правоверных людей. Киргизы же, как и прежде, остались во власти неверия» [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 218]. То есть могулы (не тюрки) приняли ислам, а тюрки в лице кыргызов остались «как и прежде». И во второй половине XIX в., кыргызы считая себя «правоверными мусульманами» смотрели на калмыков как «на неверных» и чуждались их. При этом их соседи утверждали «будто кара-киргизы – совершенные язычники, не соблюдают постов и не знают ни молитв, ни догматов веры, даже имя пророка им неизвестно», и осуждали их обычаи «как идолопоклонство, хотя и сами они не слишком строгие мусульмане» [Радлов, 1989. С. 348-354].

Прошло полтора века как написал эти строки В. Радлов и вот: «большинство мусульман-кыргызов придерживается лишь обрядовой формы ислама и практически мало знакомо с истинными канонами данной религии. К тому же соблюдение мусульманских ритуалов в целом, особенно на севере, не такое строгое, как на юге и в соседних Узбекистане и Таджикистане. Каждодневные пятикратные молитвы, пост выполняются далеко не всеми» [Чериков, //kabar.kg/rus/kabar/full/31090]. То есть, как и во времена ибн Фадлана в настоящее время почти все северные кыргызы вместе с казахами признают себя мусульманами, знают, что кроме Аллаха нет другого бога, признают пророка Мухаммеда, но вместе с тем большинство их не посещают мечеть, не интересуются основами вероучения, не читают Коран. Только «Суфизм южнокиргизских ишанских общин принадлежал к наиболее развитой, рафинированной его форме (Хуфия) и отличался хорошей организацией» [Абрамзон, 1990. С. 289].

После развала «великодержавия» кыргызов, или во времена Махмуда Кашгарского они снова оказались в своих прежних (точнее говоря в сегодняшних) местах, однако мы видим, что они окончательно отделились от огузов. М. Кашгарский, располагая каждое тюркское племя по порядку с запада (от предместий Рума до Востока, включая и язычников и мусульман), начинает с тех, кто «ближе к Руму». Первыми были названы «Бажанак, затем Кифжак, Угуз, Йамак, Башгирт, Йасмил, Кай, Йабаку, Татар, Киркиз. Последние ближе всех к Син. ...Далее – Жикил, Тухси, Йагма, Уграк, Жарук, Жумул, Уйгур, Таңут, Хитай – это Син, затем Тавгаж – это Масин» [ДЛТ, 2005. С. 68-69]. В других местах объясняет, что «'Ила – название реки, по берегам которой кочуют два тюркских племени: Йагма и Тухси, а также один род из Жикил» [ДЛТ, 2005. С. 123], и «Усми тарим – названия большой реки, которая течет из земель Ислама в Уйгур и там уходит в песок» [ДЛТ, 2005. С. 158]. Итак, огузы были расположены между кыпчаками и йамаками, кыргызы между татарами и жикилей, а уйгуры жили юго-восточнее от реки Тарим. То есть, между кыргызами и уйгурами расположились такие племена, как тухси, йагма, уграк, жарук, жумул. Почему на этот факт не обратил внимания В. Бартольд, остается загадкой. Он считал, что относительно о кыргызах, живших в Семиреченской области Махмуд Кашгарский ничего не говорил [Бартольд, 1968. С. 463].

Таким образом, сведения в рукописи не противоречат некоторым научным выводам, видно, что вывод сформировался на основе воспоминаний с каких-то реальных историй, и может служить как дополнительный источник. Конечно, здесь надо учитывать, что за несколько веков своего существования устные предания могли обрести дополнительными

легендами и возможно оказались в одних и тех же пространственно-временных измерениях. Но, если их систематизировать, то можно найти разумное объяснение некоторым из них. Поскольку китайские хроники были написаны древними авторами под определенным углом зрения, целый ряд проблем получил своеобразное толкование. Выводы этих авторов существенно дополняют и корректируют позже проведенные археологические раскопки. Археологические материалы, датированные II-IV вв. н. э., найденные в Кенкольском могильнике, расположенного в верховьях р. Таласа также свидетельствуют о том, что «является местной среднеазиатской, генетически связанной с культурой племён, населявших Среднюю Азию ещё в I тысячелетии до н. э., а не навязанной её населению каким-либо пришлым народом. Судя по антропологическому материалу, носителями этой культуры были племена, происходящие от древнего коренного населения Средней Азии, Южного Казахстана и частично Восточного Туркестана. Большую часть погребённых в катакомбных и подбойных захоронениях составляют «чистые» европеоиды, «андроидные» в основе, т. е. прямые потомки древнего местного населения. Другая часть, тоже достаточно многочисленная, — это те же европеоиды, но со слабыми, давно приобретёнными монголоидными примесями. Этот метисированный тип сложился, по-видимому, в районах длительного контакта европеоидной и монголоидной рас, скорее всего в Восточном Туркестане. Поэтому культура, представленная катакомбными и подбойными захоронениями, исторически связывается с культурой прямых потомков коренного среднеазиатского, южноказахстанского и восточно-туркестанского населения. Письменные источники косвенным образом подтверждают данные археологии и антропологии, так как содержат свидетельства о вторжении на территорию Средней Азии в конце I тысячелетия до н. э. юечжей и усуней, т. е. племён, родственных её коренному населению. Свидетельств о переселении значительных масс хуннских племён в районы, где расположены катакомбные и подбойные захоронения, в письменных источниках пока обнаружить не удастся» [Сорокин, 1956. С. 6-8]. Могильник Таш-Тюбе II в Таласе, также был представлен каменными оградками, составляющие как бы длинный коридор. Их прямых аналогов П. Н. Кожемяко находит в Северном Казахстане у могильника Быирекколь и близ курорта Боровое [Кожемяко, 1960. С. 103-104; Археологические памятники Таласской долины, 1963. С. 11]. Памятники кенкольского типа с подбойными и катакомбными захоронениями «включает обширные пространства юго-восточной половины Средней Азии – от Или на северо-востоке до Южной Туркмении и Южного Таджикистана. Памятники этой группы выявлены в настоящее время примерно в 140

пунктах в Семиречье, Фергане, Ташкентском и Бухарском оазисах, в долине Зеравшана, Южной Туркмении и Южном Таджикистане, а общее количество изученных курганов достигает более 1500» [Заднепровский, 1971. С. 27-36]. Из этого не следует делать однозначных выводов и всех их приписывать кыргызам, однако эти материалы доказывают, что именно та область, в которой в устных преданиях часто упоминаются кыргызы, имеет однотипных археологических культур.

К проблеме отождествления древних городов огузов

Как выше отмечалось, согласно В. В. Бартольд, по всем канонам исторической науки кыргызы не должны были знать не только месторасположений городов Присырдарьи, которые к этому времени уже были просто безымянными развалинами, но и даже их названий. Для этого они должны были сначала изучить и провести тщательно сравнительный анализ хотя бы на основе китайских письменных источников. Потому что археологические раскопки в основном проводились в XX в., т. е. после смерти рассказчика, даже после 50-х г. невозможно было их правильно идентифицировать, шла активная полемика в научной среде. Поэтому уникальность рукописи состоит именно в том, что в ней рассказчик почти не допускает серьезных ошибок от современной локализации древних городов Присырдарьи.

В нескольких местах в рукописи рассказывается о ханской орде огузов, иногда и более подробно описывается, что она в начале называлась просто Ордой (т. е. ханской ставкой) или «Ордой Ораза», которую снаружи окружала большая стена (коргон). При Отар-хане она была перестроена снова, после чего стала называться «Ордой (Ставкой) Отара», в простонародье «городом Отара» («Отордун шаары»). В городе имелось 12 железных ворот и минарет. Орда находилась в [самом] центре (см. выше де Грота) реки Сырдарьи (в тексте «чоко [ортосуна] салган» [чок – горящие угли, они должны постоянно находится в центре юрты, оттого это место называлось очагом – «очок»). Рассказчик в целом Орду сравнивает как с «исламской Меккой» («Мекка для народа Туркестана, чтобы они поклонялись»), так и с «христианским Иерусалимом» (в тексте «Юрсалым») в Туркестане. Потому что внутри Орды находилась еще одна внутренняя орда (ставка), куда заходили через 2-е ворот, которая в свою очередь называлась ставкой Ораза, там находилась большая комната, её рассказчик сравнивает с современным музеем или кунсткамерой (т. е. «ажайыпкана», где «ажайып» букв. удивительный, изумительный, редкостный; «кана» – помещение, второй компонент сложных слов, напр., чай+кана=чайхана; самостоятельно употребляется только на юге Кыргызстана). В ней хранили главного религиозного идола страны «Куну Куту». «Около передней двери находились живые звери, такие как лев, слон, тигры. В следующей комнате находились портреты сделанные («салынган» – букв. строенный, сооруженный, воздвигнутый) из глины таких героев, как Ораза, Отар-хана, Сарыбая, Желдена, Айтака, Пармана, Тохтара, Дорана, Джолана, Тарака, Турты и Отар-хана. Отар-хан был запечатлен с полным

вооружением на коне бело-синего (здесь допущена автоматическая ошибка, вместо «бело-синий» написано «чёрно-белый») цвета – Голубь, а Разы на чёрно-белом коне Сорока, перед юртой Сарыбая. Все они приветствуют собравшиеся толпы народа. Чтобы портреты были очень похожи, даже цвет лица выкрасили, там, куда нужно было добавляли золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг (мерварит).

Позднее, при Барак-хане была сделана очередная реставрация, во время которой убрали портреты таких ханов; как «завоевателя всего мира» Аланча-хана и Атыла-хана «к имени которого пристала дурная слава» (т. е. «аты чуулу Атылахан», букв. аты – имя его; чуу – 1) шум, гам, гвалт; 2) дурная слава) и «кровопийца» Карача и т. д. [РКФ НАН Кра. Д. № 10, С. 142-144]. Таким образом, хотя авторы рукописи не были знакомы и с арабскими и китайскими письменными источниками, тем не менее, как бы подтверждая их, город Орду (Урду) локализовали в среднем течении реки Сырдарьи. При этом в списке указывается, что после объединения огузов дополнительно стал называться Отарским городом, от имени хана Отар. Далее рассказывается, что сын Отара Баласагын, когда стал ханом, недалеко от города Отара построил другой город, который назвал Баласагыном. Ещё «у Баласагына был сын – Талас. В Баглане – теперешнем Джамбыле, около реки Талас, ближе к мавзолею «Тек-Турбас-Ата» (каз. Тектурмас) построив город, сделал ханом Таласа. Ниже реки Таласа имеется местность Туймекент. И здесь построил город, Туйме – дочь Талас-хана. Она умерла там. Поэтому город стал называться Туймекентом» [РКФ НАН Кра. Д. № 10, С. 173-174].

Теперь обратимся к письменным источникам. В начале напоминаем, что развалины Туймекент (Тоймакент) первый раз упоминаются в книге Скайлера в 1876 г. Его развалины были обнаружены на севере Ауле-Аты (совр. Тараз), на правом берегу реки Талас, около тогдашней деревни Шаповаловки. Посетившие после Скайлера Дудин и В. Бартольд произвели более подробное описание, и отметили что он значительно древнее Садыр-кургана [Бартольд, 1897. С. 13-14]. Самое главное, на основе письменных источников установлено, что в средние века недалеко от города Баласагуна, «на пути к Таласу» находился город, который назывался Хосун-орду [Бартольд, 1963. С. 51, 58]. Название созвучно с «Ороздун ордосу» т. е. «Орда Ораза», где хранился самый главный религиозный амулет огузов «Хуту». На них более подробно остановимся ниже, но выше мы видели, как в 638 г., при разделении западнотюркского каганата на два царства «Дулу-хан поставил орду по западную сторону гор Цзихэ и назвал северною ордою. Он привел под свою власть владения Сяоми и Гйегу [Хягасы] и простирал виды на поколение Хилишиев» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 292], т. е. владение Дулу-хана доходило до реки Или.

История династии Тхан (выше показано, что при обработке и переписке истории династии летописцами были использованы более древние оригиналы исторических сочинений) одним из первых сообщает, что «государь» кыргызов «называется Ажо» и он «имеет пребывание у Черных гор (Цин-шань)» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 360]. На наш взгляд, при цитировании этого абзаца П. Азбелевым была пропущена очень важная топонимика [Азбелев, 2007а]. Там говорится, что их хан («ажо») «имеет пребывание у Черных гор», далее описывается: «Стойбище его обнесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется Мидичжы» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 360]. Из этих сообщений, самое сложное для переводчиков оказалось китайское слово «Мидичжы», поэтому поясняется, «кажется, что Мидич-жы, должно быть, не дворец, а мящит или мечеть, храм мусульманский» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 360]. У Н. Кюнера «цзаодычжи» [Кюнер, 1961. С. 58]. При этом Н. Я. Бичурин как в рассказе Балыкооза («исламской Меккой», так и с «христианской Иерусалимом»), комментирует, почти дословно, «кажется, что Мидич-жы, должно быть, не дворец, а мящит или мечеть, храм мусульманский». Черная гора (Циншань) – как показано выше, это конечно, гора Каратау, находившаяся на правом берегу Сырдарьи. В. Бартольд, считая «китайские сведения более достоверным», чем рукопись Туманского, где сообщается, что «город, где живет киргизский хакан, называется Кемиджкет» отмечает, «что касается единственного киргизского города или поселения, то китайская транскрипция этого названия (у Иакинфа – Мидичжы, у Шотта – Мидичжита) заставляет предполагать в персидском тексте чтение Микиджкет (последний слог – иранское слово, часто прибавляемое к названию городов и селений, напр., Ахсикент, Пянджикент и т. п.) [Бартольд, 1964. С. 494]. Конечно, вышеприведенные источники в совокупности (некоторые косвенно, некоторые прямо) указывают на город Отрар, развалины которого находятся в среднем течении реки Сырдарьи, на западном склоне горы Каратау (букв. «Черная гора»). В списке Т. Алымбекова Орда (т. е. в самом начале называлась просто «Орда» или «Орда Ораза», потом городом Отар) был также единственным городом или поселением огузов, пока Баласагын-хан не построил другие города.

В известиях Шехаб-эддина Димашки Баласагун (Беласагун) лежал на севере от провинции Ферганы, по соседству с ним простирался Шаш, где-то рядом (на севере) область Исфиджаб, «потом страна гузов (guzzs); пастбища Бараба и Ходженд занимают часть страны гузов». При этом надо учитывать, что при перечислении городов не были соблюдены порядок по их расположению. Например, Яркенд оказался между Джендом и Отраром, а Карши назван рядом с Хотеном. Тем не менее, для нас интересны сведения о

том, что между городами Исфиджаба «считают Тараз, Нуджет и Ходженд. Бараб есть имя округа, который в длину и ширину немного менее дня пути. Столица называется Кендер (или скорее Кодар)» [Аристов, 2001. 339-340; Бартольд, 2002. С. 223-224; Байпаков, Ерзакович, 1971. С. 147]. При этом надо иметь в виду, что наличие придыхания (словоизменительный аффикс, т. е. префикс) или отсутствие его в начале слова – довольно распространенное явление в Средней Азии [Бернштам, 1998. С. 480]. Например, в говорах у северных кыргызов слово Нарын (название местности) звучит как «Арын», а «найза» (копьё, пика) как «айза». У казахов наоборот добавляется буква – например, кыргызы говорят «илим» (наука), а казахи «ғылым». Поэтому вполне логично, что столица округа Бараба может быть звучит и как Кодар, и как Отар. Если к этим фактам добавить и некоторые итоги исследований цитадели городища Куйрыктобе, которую ученые отождествляют со средневековым городом Кедером [Байпаков, 1986. С. 25-26], станет ещё интереснее.

Развалины этого города лежат в 5-ти км к юго-востоку от городища Отрар и являются одним из наиболее крупных памятников расположенного в среднем течении Сырдарьи в районе впадения р. Арысь в Сырдарью. При раскопках были открыты стены «парадного зала, который: размеры 10,5x15 м, были украшены росписями и фризом из резных деревянных досок, часть из которых обгорела во время пожара цитадели и в обугленном виде была найдена при раскопках. На досках были изображены сюжеты из светской жизни владельцев округа, а также боги. Интересна хорошо сохранившаяся доска размерами 125x35 см с рельефными изображениями людей. В центре в арке изображены мужчина и женщина. У женщины округлое широкое лицо с плоским носом, миндалевидные глаза. На голове шапочка, на лбу диадема. Лицо мужчины сохранилось плохо. На голове шапочка с околышем, одет он в халат. Правой рукой мужчина обнимает женщину, кисть его руки лежит на плече женщины, а левая, поднятая ладонью вверх, поднесена к лицу женщины. По мнению исследователей, на доске была изображена «сцена сватовства». Есть и другие неполностью сохранные фрагменты [Байпаков, Терновая, 2005; Байпаков, //otrarmuseum.kz/kz/.../348-drevnij_i_srednevekovyj_otrar_k_m_bajrak...]. Исследователи немедленно откликнулись, что на резной доске изображены тюрки с явными монголоидными чертами; аргументом в пользу тюркской принадлежности персонажей могут служить и одежда, и украшения, которые находят аналоги в соответствующих аксессуарах каменных изваяний Семиречья [Байпаков, 1986. С. 96]. Другие исследователи также не сомневаются в том, что парадный зал и есть «аудиенц-зал дворца представителя правящей тюркской элиты изображения

тюркских богов» и разрушение дворцового комплекса со всеми атрибутами «языческого» культа связывали с деятельностью арабов в VIII в. по искоренению следов религий «неверных» на территории Южного Казахстана. При этом, исследователи особо отмечают, что «Куйрыктобинский дворец был неординарным сооружением, свидетельствует не только отсутствие на сегодняшний день прямых аналогов сооружению». В конце пришли к твердому заключению, что приведенные «выше сопоставления дают возможность предполагать, что раскопанный дворец Куйруктобе является резиденцией тюркских правителей–наместников области Кангу Тарбанд – Чач, разрушенной в ходе завоевательных походов арабов в VIII в., что в зале дворца были изображены божества древних тюрков, принявших манихейство, что на одной из композиции передано изображение тюркского кагана из рода Ашина, скорее всего, предка владельца Куйрыктобинского дворца» [Кожа, 2012. С. 564, 574]. В совокупности все приведенные примеры доказывают, что вероятнее всего средневековые письменные источники считали и Мидичжы, и Урду, и Кедер, и Отрар (от предпоследнего расположился на расстоянии 5-и км) разными городами, однако теоретически находились почти в одном месте.

Из арабских географов город Орду (Урду) в первый раз упоминается у ал-Макдиси (конец X в.): «Урду – маленький город, в нем живет царь туркмен, который постоянно посылает подарки владельцу Исфиджаба; он (окружен) стеной и рвом, наполненным водой; дворец в цитадели» [МИТТ, 1939. С. 185; Бартольд, 1968. С. 76]. Махмуд Кашгарский в своем словаре объясняет, что «Урду – «резиденция царя». Отсюда город Кашгар называют Урду канд, т. е. «город в котором проживают цари» [ДЛТ, 2005. С. 153], имея в виду резиденцию (ставку) Караханидов того времени.

Здесь надо иметь в виду, что во время Чжичжи и в повествованиях Сань го чжи («Записи о Трёх царствах») у «цзяньгуней» отсутствует какое-либо упоминание о ставке, как выше говорилось его учредил Дулу-хан, после того как ему подчинились «государства Бома (конратов), Цзегу (кыргызов) и многие другие». То есть, ставка кагана была учреждена в землях кыргызов и конуратов. Но это явно не Суяб, потому что, согласно китайским хроникам и в VII в. Суяб оставался Суябом [Горячева, Перегудова, 1996. С. 186], но никак не ставкой (т. е. орда) «тюркешского кагана – Баласагун». Тем более, сам Н.А. Бернштам название Суяба связывает с тюрко-согдийским словом su+jab [Бернштам, 1998. С. 48, 49]. Если город с названием Баласагуна находился бы в этом месте, то он непременно должен был присутствовать в записях Бянь Цзи, сопровождавшего буддийского монаха Сюань-цзана, в его путешествии в Индию через Семиречье в 629 г.,

так как запись была составлена самим очевидцем. Там нет даже намека о городе Баласагуне, через 400 ли западнее Суйаба (Су-е) они прибыли в местность «Тысяча ключей» (<ping-piêt jul) [Зуев, 2002. С. 263, 265; Аристов, 2001. С. 232-233]. «Тысяча ключей» соответствует местности «к западу от Мерке и к востоку от Аульеата, около урочища Малдыбай, у подножия Александровского хребта, где из гор, по картам, течет много ручьев» [Аристов, 2001. С. 234]. Далее в записях Бянь Цзи называется Талас, Исфиджаб, Кюнгю, Нучкет, Чач и т. п. Города Баласагуна нет и в записках Ду Хуан, где он сопровождал полководца Гао Сяньчжи в его походе на страны Средней Азии в середине VIII в. [Зуев, 2002. С. 270-273; МИКК 2, С. 66-67]. Такие нестыковки в источниках привели к выводу, что «из географов X в. название Баласагун встречается только у Макдиси, притом без указания местоположения; ни рукопись Туманского, ни Гардизи о нем совершенно не упоминают» [Бартольд, 1968. С. 74, 75],

Если продолжить путь Сюань Цзана на запад, то после местности «Тысяча ключей» он дошёл до города Талас. «В нем смешанно живут купцы из разных стран и согдийцы-ху. ...Пройдя от него на юго-запад около 200 ли, прибыли в город на Белой реке (Исфиджаб, Испиджаб). Пройдя отсюда на юго-запад около 200 ли прибыли в город Кюнгю (кит. Гунюй <kiwong-ngwo <kungu~kunu). Отсюда на юг через 40 или 50 ли прибыли в государство Нучкет (кит. Нучицзянь). Пройдя отсюда на запад более 200 ли, прибыли в государство Чач» [Зуев, 2002. С. 162-163]. То есть, все встало на свои места, города Отрар и Баласагун остались в стороне (севернее) от города Исфиджаба.

Однако, по мнению Ф. Минорского город упомянутый в рукописи Туманского «K.m.jkath [k.m.jk.s], может также соответствовать Mi-ti-chih-t'o, искажением названия столицы», упомянутой в качестве «царского стана киргизов в Тан шу (T'ang-shu)» и опираясь на Идриси восстановил его как «[m.k.jk.s]» [Hudud..., С. 287], но разместил его ближе к Енисею. Далее, А.Н. Бернштам опираясь на того же Макдиси и вышеуказанному Махмуд Кашгарскому, говорит, что «Урду» – это «царская резиденция около Баласагуна» [ДЛТ, 2005. С. 153], отождествляет его с Красной Речкой (Чуйская долина, западнее совр. г. Токмак), подчеркивая, что «другого решения вопроса» просто не найти и считает до X в. город назывался «Сарыгом» [Бернштам, 1998. С. 48, 49], основываясь на ибн Хордадбега [Ибн Хордадбех, 1986. § 15, комм. 336].

Таким образом, ученый не учел того положения, что по Макдиси во-первых; Урду был маленьким городом гузов-туркменов «на низовьях Сырдарьи» [МИТТ, 1939. С. 185], где их главным городом считался Исфиджаб [Бартольд, 1897. С. 35], именно поэтому «царь туркмен посылал подарки» его владельцу. Потому что, Шаш, Илак, Тус, Неса,

Абиверд, Тараз, Сутнах были отдельными округами [МИТТ, 1939. С. 202]. Считать, что в тексте «Урду – город гузов-туркменов» вкралась опечатка или во время переписки (при переводе) допустили ошибку нельзя, ибо другие источники должны были указывать наличие таких ошибок. Например, по ибн-Хаукалу (ок. 977 г.) к области Исфиджаб относились такие города – как «Будахкет, Тараз, Итлах, Шальджи, Кедер, Шавагар, Собран и Весидж» [Хаукал, 1957. С. 13-27], но никак город на месте Красной Речки, т. е. «Сарыг». Между Испиджабом и Таразом расположились такие города, как Шараб Будухкет, Тамгадж, Абарджадж и Джувикат [Байпаков, 2007. С. 118]. Значит царь, какой бы он не был, не мог посылать подарков из Красной Речки к владельцу Исфиджаба, перепрыгивая через округ Тараза. Во-вторых, «К области Исфиджаба относились на востоке все местности, включая Талас или Тараз, а на северо-западе пространство до Сарбана, или Саурана. Талас, завоеванный при Исмаиле в 893 г., считался пограничным пунктом мусульманского мира. Здесь располагался значительный торговый пункт среднеазиатских купцов с наиболее богатой и населенной тюркской областью карлуков. В Таласе в первой половине X в. был свой владелец, который находился в вассальной зависимости от Саманидов» [Негматов, 1977. С. 50].

В-третьих, в то время туркменский царь вообще не мог бы находиться в «Красной Речке», в одиночестве, так как «уже независимо от действий арабов, и только в 766 г. место турок-огузов на берегах Чу заняла другая турецкая народность, карлуки» [Бартольд, 1968. С. 46]. Даже «находящаяся в 30 км от Тараза местность Касрибас и ...последующие затем города – Кулан, Аспара и другие были связаны с господством карлуков в Семиречье» [Ибн Хордадбех, 1986. § 15, комм. 226-231; Бернштам, 1998. С. 288]. Поэтому карлукский (хазладжский?) владыка с «Красной Речки» не мог бы платить дань Исфиджабу. Наконец, «все владыки тюрков, тибетцев и хазар» назывались «хаканами», кроме «владыки карлуков (ал-харлух), которого называют джабгуйа» [Ибн Хордадбех, 1986. С. 61]. Опираясь только на то, что «У тюрков Баласагун носил также название Кузулуш (слово «улуш» значило «деревня» или «город»), или Куз-орду; название Орду носил также другой город около Баласагуна, упоминающийся и у географа конца X в. Макдиси как местопребывание местного туркменского правителя» [Бартольд, 1968. С. 76]. А. Н. Бернштам продолжал с особым упорством отождествлять его с Ак-Бешимом [Бернштам, 1998. С. 41, 47].

Сведения о Баласагунах из рукописи интересно ещё и тем, что С. Г. Кляшторный имя «Бадан» связывает с персидской и согдийской аристократией, а сагун (sāḡūn < кит. сянгун) военно-административный титул, распространённый как среди тюркской знати, так и у

других народов Центральной и Средней Азии [Бартольд, 1964. С. 38; Кляшторный, 1964. С. 132]. У М. Кашгарского «сагун» - титул вождя у карлуков [ДЛТ, 2005. С. 379]. Это означает, что в средневековье существовали реальные люди с таким именем и носившие военное звание (кит. цзянцзюнь) [Бартольд, 1968. С. 618] или военно-административный титул – сагун (säjün). Некоторые ученые слово «сагун» интерпретируют с собственным именем, как и в нашей рукописи, а также его связывает с названием города Сыгнак. «Заслуживает особого внимания имя собственное Сагунак, основным компонентом которого следует считать сагун «титул старших по возрасту у карлуков» (сравни ата сагун «титул тюркских знахарей»), Баласагун «город Баласагун». Сагунак, по-видимому, тесно связан с названием огузского, затем кыпчакского города Суғнак, иначе Сыгнак (археологически датируется VI – XVIII вв., нынешнее городище Сунаката на Сырдарье ниже г. Туркестан)» [Аманжолов, 2003б. С. 97]. Однако в словаре М. Кашгарского встречается два разных слова «сагун» [ДЛТ, 2005. С. 118, 379], поэтому отдавать предпочтение одному из них будет несправедливо.

В связи с этим вызывает особый интерес и город (селение) под названием Беклиг (Bigliligh), упомянутый у Гардизи, владельца которого называли Бадан-Сангу [Бартольд, 1966. С. 62], т. е. B.dan-Sanku (или Dan-Sanku). Что, владельцем города Беклига был тюрк-кочевник, который носил титул Бадан Сангу и Янал Тегин признает и А. Н. Бернштам [Бернштам, 1998. С. 283, 285]. Вблизи города Беклиг находилась какая-то священная гора, которой молились тюрки. И на той горе имелся перевал, около того перевала была река, «если переправиться через нее, приходят в землю тюрков-джикилей, к их шатрам и палаткам». По мнению В. Минорского это перевал может быть Кастеком или Курдаем [Hudud..., Комм. Минорского к § 16. С. 298]. А. Н. Бернштам пошел ещё дальше, отождествляя её с рекой Тюп или Джергалан – Прииссыккулья [Бернштам, 1998. С. 283]. Однако выше названные ученые не обратили внимание, что по М. Кашгарскому название «жикил» носило три племени тюрков, и второе из них являлось главным источником для остальных названий.

Это было селение близ Тараза, которое называлось «Жикил», поэтому всех тюрков, «поселившихся вокруг этой крепости, стали называть жикилей, и это название получило распространение. А Огузы, чьи земли граничили с этой крепостью, постоянно воевали с жителями жикил, эта вражда между ними сохранилась до сего дня. Всех тюрков, одетых, как жикил, они называли так же. То есть Огузы называли всех тюрков от Жайхуна до Сина Жикил, но это неправильно» [ДЛТ, 2005. С. 372-373]. Священная гора, которая располагалась близ Тараза, в хребтах Каратау, в связи с событиями XVIII в. упоминается и

у Ч. Валиханова. Ученый рассказывает, что «Султан найманский Барак (Кукджал) сделал набег на дикокаменных киргиз. Не находя никакого сопротивления, он сделался слишком беспечным и гордясь силою, осквернил святыню дикокаменных киргиз – могилу Кошкарата. Дикокаменные киргизы, озлобленные его жестокостью, тайно условившись, собрались и ночью напали на его стан» [Валиханов, 1985. С. 78]. Как видно и В. Минорский, и А. Бернштам не обратили внимание на эти факты, далее при упоминании Баласагуна, как географического объекта М. Кашгарский называет одного религиозного подвижника, имя которого было Кулбак. «Кулбак – имя тюркского подвижника, посещавшего горы Баласагуна. Говорят, что он писал своей рукой на твердых черных камнях [слова]: таңри кули кулбак «раб Аллаха Кулбак», и там появлялись надписи белого цвета [ДЛТ, 2005. С. 440]. Этот камень потом был обнаружен в ущелье Кулансай [Джумагулов, 1987. С. 5-6], на современной территории Долонского айыльного аймака, Таласской области. Гора уже называется Кара-Джилга – которую окружает с юго-востока река Кенг-Кол, с севера Нылды, с запада и северо-запада река Талас. То есть это отдельное плато – ограниченная отчётливыми уступами и окруженная со всех сторон названными реками. Все эти факты говорят сами за себя. Весь Кыргызский (Александровский) хребет – начинающийся на западе невысоким хребтом Каратау и продолжающийся на востоке в хребте Кунгей-Алатау на северном берегу озера Иссык-Куля (протяженность почти 400 км) – окружающий всю Чуйскую долину с юга считать горой Баласагуном нельзя. Некоторые ученые-географы также признают, что «общего, обобщающего названия для всей горной системы Ала-Тоо» (т. е. Кыргызский хребет) в средневековье не существовало [Умурзаков, 1983. С. 43].

Следующий раз М. Кашгарский название Баласагуна упоминает в связи с насекомым – сверчком. «Занби – «сверчок». «Занби арт» название горного прохода между Кужнар Баши и Баласагун» [ДЛТ, 2005. С. 1070]. В. Бартольд считал «возможным», что это перевал Шамси, расположенный между Кочкаром и Чу [Бартольд, 1964. С. 466], который имеет высоту 3570 м. Однако здесь должно было учитываться, что сверчки теплолюбивые насекомые, будучи жителями сухих мест, они могут длительное время жить вообще без воды и при высокой температуре. При похолодании до 10-15 градусов они становятся малоактивными, перестают питаться, роют в субстрате норы и засыпают.

Перевал Шамши не обладает такими свойствами, это отмечали и русские военные при рекогносцировке местности. «В конце августа перевал (т. е. Шамши) всегда покрыт снегом. При чем там в эту пору часто дуют сильные ветры» [Соколов, 1908. С. 4]. Современные иностранные туристы также отмечают, что на перевале Шамши в разгар

лета может пойти снег и температура нередко показывают около +3 [venividi.ru/node/13780]. Эти факты, как и вышеуказанные сведения М. Кашгарского указывают в сторону г. Тараз, где климат резко-континентальный, практически на протяжении всего года господствует континентальный воздух умеренных широт, тип погоды – антициклональный, осадков незначительно – менее 400 мм, влажность небольшая – коэффициент увлажнения меньше 1. Таких немаловажных фактов оставить без внимания нельзя. Поэтому, хотя «в связи с недостаточностью источников в то время местоположение можно было определить только приблизительно» [Бартольд, 1964. С. 549], древний город Баласагун не может локализоваться близ современного города Токмак, т. е. рядом с минаретом Бурана. Тем более, в первый год работы Чуйского отряда, Л. Р. Кызласов, опираясь на мнение А. Н. Бернштама, полагал, что Ак-Бешим является древним Баласагуном. Однако материалы раскопок 1953–54 гг. и пересмотр материалов, добытых в 1938–40 гг. А. Н. Бернштамом, позволили сделать вывод о том, что городище Ак-Бешим было населенным городом лишь в 6–10 вв. (и не позже), следовательно, не могло быть историческим Баласагуном – столицей караханидов 11–12 вв., городом, просуществовавшим, согласно письменным источникам, вплоть до 14 в. [Кызласов, 1953. С. 159-160; Его же. 1957; Кожемяко, 1959. С. 18; Кызласов, 2008. С. 22]. Если бы город Суяб существовал и в XI в. то он непременно должен был упоминаться у Махмуда Кашгарского, особенно у Джувейни, в связи с Кучлуком, который жаждал захватить все города, расположенные в Семиречье.

У Гардизи видимо речь идет исключительно о Присырдарьинских городах, где Илигхан, т. е. Богра-хан Харун б. Муса в 380/990 г. выехав из своей столицы Баласагуна, сперва прибыл в Исфиджаб, потом (в мае - июне 992 г.) вступив в Бухару – столицу Саманидов, вскоре захворал и умер по дороге в Кашгар, в местности Кочкар-баши [Абу Са'ид Гардизи, 1991. С. 85]. В отличие от М. Кашгарского Кочкар-баши – возможно «верхушка Кочкара» (баш-ы – верхняя часть чего-л., головка, верхушка, вершина; начало, например, «суунун башы» – начало, исток реки). Однако больной человек после выезда из Бухары сразу попадает в Кочкар-баши, логичнее его надо будет искать где-то недалеко от этого самого города. Между прочим, в регионе, где расположен современный могильник Кошкар-Ата, на берегах реки Арысь встречается ещё не до конца исследованные древние городища [см.: Байпаков, 2007. С. 28-29]. Например, один из них находится в арыско-бадамском локально укрепленном районе. Его площадь составляет «более 50 кв. км, который включает фортификационное сооружение в виде длинной многокилометровой

пахсовой стены и ряд крупных укрепленных объектов, в том числе – городище Караспантобе» [Подушкин, 2011. С. 372.]

Как описывается в средневековых письменных источниках караванный путь из Ферганской (древний Даюань) долины в Кашгар (Сулэ) обычно проходил через Сарыкол (Уто) и Памир – южная дорога, и через Терек-давань – северная дорога [Умурзаков С, 1983. С. 39]; а китайцы проникали в землю усуней, т. е. в Илийский край, через Музарт. «Наибольшее значение по отношению к Кашгарии имеют Терек-давань, Шарт-давань и Талдык. Первый из них лежит на главной караванной дороге из Ферганы к Кашгару и не доступен для вьюков только три месяца в году – апрель, май и июнь, вследствие сильного подъема воды в стекающих с него речках и образования зажоре на его южном склоне [Кашгария., 1903. С. 94]. У Джамаля Карши также за Кашгаром назван Хотан (Хутан), а за ним город Худжанд и Фаргана [Джамал ал-Карши, 2005. С. 140, 146, 147, 149; Бартольд, 1968. С. 156]. Видно, что основная ветка Великого шелкового пути, соединяющая Восток и Запад, проходила из Кашгара через Терек-Давань прямо в Фергану. И почему из имеющихся более простых и безопасных путей, например, Худжанд – Куба – Уш (Ош) – Узканд – Хуртакина – Атбашы [Ибн Хордадбех, 1986. С. 66], далее в Кашгар, заболевший Богра-хан выбрал самый сложный и опасный (обходные дороги, крутые подъемы с неудобными тропинками, кроме того необходимо переезжать несколько трудно переходимых перевалов), никто из ученых не возьмется объяснить. Ибо города или крепости обычно строились также по важным стратегическим перевалам, где часто проходили караванные пути. Однако следует обратить внимание на дорогу Суяб (Токмак) – Ат-Баши – Кашгар, за городищем, которая расположена в Кочкорской долине, до Ат-Баши, протяженность которой составляет примерно 200 – 250 км (что соответствует 8 – 9 дням караванного пути [Умурзаков, 1983. С. 40]), не встречается средневековая крепость. Отсутствие каких-либо руин средневековых крепостей по этому маршруту доказывает, что в средневековье эта современная дорога (Бишкек – Кочкар – Нарын – Ат-Баши) как одна из ветвей Шелкового пути фактически не играла существенной роли. Таких крепостей обязательно должно было быть несколько по обеим сторонам перевала Долон и вблизи современного областного центра Нарын, ибо в этих местах путь самый опасный. Поэтому сам В. Бартольд был неуверен и применял неопределенную форму, что, «быть может, местность Кочкар-баши, недалеко от истока Чу, еще и теперь называемого Кочкаром» [Бартольд, 1964. С. 507]. Тем более, при указании ошибок Петровского дополнительно отмечает, что «Путь из Таласа (Аулие-ата) в Восточный Туркестан по южной стороне Александровского хребта, предполагаемый г-ном Петровским», не

упоминается ни в одном из известных ему сочинений. Единственное он допускает, что этим путем возможно пользовались караваны после упадка оседлости, в летнее время, когда кочевники все переходят на южную сторону [Бартольд, 1897. С. 30-31]. Вместе с тем чтобы попасть за перевалом Долон прямо в Ат-Баши далее надо будет преодолеть реку Нарын. Но его течение здесь очень быстрое и берега образуют очень крутые склоны, и скалы, для форсирования караваном нужны были мосты. На фоне всех этих фактов, как выше отмечали, что долина Кочкар – это и есть «Кужнар Баши», где в 992 г. скончался Богра-хан бездоказательное предположение, произвольное обращение с фактами, единственное, что их сближает – это схожесть их названий. Да и потому, во-первых, городище в Кочкорской долине, «около известных гумбезов «Кырк Чоро» – это городище XI – XII вв., без цитадели, что характерно для городов данного времени, т. е. позднего, несогдийского происхождения» [Материалы и исследования..., 1950. С. 27]. Это перечеркивает данные о существовании во время Богра-хана Харун б. Муса в Кочкорской долине какого либо города. Если и существовало, тогда нужно более веское доказательство, что оно никоим образом не связано с монгольским названием. Если и был, вероятней всего служил как один из альтернативных участков к Боомскому ущелью.

Во-вторых, вышеуказанные Кочкорские рунические письма и этимология слова вызывает серьезное сомнение считать Кочкора – Кочкар-баши. В-третьих, Махмуд Кашгари, упоминая несколько озер, расположенных «на землях Ислама», как бы специально отмечает, что они «являются самыми крупными» и «окружность каждого из этих озер составляют сорок или тридцать фарсахов», и вместе с ними указывает возле Кужнар Баши озеро под названием «Сизиң кул», [ДЛТ, 2005. С. 841]. Арабский фарсах (перс. фарсанг) который применял М. Кашгарский, обычно равняется в среднем 6-7 км. Однако длина озера Сон-Куль достигает всего 28 км, которое равно 4–6 фарсахов по арабо-персидским мерам длины, а ширина составляет всего 18 км. Поэтому как предполагает большинство современных ученых «Ситинк-Куля» [Бернштам, 1998. С. 87], которое расположено рядом с Кочкорской долиной, где находится то же самое городище невозможно отождествить с горным озером Сон-Куль (кырг. Соң-Көл). Тем более и во время М. Кашгарского тюрки знали и применяли частицу «суң» (кырг. «соң») – обозначающий «за, после» или «конец какого-либо дела, работы» [ДЛТ, 2005. С. 1006], т. е. М. Кашгарскому незачем было изменять эту частицу при названии географической местности. В другом месте его называют «Сидиң кулем» [ДЛТ, 2005. С. 1015]. Интерпретирование или этимологирование его с словом «сонун» (т. е. Сонун-Куль – букв.

«интересное, замечательное озеро») также нельзя, так как выше мы видели, что это слово было заимствовано позже Махмуда Кашгарского – от монголоязычных народов.

Между тем, озеро «Сизиң кул» можно интерпретировать и с другими озерами, находившимися на стороне гор Каратау, где расположен известный нам могильник Кошкар-Ата, или в территории, где река Арысь впадает в Сырдарью, на площади около 300 км² находится свыше полусотни развалин древних городов, поселений и т. д. [Байпаков. 2007. С. 182]. Например, река Чу заканчивается обширным разливом – озером, отстоящим от р. Сыр-Дарьи в 100 верстах на востоке, которое раньше носило название «Саумал-куль», в которое впадает большое количество мелких рек, орошающих степную равнину к северу от Александровских гор [Леденев, 1908. С. 16; Шмидт, 8 таб., карт]. «Саумал» 1) молодой, еще не перебродивший кумыс; парное кобылье молоко: саумал ішсең қымыз жоқ, байтал мінсең құлын жоқ (если пьешь парное кобылье молоко, то кумыса не будет, если едешь на кобылице, трехлетке, то жеребенка не будет) 2) перен. солоноватый – көлдің суы саумал (вода в озере солоноватая; саумал татыған (солоноватый на вкус). На основе записи капитана Унковского, посланным Петром I в 1722-23 гг. к джунгарскому хану Цеван Рабтану, Н. Аристов приводит данные, что на северо-западе от этих кочевок «Бурутов» помещена р. Чуй, «впадающая по соединении с р. Таласом в какое-то озеро, которого на карте уместилась лишь часть» [Аристов, 20011, С. 426].

Конечно, надо учитывать, что в связи с сокращением объемов воды, прежде всего в результате интенсивного развития орошаемого земледелия вокруг этого озера, его уровень давно изменился. Таким образом, видно, что сведения Гардизи, касающиеся местности Кочкар-баши современными исследователями изучены лишь поверхностно. Здесь в большинстве наши историки в основном ссылаясь на научный авторитет, руководствовались только с мнениями В. Бартольда, хотя он никогда этого не утверждал (см. выше). Поэтому предложенные авторами любые научные выводы должны быть строго аргументированы и критически оценены по сравнению с другими выводами.

Далее, по сведениям М. Кашгарского видно, что город Баласагун существовал и до него. Тем временем этот город не потерял своего былого значения ещё в XIII в., т. е. после нашествия монголов, так как Джамал ал-Карши (род. в Алмалыке в 628/1230-31 г.) сообщает, что его «отец был из числа хафизов Баласагуна» [Джамал ал-Карши, 2005. С. 112] и привел имена ученых каждого города, например, если в Самарканде их было меньше десяти человек, в Баласагуне их было в несколько раз больше [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 459; Бартольд, 2002. С. 357]. В XII в. область города Баласагуна была самым северным мусульманским владением с этой стороны [Бартольд, 1968. С. 105], в другой раз

не зависимо от других источников упоминается у Махмуда ибн Вали (XVI в.). Он называет его вместе с такими городами, как Аксу, Андижан, Ош, Талас, Алмалык, в свое время город имел сорок соборных и двести будничных мечетей, хотя уже находился в опустошенном и заброшенном состоянии [МИЦА, 1988. С. 241-242; Машрапов, 2002. С. 27-37]. Это означает, что Баласагун существовал и после полного распространения ислама на правобережье Сырдарьи, даже был цветущим городом. Однако при проведении археологических раскопок на месте городища Ак-Бешим не были обнаружены мусульманские медресе и мечети. В связи с этим вызывает интерес и сведение из «Тарих-и Рашиди» о том, что город Баласагун «в течение девяноста пяти лет был столицей карахитаев, и все страны на этой стороне Джейхуна (т. е. правобережье Аму-дарьи), расположенные к востоку от него, доставляли сюда харадж» [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 459]. В те времена город Суяб во второй половине VIII в. наполовину был разрушен какими-то тюркскими племенами, это подтверждает и археологическая датировка, которая «колеблется от VII до XII в., в центре шахристана шурфы показали наличие слоев с V – VI по X в. включительно» [Семенова, 2002]. Между тем, В. Бартольд основываясь на М. Кашгарского, более плотно подошел к расшифровке этимологии Баласагуна, чем остальные ученые, отметив, что «сближение его с монгольским словом балгасун «город» теперь едва ли имеет сторонников» [Бартольд, 1968. С. 75]. Дело в том, что по рассказу персидского министра Низам ал-Мулька, этот город отмечен в связи с событиями около 940 г., т. е. ещё до нашествия монголов назывался Баласагуном и считался мусульманским городом [Низам аль-Мулк, 1949. С. 215; Бартольд, 1963. С. 303].

По арабским источникам город Баласагун лежал «по ту сторону (т. е. правобережья) Сейхуна (Сырдарьи), недалеко от Кашгара», а город Фараб находился «дальше Шаша (или «дальше всех от Шаша»), поблизости Баласагуна». При этом Баласагун был городом, зависящим «от Исбиджаба» [Бартольд, 2002. С. 355]. Большинство авторов средневековья, в том числе и Махмуд Кашгарский, Баласагун упоминают обязательно с Таразом и Исфиджабом [ДЛТ, 2005. С. 155, 1052]. В другом месте отмечает, что «население Баласагуна говорит на согдийском и тюркском так же, как и население Тираза и Мадинат ал-Байда. На всех землях Аргу от Исбижаба до Баласагуна у людей ломаный язык» [ДЛТ, 2005. С. 69]. То есть, если Баласагун расположился бы около современного города Токмака, должны были упоминаться и другие города, расположенные между ними, такие как Жикил, Кулан, Бирки, Ашпара, Джул, Невакет и т. д. Именно по этой причине Абу-л-Феда, основываясь на астрономических таблицах ибн Хаукаля («Канун ал-Масуди») и Абу Бируни («Китаб аль-Атваль») размещает город Баласагун в 91° 35' (Канун) – 91°50'

(Атваль) в. д. и 47° 40' с. ш. (по ал-Бируни 91,5° в. д., и 44,75° с. ш.) [Аристов, 2001. С. 314-315]. Тараз находился на 89°50' и 44°25' (Атваль) в. д., 43°35' (Канун) с. ш.; Исбиджаб (Сайрам) 89°50' (Атваль) - 89°20' (Канун) или 43°35' (Атваль) в. д., 43° 30' (Канун) [Хрестоматия по древней и средневековой истории Кыргызстана. 2007. С. 420-421]. По современному астрономическому измерению городище Отрар лежит на 68°18'10" в. д., 42°51'08" с. ш.; Тараз – 71°22'00" в. д., 42°53'00" с. ш.; Сайрам – 69°46'13" в. д., 42°18'07" с. ш.; Токмок – 75°15'00" в. д., 42°44'00" с. ш. Разница (средневековая и современная) в координатах не большая (18-20° в в. д. и примерно 5° в с. ш.), на основе данных цифр точный сравнительный анализ могут провести только астрономы. Однако сравнивая эти таблицы можно прийти к однозначному выводу о том, что Абу-л-Феда не мог допустить ошибку только в отношении одного Баласагуна, размещая его севернее (примерно к 44-45° с. ш.) от линии Токмок – Тараз – Сайрам. После некоторых сравнительных анализов В. Бартольд также пришел к заключению, что «они, по-видимому, доказывают, что Баласагун лежал северо-восточнее Ауле-Ата» [Бартольд, 2002. С. 355], т. е. все эти факты в совокупности однозначно указывают, что город Баласагун должен был **находиться** ближе к современному Таразу.

Между тем в карте «Тартарии»³, изданной в 1791 г. в Париже Ригобера Бонне (Rigobert Bonne), примерно между 40-м и 45° с. ш., по направлению северо-восток на юго-запад, между р. Талас и долиной Ферганы (Fergana), и по направлению восток на запад между р. Талас и Ходжентом (Kogend), точно посередине размещено местность Баласагун (La Haute ou Balasagun). Но при пользовании ее сведениями нужно иметь в виду, что в отношении некоторых географических объектов вкралась неточность и явные ошибки. Тем не менее относительно к рекам Или (Ili R.) которое впадает в оз. Балхаш (Palcati L.), Чу (Tshoui R.) – впадает в оз. Kal-Kol и Талас (Talas R.) которое впадает в оз. Sikerlic, в целом, местоположение Баласагуна указывалось достаточно правильно.

Интересны также сведения у М. Кашгарского, что «Карачук» – название Фараба, это один из огузских городов [ДЛТ, 2005. С. 450]. По Стамбульскому изданию 1336 г. переводился как «Карачук» и отмечено, что на карте Махмуда Кашгарского показаны горы Карачук к северо-востоку от Сыр-дарьи, соответствующие современным Каратау, к югу от них показаны «города гузов», к северо-востоку – «жилища кипчаков и гузов»

³ Полное название: Carte de la Tartarie Independante qui comprend le Pays des Calmuks, celui des Usbeks, et le Turkestan, avec leurs dependances, projettee et assujettie aux observations celestes, par M. Bonne, Hydrographe du Roi. A Paris, chez Lattre, rue S. Jacq. Arrivet inv. & sculp. (1791) [более подробно см.: www.davidrumsey.com]

[МИТТ, 1939. С. 312]. По Мухаммед Хайдару моголы называли «Баласагун Каралигом» [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 459].

Как видно сведения о городе Баласагуне довольно скудны, а его название не находит явных параллелей в топонимике региона, поэтому нельзя его однозначно локализовать около современного Токмака в Кыргызстане. Именно несоответствие с данными письменных источников вынуждали исследователей игнорировать некоторые материалы, и локализовать город на месте средневекового города Суяб. Например, по рассказам Джувейни, в связи с Кучлук-ханом несколько раз упоминается город Баласагун. Его история начинается с того, что найманы, жившие в то время между верхним Иртышом и Орхоном, были в 1208 г. покорены монголами [Абуль-Гази, 1906. С. 76]; хан с остатками войск бежал в страну кара-китаев, к гурхану, который их хорошо принял и выдал за Кучлука свою дочь [Бартольд, 1964. С. 296. 231]. После того, как Кучлук получил от гурхана позволение собрать войско, меркитские царевичи также присоединились к нему [Бартольд, 1963. С. 426]. Кучлук двинулся на гурхана (Елюй Чжулху – Т. Э.) и стал опустошать и грабить его земли, то нападая, то отступая [Джувейни, 2004. С. 41]. В это время, т. е. к 1210 г. граница владений хорезмшаха уже дошла до Сыр-Дарьи (к нему перешло, в том числе и правое побережье) – остальные мусульманские области, прежде подчинявшиеся кара-китаем, за исключением подчинившегося Чингиз-хану карлукского (?) владения, перешли под власть предводителя пришедших с востока найманов, Кучлука [Бартольд, 1964. С. 139; 1968. С. 128-129].

Таким образом, в начале XIII в. образовывается новое владение со столицей Алмалык. Выехавшего из «Алмалига» и производившего нападение на другие города Кучлук упоминается и у Джамалия Карши [Джамал ал-Карши, 2005. С. 118]. Потом, узнав о победах Хорезм шаха, Кучлук «направил к нему послов с призывом напасть на гурхана с запада, в то же время как сам он ударит по нему с востока; чтобы вместе покончить с ним. Если султан первым завоюет и разорит земли гурхана, ему покорится все его царство до Алмалыка и Кашгара; если Кучлук опередит его и завоюет государство каракитаев, то к нему отойдет вся земля до реки Фанакат (Fanakat (или Vanakat), который располагался на правом берегу Сырдарьи, недалеко от устья Ангрена, но под «рекой Фанакат», возможно, подразумевалась Сырдарья). По Абуль-Гази-хану город Фенакенд располагался недалеко от Ходжента [Абуль-Гази, 1906. С. 94]. Договорившись таким образом и заключив соглашение на этих условиях, они с двух сторон направили свои армии против каракитаев. Кучлук стал первым; войско гурхана, стоявшее неподалеку, было

разгромлено, и он разграбил сокровища гурхана в Озкенде (Узгенд) и оттуда направился в Баласагун» (Баласагун) [Джувейни, 2004. С. 41; Тарих-и Рашиди, 1999. С. 362-363; Бартольд, 1963. С. 421].

Здесь надо иметь в виду, что в средние века название Узгенд носило двое среднеазиатских городов: первый из них находился в Ферганской долине (теперешний Узген), второй между Сугнаком и Джендом [Джувейни, 2004. С. 41], т. е. в нижнем течении Сыр-Дарьи. Это привело к существенной путанице, до последнего времени в большинстве исследованиях они воспринимались как один город [Бартольд, 2002. С. 533]. Дело в том, что В. Бартольд, сомневаясь в вышеприведенных сообщениях Джувейни, о договоре «заключенном между Кучлуком и самым могущественным из восставших мусульманских владетелей, хорезм-шахом Мухаммедом», тем не менее, согласен, что Кучлук сперва «разграбил казну гурхана, хранившуюся в Узгенде» и после чего «был разбит кара-китаями около» города Баласагуна [Бартольд, 1964. С. 54]. Получается вот какое весьма интересное суждение. Кучлук в то время находившийся сам в «северной части Семиречья» [Бартольд, 1963. С. 428], каким-то сложным путем обходя Баласагун, если конечно он располагался вблизи современного Токмака, сначала разграбил ферганский Узгенд, который был последним из городов Ферганы, если пройти через вышеуказанные ворота Ходжента. В X в. Узгенд упоминается как торговый пункт в преддверии тюркских земель, граничащих со странами неверных [Абу-л-Касим Ибн-Хаукаль, 1957. С. 26]. То есть гурхан не мог бы держать здесь свое сокровище. Но именно оттуда потом Кучлук направился «в Баласагун» (здесь расположился лагерь гурхан), и был разбит в битве возле Чинуча (у Мухаммед Хайдара «Джинудж» [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 364]). Переводчик объясняет, что «Чинуч может быть рекой, но это также может означать «на границе», и в этом случае Чинуч – область или горный хребет». Здесь он потерял большую часть своего войска, они были захвачены в плен гурханом. После того «он вернулся в свою страну и приступил к преобразованию своего войска» [Джувейни, 2004. С. 41]. Как видно, Кучлук умело лавируя между нескольких десятков (если не сотен) городов или перевалов (объехав почти всю Среднюю Азию), прошел совершенно незамеченным в Ферганскую долину и оказался в глубоком тылу противника, чтобы разграбить его казну. Ведь разумно было бы, прежде всего Кучлуку напасть на город Баласагун, где, по мнению большинства ученых, этот самый город был якобы расположен вблизи современного Токмака.

Однако на самом деле, если Кучлук после Узгенда направился сразу на Баласагун, это значит, что в стратегическом плане эти два города расположились недалеко друг от друга. В некоторых источниках город Узгенд нередко упоминается сразу после событий, происшедших в Самарканде или Бухаре [Бартольд, 1963. С. 379, 380], видимо и в других источниках [наприм., см.: МИКК 1, С. 57] одновременно речь шла о сыр-дарьинском городе, т. е. при этом те города, которые расположились между Самаркандом и ферганским Узгендом естественно не упоминались. По Абуль-Гази-хану Узкенд находился между «Саганак» (Сыгнак) и «Аснашом» [Абуль-Гази, 1906. С. 93]. Вероятно и в рассказах Бейхаки [Бартольд, 1963. С. 336-337], где рассказывается о сражении между караханидскими ханами, речь шла об этом Узгенде.

Таким образом, ошибочное предположение привело к ошибочному заключению. Рассуждая о вышеприведенных событиях В. Бартольд также замечает несуразности к ошибочному заключению в рассказах Джувейни, отметив, что «Если бы Баласагун находился в Восточном Туркестане, то жители едва ли могли бы так скоро ждать к себе хорезмийское войско» [Бартольд, 1897. С. 37]. Это замечание вполне можно отнести и к современному городу Токмаку, с его близлежащими развалинами Ак-Бешим.

В совокупности все вышеприведенные факты указывают, что город Баласагун теоретически находился не в том месте, где расположено городище Ак-Бешим – Бурана, как представляет большинство ученых, а в стороне Сыр-Дарьи, как в рассказах Балыкооза – скорее всего, граничил с такими городами, как Тараз, Исфиджаб, Отрар и вторым Узгендом. Более точные сведения, хотя и косвенно, указывающие на место, где расположен был город Баласагун, встречается у Махмуда Кашгарского, в связи с переходом реки Худжанд Александра Македонского. При этом напоминаем, что в «средневековых источниках встречается ряд названий реки Сыр-Дарьи, образованных от названий городов и местностей или оазисов: Оби-Фаргона («Ферганская река»), Оби-Худжанд («река Худжанда»), Нахраш-Шаш («Шашская река», по ташкентскому оазису Шаш), Банокат-Дареси («река Баноката»)» [Поспелов, 2001. С. 403] и т. п.

Так вот, Зу-л-Карнайн (т. е. А. Македонский), пройдя Самарканд, направился в страну тюрок, где их царь человек по имени Шу начал строить одноименную крепость возле Баласагуна. Когда ему пришла весть о «приближении Зу-л-Карнайна, Шу отправил на берег реки Худжанда сорок воевод в качестве передового отряда, который должен был сообщить о переправе Зу-л-Карнайна. Зу-л-Карнайн перешел реку, и передовой отряд

явился ночью, чтобы сообщить Шу о его переправе». Но, царь не стал воевать с А. Македонским, со своим войском ушел на восток. После того, как царь ушел, «осталось двадцать два человека с семьями», раздумывавшие, отправиться ли, или остаться на месте, потом решили, что Зу-л-Карнайн «странствует, не оставаясь на месте. Он уйдет и от нас, а мы остаемся на своей земле» и остались. «Когда Зу-л-Карнайн пришел и увидел эту группу людей с отличительными знаками и клеймами тюрок, то прежде чем спросить о них он сказал по персидски: «туркман анд», т. е.: «Они похожи на тюрок» [ДЛТ, 2005. С. 1051-1052]. Таким образом, если идентифицировать и локализовать эти сведения вместе, то отсюда вытекает три ключевых вывода. Во-первых, А. Македонский со своей армией дошел до округа, где потом был построен город Баласагун. Однако в анналах истории нет ни одного сведения, что А. Македонский дошел хотя бы до территории современного города Тараз. «Овладев затем рядом областей и городов (маршрут похода, по Григорьеву, пролегал через теперешние города: Шир-абад, Кабадиан, Термез, Куляб, Сарыпул, Гиссар, Сарыджуй, Денау), Александр переправился через Окс у Патта-гиссара и возвратился в Бактру. Отдельный греческий отряд ходил еще дальше – вероятно в Дарваз и через Бадахшан прибыл также в Бактру. В том же 327 году Александр отправился через Гиндукуш в поход на Индию и уже более не возвращался в Туркестан» [Туркестанский край, 1913. С. 262].

Во-вторых, если царь тюрок из крепости Шу, который был расположен «возле Баласагуна», посылает сорок воевод к реке Худжанд, значит, оба города (Шу и Баласагун) находились недалеко от этой реки. Потому что, послать сорок воевод из местности современного города Токмака в Сыр-Дарью (расстояние от Токмака до Худжанда, в одну сторону составляют примерно 800–850 км), через области Мерке, Кулан, Тараз просто нецелесообразно, т. е. в средневековье не было никакого смысла. В. Бартольд только между Суябом и Таразом подсчитал 15 городов [Бартольд, 1964. С. 280-281].

В-третьих, в другом месте Махмуд Кашгарский указывает, что «Урду «царская резиденция около Баласагуна» [ДЛТ, 2005. С. 153]. Далее, расположив все тюркские племена по порядку с запада («Бажанак, затем Кифжак, Угуз, Йамак, Башгирт, Йасмил, Кай, Йабаку, Татар, Киркиз» затем «Жикил, Тухси, Йагма, Уграк, Жарук, Жумул, Уйгур» и т. д.) Махмуд Кашгарский указывает, что язык у «Киркиз, Кифжак, Угуз, Тухси, Йагма, Жикил, Уграк и Жарук» чистый тюркский, единый язык [*туркийя махтдта лугта вāхтида*], объясняя при этом, что он «не смешивается с персами и не перенимает чужие обычаи». Вместе с тем особо подчеркивает, что «На всех землях Аргу (о местности Аргу

см. ниже) от Исбижаба до Баласагуна у людей ломаный язык», так как они «смешиваются с городским населением» [ДЛТ, 2005. С. 69-70]. Дальше – больше, «Сугдак» («согдийцы») – это «народ, осевший в Баласагуне, происхождением из Сугда, что располагается между Бухарой и Самаркандом» [ДЛТ, 2005. С. 437]. То есть у тех городских жителей, которые смешивались с согдийцами был «ломаный язык», а у тех, которые жили подальше от них был «чистый тюркский». Из родов, язык которых чисто тюркский – Йагма, Тухси и часть Жикилов жили на берегах реки Или [ДЛТ, 2005. С. 123], а согласно персидским источникам и по сведениям Гардизи тухси жили также на реке Чу; в их области находился и город Суяб [Бартольд, 1968. С. 586]. Отсюда можно сделать вполне однозначный вывод, что город Баласагун надо искать на стороне Сыр-Дарьи, ближе к современному городу Тараз и древнему городу Урду (Ордо, Орду = Отар = Кедер = Отрар), как в списке Т. Алымбекова.

При этом нельзя не отметить У. Х. Шалекенова [см.: Шалекенов, 1980; 2009], который опираясь на вышеуказанные труды Л. Р. Кызласова и П. Н. Кожемяко, стал локализовать Баласагун на месте городище Актобе (Степнинское), расположенное при впадении Карабалты и Аксу в реку Чу. К сожалению, автор не привел существенных доказательств, в пользу того, что городище Актобе – в самом деле и есть средневековый город Баласагун. В его суждениях очень много спорного и невыясненного, например, ни у Махмуда Кашгарского, ни у Махмуда ибн Вали не указаны точные координаты Баласагуна, тем не менее, автор, в основном опираясь на них, отождествляет его с городищем Актобе. Однако для окончательного вывода автор не смог привести неопровержимых фактов. Поэтому археолог М. Елеуов опроверг его теорию, на основе результатов раскопок, произведенных на том же месте [см.: Елеуов, 1999]. Например, по сообщению С. Закирова, в утерянном списке Т. Алымбекова встречается и сведение о Калы-бие, одного из потомков Баласагына, который привел кыргызов обратно в Семиречье (вероятно, имеется в виду, когда в первый раз кыргызы вернулись из Алтая) и построил орду (ставку) при впадении Карабалты в реку Чу. Из-за этого та местность потом стала называться «Калкуту капка ташом» [Закиров, 1996. С. 68] (букв. капка – ворота; таш – камень = каменные ворота), в смысле «поставленный Калы-бием каменные (куту) ворота».

В связи с этими фактами на поверхность всплывает и другой вопрос – вопрос касающийся местности (ущелья) Аргу, которую по Махмуду Кашгарскому, тюрки считали страной, расположенную между Таразом и Баласагуном. Его локализация пока не

представляла трудности, поскольку как выше показано, большинство ученых город Баласагун размещали около современного города Токмак.

По видимому именно из-за таких абсолютно не подкрепленных никакими доказательствами утверждений возникают дополнительные проблемы в изучении этногенеза отдельных народов (здесь, в плане размещения древних поселений), большинство ученых город Баласагун располагают на землях близ современной башни Бураны, которое находится в Чуйской долине [Зуев, 2002. С. 204-206; Бартольд, 1968. Т. V. С. 77]. Именно в этом месте образуется как бы большое ущелье – окруженное с южной стороны хребтом Кыргызским Алатау и северо-западным отрогом Заилийского Алатау (Чу-Илийские горы) с северо-востока, так как по М. Кашгарскому «Аргу – ущелье, то, что» находится и располагается между двумя горами, поэтому и страну, «расположенную между Таразом и Баласагуном называл «Аргу» [ДЛТ, 2005. С. 155]. Таким образом, почти все ученые, имевшие отношение к древней истории Центральной Азии страну Аргу стали связывать с ущельем. Исключение составил только вывод Ю. Зуева, соотносивший слово «аргу» (арғу) с тохарским Б. arkwi (отсюда тюрк. arqıj, arqun, arxon) «белый», «серебряный», «чистый» [Зуев, 2002. С. 205]. Однако здесь ученый по ошибке идентифицировал это слово с другим древнетюркским словом «ари» [ДЛТ, 2005. С. 931] – быть чистым; по кыргызски «аруу» – чистый (например, «аруу буюм» – ценные вещи, т. е. одежда, украшение, утварь и т. п.); по казахски «ару» – чистый, прекрасный (например, «айдан ару нәрсе жоқ» – нет ничего прекраснее луны). Его ошибка состоит в том, что, на самом деле «аргу» и «ари» совершенно разные понятия, имевшие разные корни. Между тем, слово «аргы» («аргу») понудительная форма глагола и встречается без изменений только в кыргызском языке, но обычно самостоятельно не употребляется, точное содержание дает в словосочетании с другими словами, например, «Телтору ат менен аргытып, алдыдан чыкты жол тозо» (фольк. он появился, лихо скача на гнедом коне, и преградил путь). В том же словаре М. Кашгарского встречается древнетюркская пословица, с применением словосочетания «аргу» – «Было сказано: баклар атин аргуруб, казгу ани тургуруб...». Русский перевод: оплакивая Афрасиаба, говорят: правители загнали своих лошадей, их самих изнурила печаль... [ДЛТ, 2005. С. 449], и кыргызский перевод: «бектер атын аргытып, азган өңү туурулуп...», то есть имеется в виду, что во время долгой езды на коне их лица треснули от встречного ветра. Слово «аргы» образует и слово «аркыроо» – реветь; бурлить, бурно течь; например, «аркырап аккан суу» – бурная река (казах. аркырап акқан өзен); «аркыратып чаап келди» – он примчался (на коне) во

весь опор; «шамал арылдап турат» – ветер воет, свищет, бушует. Отсюда и «жел аргы» небольшой ветерок. На эти обстоятельства ученые не обратили внимание, то есть у М. Кашгарского речь в прямом смысле шла о той местности, где постоянно дует ветер, так как оно находится между гор. В Средней Азии топоним с таким названием почти не сохранился, за исключением Кыргызстана, например, название «Жел-Аргы» теперь носит местность у входа в ущелье со стороны Чуйской долины [Бөөмбаев Насирдиндин санжырасы, 2011. С. 43. Комм. 2], которую потом ученые ошибочно транскрибировали (фонетически) на русский лад «Джилъ-арык» [Бартольд, 2002. С. 568], т. е. «Ветренный-Арик». При этом слово «джиль» В. Бартольд переводя как «тесный» (вероятно имел в виду теснину – кырг. «капчыгай», или скорее всего «джилга» – ложе ручья, длинная впадина, ложбина, балка), отождествляет с горой «Джил» у Гардизи [Бартольд, 1897. С. 114. Комм. 2]. Но сравнительно со «страной Аргу» это слишком маленькое ущелье, длиной всего примерно 5-7 км, а шириной 1-2 км, но благодаря своему географическому расположению (с юго-запада на северо-восток) почти круглогодично продувает ветерок, иногда бывает и сильный ветер. «Самое название «Джилъ» – ветер, указывает на особенность этого места: каждое утро с восходом солнца тут начинает дуть сильнейший ветер по направлению из ущелья в долину Токмака, стихая только к полдню. Таким образом Буамское (Боомское) ущелье является как-бы воротами для воздушных течений из высокого плоскогорья Иссык-Куль на низменную Чуйскую долину» [Соколов, 1908. С. 13]. Однако М. Кашгарский, указывая эту страну, находившуюся между горами, имел в виду совсем другую местность, потому что, в другом месте сообщает, что «Когда Зу-л-Карнайн пришел в страну Аргу, облака обрушили на нее свою мощь, дорогу размыло, и это стало для него большим препятствием» [ДЛТ, 2005. С. 372]. Анализируемый фрагмент дает достаточное объяснение, почему та местность была названа «Аргу». По климатическим условиям, которые описывает М. Кашгарский, эту страну можно отнести теоретически и на левый берег Сыр-Дарьи. Выше мы отмечали, что А. Македонский не дошел до местности, в котором позже разместился средневековый город Тараз, таким образом все факты указывают, что и страна Аргу находилась ближе к реке Сыр-Дарья. Например, по описаниям современных ученых эту «страну» размещать в сторону правобережья Сырдарьи не представляется возможным, так как на ветры из Ферганской долины и на Арысский ветер не похоже на них [Прох, 1983. С. 14], скорее всего походит на афганский ветер – «сильный и пыльный западный или юго-западный ветер в восточных Каракумах и в Сурхандарьинской области. Дует по несколько часов, иногда до двух суток, вверх по долинам рек Амударья, Сырдарья, Вахша. Сопровождается пыльной бурей и

грозой. В Термезе наблюдается до 70 дней в году. Угнетает растительность, засыпает песком и пылью поля, сносит плодородный слой почвы. Ранней весной сопровождается ливнями и резким похолоданием до заморозков, губит всходы хлопчатника. Зимой иногда сопровождается мокрым снегом и приводит к обморожению и гибели скота, застигнутого на равнинах. Возникает в связи с северо-западными фронтальными вторжениями холода в пределы Туранской низменности. За сутки-двое перед нею на небе появляется тонкая дымка, светила приобретают оранжевую окраску, температура воздуха повышается (летом иногда до 45 °С), влажность уменьшается, атмосферное давление падает. С приближением атмосферного фронта появляются вихри и смерчи. Внезапно из-за Келифских возвышенностей обрушивается сплошная стена пыли с ураганным западным ветром. Затем после краткого затишья скорость ветра вновь увеличивается до 20 м/с и более. Наибольшей силы достигает в Термезе и к востоку от Келифских ворот. Юго-западный поток сильно запыленного воздуха достигает Алайской долины и нередко проникает в Синьцзян, в бассейн р. Тарим. Ослабление ветра сопровождается резким ростом давления и некоторым похолоданием. Одновременно по среднему течению Амударьи западнее Келифского ущелья может дуть восточный предфронтальный ветер, а также ветер 120 дней» [Прох, 1983. С. 15–16]. Сравнительно к ним между современными городами Тараз и Токмак сильные порывистые ветры очень редки. Единственное исключение составляют сезонные (осень-зима, зима-весна) Курдайские (Кордой, Кордай) ветры, со своей северо-восточной бурей с метелью на одноименном плоскогорье, горном хребте и на перевале в Чу-Илийских горах. Нередко сопровождается сильным гололедом толщиной более 25 см. Но он не распространяется даже на побережье реки Чу, и не влияет на естественную погоду Чуйской долины в целом [Прох, 1983. С. 95]. Выше видели также объяснение М. Кашгарского о том, что «Самыми красноречивыми и изящными в выражении являются те, кто знает лишь один язык, не смешивается с персами и не перенимает чужие обычаи. У тех, кто говорит на двух языках и смешивается с городским населением, речь становится ломаной, как, например, у Сугдак, Канжак и Аргу» [ДЛТ, 2005. С. 69]. При этом население «Аргу» при говоре заменяли «все средние и конечные «й» на «н». Например, тюрки называют барана «кўй», а они «кўн» [ДЛТ, 2005. С. 71]. Значит, население жившее в стране Аргу говорили на двух языках, поэтому их речь стала ломаной, такими как Сугдак и Канжак. Скорее всего, все эти три страны (области) соседствовали друг с другом. С. Г. Кляшторный размещает (конечно, небезосновательно) страну Аргу на «западной части Семиречья» [Кляшторный, 1964. С. 130-131]. Как говорится, невооруженным глазом видно, что все дороги ведут на побережье Сыр-Дарьи. Что

касается Джамалы Карши, где приведены сведения о местности «Ил-Аларгу», то нам кажется, что он не имеет никакого отношения к стране Аргу, так как в нем рассказывается исключительно о владениях Чагатая, где его столицей с соборной мечетью – был город Алмалиг [Джамал Карши. 2005. С. 124; Бартольд, 1968. С. 156].

Вместе с тем, в рассказе Балыкооза в нескольких местах упоминается и город Кокче (Көкчө) [РКФ НАН Кра Д. № 7. С. 139, 148, 149], названный в честь Кокча, который был одним из сыновей Отар-хана. Этот город может быть следующим ориентиром, при локализации городов Орду и Баласагун, а также страны Аргу. В списке этот город упоминается вместе с городом Баласагун и был расположен недалеко от города Отар. Когда враги Ташы-хана, во главе которых стоял Кочкор-хан, замыслившие его убить, закрыли его во внутреннее ставки, где постоянно находился Куну Куту, в помощь первым подоспел отец Ташы-хана – Баласагын и Кунтуума. В это время он достраивал город Баласагын, а Кунтуума проживал одновременно в Отаре и Кокче. В свою очередь сын Кокче – Коңур, был главой религиозной секты, называемый в Орде «Куну Куту». Рассказчик сравнивает его должность в секте с должностью шейха в исламе и епископа в христианстве [РКФ НАН Кра Д. № 7. С. 147]. Эти сведения интересны для исторической науки ещё и тем, что на карте Туркестана и части русских владений в Средней Азии составленной Ю. М. Шокальским, на юго-западе от Бетпак-дала и северо-востоке от современного поселка Жуантобе, севернее реки Чу, между 44 и 45° с. ш. (почти на одной параллели с озером Балхаш) была расположена Кокше-тау (гора Кокча), а озеро Балхаш в средние века называлось Кокча-Тенгизом [Тарих-и Рашиди, С. 220, 461], т. е. морем Кокче. Видимо, расположение на одной параллели этих географических объектов объясняет нам, почему они получили человеческие имена, так как большинство городов и ряд областей в Средней Азии названы именем его основателя, например, такие как «Шу», «Иштихан», «Шабурган» и т. д. [см.: Камолиддин, 2006], выше мы видели, что и гора близлежащая к городу Баласагун, также имела одноименное название, которое не встречается в тюркских словарях.

В этой связи для нас определенный интерес представляет и та информация, рассказываемая авторами в рукописи о «Куну Куту», слово, которое у кыргызов до сих пор не забыто. Вместе с тем с сожалением придется отметить, что изучение проблемы доисламских религиозных представлений кыргызов и казахов в масштабе Средней Азии ещё далеко не достаточно изучено, хотя Г. Н. Снесаревым, В. Н. Басиловым, С. М. Абрамзоном и др. была проделана значительная работа. Современные исследователи,

основываясь на отрывочных сведениях русскоязычных авторов, таких как В. В. Радлов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Ч. Валиханов, Н. А. Северцов и др. доисламскую веру кыргызов связывали в основном с зороастризмом, тенгрианством, буддизмом или шаманизмом. При этом изначально ни одну из них особо не выделяли – давали только обобщенную информацию о том, что встречалось в повседневной жизни кыргызов в конце XIX – и начале XX вв., мотивируя тем, что «Трудно было бы ожидать простого «наложения» одной на другую различных религиозных систем, поскольку носителями их являлись отличавшиеся друг от друга по происхождению этнические компоненты, образовавшие киргизскую народность» [Абрамзон, 1990. С. 291]. Вместе с тем в опубликованных сведениях нередко допускались неточности и ошибки, искажающие истинный смысл, предназначение распространенных тех или иных поверий и обрядов. Например, почему отраженные в енисейских памятниках, страна кыргызов в связи с манихейством иногда называлась «страной богов» (*tangri el*) [Зуев, 2002. 145-146] до сих пор остается неизученной проблемой.

Итак, в средневековых письменных источниках при упоминании кыргызов или города Баласагун, часто встречается и слово «рог хуту» (*khutu*) [Бартольд. 1964. С. 493, 494; МИКК 1, С. 57]. Некоторые ученые в большинстве случаев под «рогом хуту» понимают, предмет сделанный из «драконов рога» (ар. *шахи-и аждаза*) [МИКК 1, С. 46]. Другие предполагают, что это были клыки моржей и нарвалов, которые в средние века считались драгоценным подарком [Бартольд, 1963. С. 333, 464]. Средневековые письменные источники также повествуют, что из страны кыргызов доставляли «в больших количествах мускус, меха, дерево *khadang*, дерево *khalanj*, и рукоятки ножей, изготовленные из *khutu* (*dastayi-kar-i khutu*, читай: *kard-i khutu*). Властитель их именуется хырхыз-хакан (*Khirkhiz-khaqan*)» [Hudud., § 12, § 14]. В другой раз В. Бартольд основываясь на «Джахан наме» Бекрана (XIII в.), обращает внимание на главную ставку (орду) гурхана каракитаев, которая находилась к западу от Или, «на пути к Таласу, на берегу Чу, вероятно не далеко от Баласагуна, и носила название Хосун-орду, (букв. «сильная орда») или Хото (букв. «Дом») [Бартольд, 1964. С. 51, 58]. При этом переводчики почему-то не принимают во внимание словарь Махмуда Кашгарского, где «куту» – это крыша [ДЛТ, 2005. С. 906], оно даже не было связано с тюркским словом «кут», «куттуу» (т. е. «кутлуг») [см.: Будагов, 1871. С. 69]. По Махмуду Кашгарскому «кут» – удача; превратность судьбы, из которого потом образовано слово «кутлуг» [ДЛТ, 2005. С. 315]. Некоторые лингвисты слово «ку-ту» считали китайским [см.: Laufer, 1919,

С. 565], которое уже тогда вызывало определенные вопросы, но на которые ответов не было найдено и внятного объяснения, для какой цели изначально предназначался этот предмет, никто из ученых пока ещё не сделал.

Единственное более-менее разумное объяснение находим у ал-Бируни: «Хуту – вещество животного происхождения. Тем не менее, он является желанным и хранимым особенно у китайцев и у восточных тюрок; у него есть некая связь с безоаром, ибо они утверждают, объясняя причину своего пристрастия к нему, что он потеет при приближении к нему яда; то же говорят и о павлине, что он начинает дрожать и кричать, когда к нему подносят отравленную пищу. Я расспрашивал о нем послов, прибывших от Катай-хана, и не нашел иной причины спроса на него, помимо того, что он потеет от яда; они говорили, что это – лобная кость быка; то же говорится в книгах, но с добавлением, что этот бык водится в земле хирхизов (киргизов). Мы видели куски хуту толщиной более чем в два пальца, и это делает почти невозможным предположение о том, чтобы это была лобная кость при малом размере туловища у быков, которые водятся в стране тюрок; более вероятно, что это его рог. Если бы сказанное было верным, то следовало бы отнести этот рассказ к хирхизским диким козлам, так как страна хирхизов ближе всего к нему (Китаю), и не доставляли бы его из Ирака и Хорасана» [Абу Райхан Бируни, 1963. С. 195]. Придется очередной раз напомнить, что авторы рассказа про Отар-хана не могли быть знакомы с трудом Бируни. Раньше у кыргызов дорогие предметы – силуэты, сделанные из камней, железо или дерево назывались «Кутугуну» [Мукамбаев, 2009. С. 567-568]. В настоящее время слово «Кутугуну» («Куну Куту») в основном сохранилось у кыргызов из Чуйской долины.

В списке Т. Алымбекова объяснение этому весьма простое: изначально этот предмет имел религиозное значение. Как мы говорили в начале, в городе Орда находилась еще одна внутренняя орда (ставка), куда заходили через 2-е ворот, которая в свою очередь называлась ставкой Ораза. Внутри нее (рассказчик сравнивает его с музеем или кунсткамерой) располагалась ещё одна комната, первая комната была изящно, художественно оформленной (в тексте «асемделген»). Далее от неё находилась ещё одна комната, в которой принимают гостей. В ней лежал куту, покрытый чем-то. Это и было «Куну Куту». Для него держали специального работника (джигита), он знал всё о куту, все, что случилось, люди сообщали каждый день через него в куту, они верили, что куту им объяснить все происходившие. Перед Куну Куту совершали молитвенное напутствие и трижды прикасались грудями к нему, когда принимали клятвенное обещание. Когда

кыпчаки во главе с Кулмесханом подняли восстание в городе Отаре, видимо эту комнату разрушили, так как Баласагын-хан вторично взяв город, «произвел восстановительных работ» [РКФ НАН КР, Д. № 7. С. 66, 143, 170].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что среднее течение Сыр-Дарьи являлось центром страны огузов, начиная с древних времен, где в них долгое время доминирующую роль сыграли кыргызы и отсюда их власть распространилась на всё междуречье Сыр-Дарьи и Или. Но как видим, древняя история огузов, построивших величайшие города и поселения, с богатой культурой и памятниками оказалась сравнительно мало изученной.

Заключение

К сожалению, критические замечания по поводу изучения истории Средней Азии, данные В. В. Бартольдом, не потеряли свою актуальность и по сей день. Потому что, до сих пор «изучение истории турок и вообще среднеазиатских народов затрудняется еще крайне неравномерным освещением отдельных периодов. Если мы о каком-либо периоде и какой-либо стране для известного периода располагаем сравнительно подробными сведениями, то о том, какую жизнь вели тот же народ или та же страна раньше или после, часто приходится довольствоваться несколькими словами в каком-нибудь одном источнике. Между тем для понимания исторического процесса необходимо иметь возможность наблюдать этот процесс на всех стадиях его развития. При отсутствии сведений в источниках остается слишком много простора для произвольных догадок и предположений, что не может не причинять вреда интересам научной точности» [Бартольд, 1968. С. 33]. При этом участились такие тенденции, при переводе или переиздании некоторых трудов и исследований, являющиеся существенно важными для тех или иных народов, используются не все источники, имеющие отношение к ним. Современные научные работники не обращают внимание читателей на новоявленные источники, если даже таковые имеются в наличии, и не комментируют явно устаревшие и противоречащие друг-другу концепции. У историков практически сформировалось убеждение, что их миссия заключается только в том чтобы – в основном давать отрицательные или положительные оценки того или иного государственного деятеля.

Таким образом, несмотря на то, что многочисленные исследования, сбор материалов, сравнительные анализы для решения вопроса этногенеза кыргызов в большей степени уже с давних пор взял направление на сторону Тянь-Шань, некоторые исследователи, не использовав в полной мере всю полноту информации, до сих пор вводят в заблуждение общественность. Конечно, надо признаться, что обнаруженные до сегодняшнего дня «письменные источники по истории турок большей частью написаны не на турецком языке» [Бартольд, 1968. С. 19].

Тем не менее каждый народ имеет свою историю, гордится ею, которая прежде всего находит отражение в преданиях. Предание есть единственный мост или путь от древности к современности, хотя у того или другого народа не было письменного источника на родном языке. Творцом и носителем преданий является сам народ и нам кажется, что для

полного понимания его истории, не нужно будет знать его язык, надо принимать во внимание устное народное творчество. Поэтому для изучения истории тюрков или «турецких народностей недостаточно быть туркологом, необходимо быть также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, синологом, арабистом или иранистом» [Бартольд, 1968. С. 20.], надо стать также фольклористом.

Суть изучения данной проблемы – проблемы о происхождении огузов и об их исходном ареале состоит именно в этом, что, несомненно, в связи с появлением на исторической арене тюрков этническая история огузов начала переплетаться с их историей. По мере изученности истории тюрков она стала более очевидной, и некоторые туркологи потом предположили, что возможно, термин «тюрк» был только обобщающим понятием [Кононов, 1949. С. 40-47], потому что каждый раз перечислять все роды и племена по отдельности, занимавших огромную территорию, не имело никакого смысла. «Арабы стали называть тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его после исчезновения с лица земли стали для степняков образцом доблести и геройства. В дальнейшем этот термин еще раз трансформировался и стал названием языковой семьи. Так сделались «тюрками» многие народы, никогда не входившие в великий каганат VI-VII вв.» [Гумилев, 1993. С. 6].

Более того, имя «тюрк» распространилось на пол-Азии после распада Тюркских каганатов. Если реконструировать общую историю тюрков вкратце, тогда получаем определенный вывод: «По словам Рено, как греческие и римские писатели называли кочевых варваров скифами, так арабы и персы употребляли в этом случае слово тюрк. Вдруг около 420 года после Р.Х. слово скиф греков и римлян и слово тюрк арабов и персов уступает место слову гайятеле у арабов и персов, слову гефталиты у византийцев и слову гефталь у армян. Вся нация, разумеется, под общим названием хуннов; только чтобы отличить этих гуннов от гуннов, существовавших на запад от Каспийского моря, им придают эпитет «белые» [Аристов, 2001. С. 107]. Такие обстоятельства не могли на долгое время оставаться вне внимания исследователей, поэтому первоначально появились концепции, что «огузы были той турецкой народностью, которой принадлежит образование в VI в. н. э. обширной кочевой империи, простиравшейся от границ Китая до границ Персии и Византии. Если в Монголии в VIII в. отдельно от огузов, карлуков и др. были турки, то этот народ скоро исчез бесследно; уже арабские географы употребляют слово «турки» как коллективное название, обнимавшее целый ряд народов, родственных

между собой по языку; отдельного народа, который бы назывался просто турками, в то время не было» [Бартольд, 1963. С. 553].

Одним из первых, кто предположил, что тюрки были огузами, был В. Радлов. Указывая на возможность допущенных ошибок, он отметил, что «надо думать, Гузы (Узы может быть все равно что «юз», т. е. «сто племён»), не что иное, как Ту-гю у китайских писателей, т. е. те тюрки, которые за несколько веков до того основали большое тюркское государство, которому были подчинены все земли, лежащие к западу от Алтая; память об этом государстве могла сохраниться в народе до X столетия» [Радлов, 1893. С. 117 - 118]. В связи с этим некоторые тюркологи начальный этап становления огузской, или протоогузской группировки с давних пор стали связывать с Западным Семиречьем [Агаджанов, 1977].

Как видим, по мере увеличения объема изучаемых исторических материалов, далее стала подтверждаться, что источники относящиеся к V-VI вв. почти ничего не сообщали о енисейских кыргызах, а во времена первого тюркского каганата (вторая половина VI в.) они упоминались лишь как второстепенный народ [ПК, (Большая надпись) 14-ая стр.], но не как создатели самостоятельного государства. Поэтому «к началу 1980-х годов несостоятельность основных положений концепции «динлино-гяньгуньского этногенеза» на Енисее стала слишком очевидной», что требовало пересмотра ранее существовавших концепций и теорий. «Анализ сведений китайских источников о гяньгунях и динлинах свидетельствует, что в течение III в. до н.э. - III в. н.э. эти племена безусловно различались между собой и обитали далеко за пределами Минусинской котловины – в Центральной Азии. Обследование района оз. Кыргыз-Нур в Монголии в 1987 и 2000 г. не выявило археологических памятников, которые можно было бы связать с гяньгунями. Вероятно, свое название это озеро получило в средние века. Проанализировав данные китайских источников, Л. А. Боровкова пришла к выводу, что в древности гяньгуни (цзянькуни) обитали в Восточном Притяньшанье (т. е. на север от Боро-Хоринского хребта и запад от Дзосотын-Элисуной пустыни – Т. Э.). Археологические комплексы тесинского этапа тагарской культуры и таштыкской культуры в Минусинской котловине не имеют отношения к этнокультурогенезу древних кыргызов. Сомнения по этому поводу ранее уже высказывались А. Н. Липским и Э. Б. Вадецкой» [Худяков, 2001]. Все это стало наводить на мысли, что в исторических исследованиях не решенных проблем больше, чем достижений. В любом случае ещё в прошлом веке большинство ученых придерживалось теории, что кыргызы «пришлые народы» для Енисея. Например, по заключению С. Киселёва в связи с нашествием 50-и тыс. орды Чжи-чжи кыргызы покинули «оз. Киргиз»

и перешли на Енисей, «где смешались с таштыкскими динлинами». Но касаясь вопроса, почему «То же размещение кыргызов на Енисее в начале VIII в. дают и местные центральноазиатские источники – надписи орхонских тюрков. Однако ни в одной «рунической» надписи, найденной на Енисее, в области расселения самих кыргызов ни разу не встречено это их имя», а «господствуют местные наименования племён» пришел к более доступному в то время выводу, отмечая, что для местных племён очень долго имя «кыргыз» было чуждым [Киселёв, 1951. С. 561-562]. Вопрос очень актуален и на современном этапе, если при этом принять приведенные выше устные сведения Балыкооза, то обоснованный ответ лежит на поверхности – «хягасы» («хагасы») не были однородным народом, а были этническими огузами.

Тем более, как выше мы видели, что китайские письменные источники не давали какой-либо подробной и ясной картины расселения кочевых народов. Нет и других достоверных источников, подтвержденных конкретными, неопровержимыми фактами, что «в древности гяньгуни (цзянькуни) обитали в Восточном Притяньшанье», она существуют пока в виде теории. По сути, и сама теория лишена какого-либо археологического обоснования [Савинов, 2004. С. 127]. Его интерпретировали на основе мусульманских источников X в., в частности «Худуд ал-Алам», и археологических материалов [например, см.: Шер, 1963. С. 161-162], производимых в Центральной Азии.

Как выше отметили и археологи исходили из того, что история кыргызов и история Кыргызстана разные проблемы. Например, Савинов Д. Г., считавший кыргызов северным народом, т. е. выходцами из бассейна Среднего Енисея, также заключает, что «ярким подтверждением вторжения кыргызов в оазисы Восточного Туркестана является «легендарная сцена» из Кум-Тура с изображением нападения кыргызских воинов в пластинчатых панцирях на «горожанина в его собственном доме», скорее всего уйгура. В 847-848 гг. экспансия енисейских кыргызов была направлена в сторону Забайкалья, на восток, против племён шивэй, у которых укрылись остатки разгромленных уйгуров» [Савинов, 1984. С. 89]. В связи с такими выводами, в исследованиях этногенеза тюркских народов стала проявляться парадоксальная тенденция; археологи для подтверждения своей теории относящейся к этногенезу кыргызов ссылаются на китайские источники, а синологи в свою очередь руководствуются выводами археологов. В большинстве случаев не учитывается, что археологические источники не содержат прямых сведений о критериях выделения этносов, а также формирования языков, так как они «являются источником фрагментарных сведений по истории древней культуры, тогда как понятие

народ, этнос гораздо шире и многограннее. Поэтому выяснение этнической принадлежности различных типов древностей представляет собой процесс достаточно сложных изысканий, сопряженных с решением ряда существенных теоретико-методологических проблем» [Косменко, Кочкуркина, 1996. С. 7].

Из-за идентичности некоторых материалов, наука не может приписать каждый современный народ к тем или иным древним народам. «Чтобы считать тот или иной признак (или комплекс признаков) специфически кыргызским, нужно проследить его происхождение внутри кыргызской культуры; этот вопрос, однако, никем специально не исследовался; в результате хронология и интерпретация сотен памятников оказались в зависимости от трактовки одной письменной даты и отношения к концепции «кыргызского великодержавия», под которую, в сущности, и подгоняются археологические построения» [Азбелев, 2007б. С. 106-107]. Даже таштыкская культура многокомпонентная и только один из них считается южным. Поэтому до сих пор остается спорным, чей стиль является первичным – скифский или южно сибирский. Более современные археологические раскопки также имеют доказательство, что в VIII-V вв. до н. э. влияние культур Северного Китая ощущались в Горном Алтае больше, чем в Восточном Туркестане, несмотря на это его население преимущественно «контактировали с народами, проживающими на территории Казахстана и Горного Алтая». В V-III вв. до н. э. на территории Восточного Казахстана, Жунгарии, Горного Алтая и частично юго-западную часть Монголии заселяла общность племён, «с близкой материальной культурой и погребальным обрядом» [Шульга, 2011. С. 398-399]. И эти факты также указывают на то, что в конце старой и начале новой эры не происходило какого-либо перемещения народов из области Алтая в сторону Средней Азии. Поэтому невозможно игнорировать, что в начале нашей эры какая-то группа, притом её сильная часть нескольких родственных племен вторглись в Саяно-Алтай или другие соседние регионы. Описываемая историческая эпоха является самым продолжительным в изучении этногенеза кыргызов, но наименее изученным периодом.

Тем не менее, все вышеизложенные исторические материалы в совокупности показывают, что народ, который по китайским источникам первоначально назывался «цзйегу» (гэгунь, цзюйу, цзяньгунь), начиная с VI в. н. э. стал проникать на восток.

То есть, обработка и анализ материалов позволяет нам воссоздать целостную картину конкретно-исторического процесса, почему после VI в. Алтайский регион оказался

«включенным в систему расселения кыргызских племен» [Бернштам, 1998. С. 181] Свидетельства китайских письменных источников в достаточной степени подтверждают эти выводы. И вот почему «на территории современной Киргизии физический тип народа резко изменился» за очень короткое время. Поэтому уверенные заключения К. И. Петрова о том, что «Некоторые из орхоно-енисейских памятников, несомненно, принадлежали племенам этой группы» и «о принадлежности им таласских и других надписей Тянь-Шаня (включая Памиро-Алай), относящихся к периоду «десятистрельных» тюрков Тянь-Шаня, т. е. до середины VIII в.» [Петров, 1963. С. 15], был, пожалуй, недалек от истины.

Учеными не учитывался ещё и тот факт, что в то время когда народы, обитавшие в Центральной Азии один за другим появлялись (напр. «саки-скифы», «хунны», «юэджи», «тохары», «эфталиты» «усуны», «тюрки» и т. д.) и исчезали – о них писали в основном чужеземные летописцы, на чужом языке, трактовались учеными по-разному. Многие исследователи рассматривали их по отдельности и классифицируя по названию, считали эти названия как единое целое. Один из таких примеров приводит Н. Остроумов в связи с названием «сартов» («сартагул», «сартаул», «сартол»). «Китайцы переводят этот термин словом Хой-ху или Хой-хой, который первоначально употреблялся для обозначения уйгуров, потом туркестанцев вообще, наконец – всех мусульман без различия происхождения» [Остроумов, 1896. С. 6-7].

В этом вопросе очень важно и мнение самого переводчика, в связи с этим приведем его слова полностью: «Китайское государство искони не имеет постоянного названия, а получает его от названия царствующей династии; напр. при династии Хя, за 2,205 лет до Р. Х. Китай принял название Хя (По-пекински Ся. Цель, с которою написан сей краткий обзор монгольского народа, требовал употребить произношение некоторых звуков, принятое в Западной Европе, как то *x* вместо *c*, *k* и *g* вместо *l*), при настоящей династии называется Цинь. Подобным образом и в Монголии искони донныне ведется обычай, что народ получает народное название от господствующего дома. Таким образом один и тот же народ монгольский под Домом Хунну назывался хуннами, под Домом Дулга дулгасцами, под Домом Монгол назвался монголами, и будет дотоле носить последнее название, пока вновь усилившийся какой-либо Дом покорит его, и сообщит ему свое, другое народное название. Но как господствующая система правления в Монголии была удельная, то и каждый аймак, т. е. удельное владение, носил название своего владетельного дома, а роды имели свои родовые прозвания. Но французские ориенталисты, к сожалению, не приметили сего. Они производили и делили народы по

собственным соображениям; называли один народ именем другого; поколения, т. е. части народа почитали за целый народ; и когда совершенно запутались в своих исследованиях, то решили, что китайские историки, слив разные народы в один, под названием Хунну, перепутали историю древних среднеазиатских народов. Вот почему французские ориенталисты написали новую историю (Сия история издана под заглавием: *Histoire des Hunns Turques et Mongoles*), с переправкою китайских источников по собственным мнениям» [Бичурин, 1848. С. 87–127].

Как мы видели, кочевым народам было свойственно делиться на многие родоплеменные группы, которые в процессе своего исторического развития разветвлялись, увеличивались, мельчали и образовывали новые. Об этом говорил и Оуян Сю: «названий ветвей северных и восточных варваров много. Большие поддерживают отношения со Срединным государством под своим именем, более мелкие и далекие являются с изъявлением покорности, и, наконец, имеется неисчислимое множество мельчайших, о которых не стоит и писать. Их земли расположены кольцом вокруг девяти областей Китая, но, как правило, самыми сильными были племена, живущие на северо-западе и служившие источником бедствий для Срединного государства. В период трех династий, как упоминается в «Ши-цзине» и «Шан-шу», были известны сяньюни, начиная с династий Цинь и Хань стали известны сюнну. При династиях Суй и Тан сначала усиливаются туцзюэ, а затем – туфани и хуэйху. В период Пяти династий в Срединное государство являлись под своим именем 17 или 18 племен, из которых наиболее могущественными были кидани» [Оуян Сю, 1984. л. 1а–19 б].

Через определенное время, когда какой-нибудь один род кочевников начал усиливаться, более слабые искали у них защиту, таким образом, создавались конфедерации. Конечно, главным фактором, способствующим образованию степных государств, являлось не развитие родовой структуры, а возникновение межродовой борьбы (соперничество) внутри кочевого общества. Этот закон диалектики в итоге неизбежно привел к усилению отдельных родов или племен. Иногда появлялись великие вожди, которые умели сплотить, объединить вокруг себя несколько десятков разных по языку племён. Один из таких примеров мы видим в лице Отар-хана. Далее для того, чтобы обезопасить себя от потенциальной угрозы со стороны соседей, упреждая их, совершали набег, если побеждали, заставляли платить дань. Потому что в степных владениях условие жизни были почти одинаковыми, сегодня входившие в одно государство роды, назавтра могли проснуться уже в составе другой империи, которые по своей сути мало чем

отличались друг от друга. Чтобы все знали, кому и куда нести дань – основывалась орда (ставка), это уже централизованное государство (современными учеными трактуется как образование империи). При этом надо заметить, что незачем было побежденным родам оставлять родную землю (владение, государство) и родственные племена, и уйти к чужим владениям. Конечно, иногда определённая ситуация заставляла бежать к дальним родственным племенам. Но если случались подобные вещи, тогда владелец того рода, откуда убежали они, в ультимативном виде мог потребовать их вернуть назад, если получал отказ – для господствующего рода кочевников это считалось несмыслаемым позором – был прямой повод нападать. Один из таких примеров приводится в труде Б. Солтоноева [Солтоноев, 1993. С. 188]. Эти круговые процессы на длительное время могло разрушить только вторжение чужестранцев в их земли, так как до недавнего времени не было неприкосновенности государственной границы как сейчас. Но и это не значит, что при их вторжении местные народы уходили далеко, бросив привычную налаженную жизнь, климат, быт, регион. Об этом говорит и приведенный пример Махмуда Кашгарского, где он рассказывает, имея в виду Александра Македонского, что он «странствует, не оставаясь на месте. Он уйдет и от нас, а мы остаемся на своей земле» [ДЛТ, 2005. С. 1052].

Есть и другая сторона медали этого вопроса, на вопрос «ты чей?», на своей земле, все кочевники отвечают, что он «из такого-то рода», перечисляя всех, начиная с нисходящей генеалогической линии. Например, путешественнику в XVIII в. кыргыз из Чуйской долины, принадлежащий к основным родам солто (колени «талкан») ответил бы, что он «из рода талкан», а колени «булекпай» булекпайцами, так как и без того ясно, что оба колена относятся к роду солто. Однако на чужбине каждый из них может изложить свое происхождение в обратном порядке; прежде всего он кыргыз, из рода солто, потом талкановец. Допустим, тот же путешественник повторил бы свой вопрос и в конце XIX в., в том же месте, то в ответ услышал бы, что «я из рода эшкожо» («я из рода канай», «я из рода джангарач», «я из рода карбоз» и т. д. и т. п.). То есть через сто с лишним лет уже род талкан разделен на несколько колений, таких как «эшкожо», «канай», «джангарач», «карбоз» и т. д. И когда кыргыз отвечает что он «из рода канай» и т. д., без лишних объяснений понятно – ведь «канаец» один из основных групп из рода талкан. Конечно, в таких случаях чужестранцы, не вникавшие в их суть, воспринимают их отдельным, чужим от талканцев родом. То есть зарисовывается та картина, что в одной территории в разное время жили разные народы. Со временем (например, через несколько веков) при

определенных ситуациях, усилившись, любой из этих родов мог отделяться, создав отдельное государство. Этот цикл повторялся бесконечно, и немало было примеров, когда некоторые империи, созданные одним из сильных родов просуществовали всего несколько лет. Но надо иметь в виду, перед лицом внешнего врага они объединялись, так как являлись родственными племенами. Вот как описывает установленные веками у хуннов обычаи и традиции их вожди: «По обычаям сюнну люди едят мясо домашнего скота, пьют его молоко, одеваются в его кожу. Этот скот питается травой, пьет речную воду, переходя с места на место в зависимости от сезона. В тревожное время сюнну упражняются в верховой езде и в стрельбе из лука, а в спокойное время наслаждаются бездельем. Их законы и установления несложны и легко осуществимы. Отношения между правителем и подданными просты, и поэтому они правят государством, как своим телом (т. е. все они – и правители, и подданные произошли от одного рода – Т. Э.). И то, что они берут за себя жен умерших отцов и братьев, объясняется недопустимостью прекращения рода. Вот почему, хотя у сюнну и случаются смуты, к власти приходят люди одного и того же клана» [Сыма Цянь, 2002. С. 336-337]. Такие процессы происходили со всеми родами постоянно, и в раннесредневековье и позже. То есть, очевидно, сами они и, следовательно, их потомки оставались в том же регионе, с появлением новых поколений менялись и их названия, и смыслы, а государства (мелкие или большие) образовывались и распадались. Некоторые ученые также отмечают, что «так называемые «подлинные хунны» в древнетюркское время вовсе не исчезли. Ряд племен из этнического состава хуннов вошел, вероятно частично, под своими родоплеменными названиями, частью измененными, в конфедерации племен теле или в древнетюркские каганаты» [Потапов, 1969. С. 8].

На основе фольклорных материалов, в частности эпоса «Манас», С. Абрамзон также предположил, что «сложившимся феодальным отношениям у киргизов предшествовал своеобразный военно-демократический строй. Племенная структура общества тесно переплеталась в то время с развитой военной организацией. В этих условиях важная роль в общественно-политической жизни принадлежала военачальникам (батырам). Возможно, что формирование бийства как феодальной верхушки происходило на основе военно-племенной знати, представленной предводителями-батырами различных степеней и рангов». Затем приходит к заключению, что в первой половине XIX в.: «Некоторые крупные манапы передавали в наследство своим сыновьям целые родовые подразделения. Так, сыновья манапа Тюлөёберди (из подразделения талкан племени солто) после смерти

разделили принадлежавшую им букару как наследство, каждый из них получил свою долю – энчи. Чыны взял себе «роды» беш кёрюк и мааке. Канаю отдали «род» тёлёк, Эшкоджо – «роды» джоо чалыш, шалта и кара сакал, Карбосу – «род» асыл баш. Это весьма походило на своеобразную удельную систему» [Абрамзон, 1990. С. 170]. Такая родовая система наблюдалась и в других исследованиях, в частности научные исследования 50-х годов прошлого века показали, что ещё до XX в. «среди киргизских племенных и родовых подразделений нет почти ни одной группы, где бы в их составе не было мелких подразделений из других, так называемых «иноплеменных» групп» [Винников, 1956. Рис. 2].

Таким образом, мы видим временное поглощение более сильным родом ряда мелких. Говорим временно, потому что, возможно в скором времени, теоретически может возвыситься другой род, который станет главенствующим, поглощая другие мелкие роды. Еще один пример, упомянутый в «Сиюй чжи» (в тексте рукописи указан 1763 г.) род багыш, входивший тогда в южную ветвь кыргызов, в конце XIX в. в Чуйской долине создал самостоятельную от рода солто (северные) «багышевскую волость», ныне все они считают себя солтинцами. Вместе с тем присоединившийся тот или иной род безоговорочно должен принять их боевой клич.

Имеются также точные сведения, из известных нам античных историй, так называемые ираноязычные кочевые или полукочевые племена – саки (скифы), когда «бактрийцы носили на головах шапки, очень схожие с мидийскими, тростниковые бактрийские луки и короткие копья, носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо» [Геродот, 2008б. С. 64]. Здесь надо учитывать, что применяемые переводчиками слово «тюрбан» головной убор, возможно, окажется ошибочным, так как тюрбан – кусок ткани, обмотанный вокруг головы – поэтому не может быть высоким, островерхим, плотным, чтобы стоять прямо. Таким головным убором может быть только калпак «(в переводе с древнетюркского языка «высокая шапка») – самый священный предмет национальной кыргызской одежды» [Болдина, 2011]. Его обычно делают из войлока или овчины. Кстати, Ю. Дроздов считает, что у этнотермина «сак» исходное название было тюркское «ас-ак», что в буквальном переводе означает «белый ас» [Дроздов, 2008. С. 25]. Кроме того, у саков «были еще сагарисы – обоюдоострые боевые секиры. Это то племя (оно было, собственно, скифским) называли амиргийскими саками» [Геродот, 2008б. С. 64]. Скифы покрывались «одеждой из меха ...диких животных и мелких хищников» [Отто Дж. Маенхен-Гельфен, 1969. С. 29]. При

этом войлочную шапку приписывать отдельно взятому народу нельзя, ибо и в скифской, и в хуннской эпохе все кочевники Центральной Азии носили одежду из «войлока», употребляли в пищу «кумыс и сыр» [Сыма Цянь, 2002. С. 335-336], «жили в круглых юртах», по достатку в траве переходили «со скотом с места на место», питались «мясом», пили кумыс, «имя сильного старейшины» обращали «в прозвание» [Бичурин, 1998, Т. I. С. 145] т. е. в боевой клич для своего рода. Или другой пример, в средневековых миниатюрах, изображающего Чингиз-хана («Чингиз-хан принимает своих сыновей на берегу реки Сырдарья» [см.: www.akipress.org/]), его окружают люди в белых калпаках. Однако ни один из исторических источников не сообщает, что кыргызы входили в ближайшее окружение Чингиз-хана. Один народ из огузов, получившие свое этническое наименование от высоких войлочных конусообразных шапок – каракалпаки («каракалпак» – букв. «черная шапка») до сих пор занимает южное побережье Аральского моря и дельту Амударьи.

Особый интерес вызывает способ получения скифов молока от кобыл. «Всех своих рабов скифы ослепляют. Поступают они так из-за молока кобылиц, которое они пьют». Но, надо иметь в виду, что описанные Геродотом сведения, как скифы добывали кобылье молоко конечно из области фантастики: т. е. такой процесс почти невыполним. Обычно кочевники пользуются простым методом: помощник (в большинстве случаев его может выполнить даже юноша) к кобыле подпускает жеребенка, который до того должен быть на привязи. Присасывая молоко, он вызывает рефлекс молокоотдачи. При дойке дояр располагается с левой стороны и выдаивает кобылу, обхватывая левой её задней конечности. При этом описываемое Геродотом взбалтывание кобыльего молока – древняя традиция кочевников, когда «верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат» [Геродот, 2008а. С. 2], остался без каких-либо изменений и сейчас. «Без кумыса киргиз не в состоянии просуществовать ни одного часа. Если пастух гонит стадо в поле, он берет с собою маленький турзук с кумысом (около ведра); куда бы и как бы ненадолго киргиз ни отправлялся – неизбежный турзук непременно при нем. Ежеминутно дети и взрослые выпивают по чашечке; если у киргиза гости – это первое угощение» [Киргизы и жизнь их, 1870].

Отметим ещё один важный факт. Китайские источники XVIII в. «Си-юй-вынь-цзянь-лу» и «Си юй чжи» сообщают, что своих владетелей (т. е. «би» – бий) кыргызы называли «цзюнь». «Иные би имеют от десяти до двадцати аманей (аулов), а другие – до тридцати

аманей и людей (жэнь), которые называются их рабами («кулан» – т. е. кул). ...Би у них не один. Владетель (цзюнь) имеет свою землю и своих подданных (мин). Все эти вожди (тоу) независимы друг от друга. Ежегодно они выбирают одного главу – старейшину (чжан), который занимается общим управлением и которому все подчинено. Тот вождь (тоу), который стал старейшиной (чжаном), называется Мамук Кули (т. е. Маматкул – Т. Э.). Он только временно во главе племени (бу)». [Бернштам, 1946, С.128; История Киргизской ССР., 1984. Т. 1. С. 465]. Н. Аристов передает его в виде «чан» (глава союза) [Аристов, 2001. С. 452-453]. Аналогичные титулы зафиксированы и в древних китайских источниках, относящихся к VIII в. Тогда при реке Суйаб (Чу) роды десяти фамилий (он ок) традиционно назначали на ордынские должности вождей – «цзюньчжан» (кит. «цючжан») [Зуев, 2002. С. 204], т. е. если реконструировать вместе слова («цзюнь» – бий + «чжан» – старейшина) получается «чоң бий» (главный бий). В тех же источниках сообщается, что выбрали одного общего управителя, который назывался «цзянь-туном» [Кюннер, 1961, С. 55]. В прошлом веке фольклористы отмечали также, что у кыргызов часто встречается слово с поговорками «Хан жайлаган Кара-Тоо, бий жайлаган Ала-Тоо» [РКФ НАН КРВ, Д. 10], в буквальном смысле «в Каратау обитали («жайлаган» – обитать, пребывать, располагаться) – ханы, в Алатау обитали бии». Вероятно, точный смысл теперь уже изменился, однако нельзя отрицать, что его в древние времена произносили ещё в более тесном смысле, т. е. ханская ставка находилась в Каратау, а местных властителей, живших при реке Чу, которая берет начало в ледниках Терской Алатау, называли биями. Заметим, у казахов имеется другая поговорка «Каратау кут дарыган жер», что означает «Каратау – благодатная земля» [КОС, 2002. С. 554].

Эти факты также играют определенную роль в этногенеза кыргызов. Потому что, из среднеазиатских народов только у кыргызов сохранилась такая аллегория по отношению наибольшего начальника (т. е. занимающих крупные административные должности в государственных органах), называя их «чоң» (букв. «большой», «главный»), очевидно, что слово «чжан» калька от слов «чоң». Слово «тоу» также в переносном смысле обозначает «большой» – «главный» – «огромный» например, тюрки страуса называли «тава куш» (в огузском «дава») [ДЛТ, С. 322, 911] – огромная (большая) птица – по-кыргызки «төө куш»; фасоль – «төө буурчак» (букв. огромный горох). У М. Кашгарского также имеется сведение, что в средние века тюрки применяли для верховных владетелей (вождей) определение, как «туңа хан, туңа тикин и т. п.». Например, великого царя Афрасийаба называли «туңа алб (алп) ар (эр)» т. е. в дословном переводе означал «храбрый и сильный

(как тигр), человек» [ДЛТ, С. 1014]. В средние века город Баласагун также связывали с именем легендарного Афрасийаба [Тарих-и Рашиди, 1999. С. 459], по Джувейни правителем области «Баласакуна», которого позже монголы называли Гузбальком, «был человек, который вел свой род от Афрасиаба» [Джувейни, 2004. С. 249]. Слово «туңа» первоначально имело значение «тигр», но у тюрков это значение изменилось и стали использовать его как титул. Интересна и заметка переводчика переводившегося М. Кашгарского, что тюркский титул «алб ар туңа» переводится всегда как «царь Афрасийаб» [ДЛТ, С. 80]. При этом надо иметь в виду, что в арабской графике отсутствует звук «ч», обычно его заменяли буквой «ж» с тремя точками, а в редких случаях она была передана и буквой «т». Например, в словах «атил» («раскрываться») [ДЛТ, 2005. С. 112], катир – «мул» [ДЛТ, 2005. С. 346], вместо буквы «ч» была применена буква «т». Первое слово на кыргызском звучит как «ачыл» (по-казахски «ашыл» [КОС, 2002. С. 92]), второе «качыр» (по-казахски «кашыр» [КОС, 2002. С. 505]).

Таким образом, большинство фактов, независимо от вышеприведенного списка Т. Алымбекова, указывает на Среднюю Азию. Слово «туңа» может читаться также, как «тоңа» (китайский «тоу», «тун»), и титул, применяемый позже у кыргызов слово «чоң» (китайский «чжан») возможно имели один корень, если учитывать, что «китайская транскрипция названий с других языков в силу особенностей китайской фонетики и письменности искажает их до неузнаваемости и потому они не поддаются правильной расшифровке» [Кюннер, 1961, С. 23]. Иные слова если и «поддаются», то не сразу, требуют долгого изучения. В китайском языке часто встречается одинаково звучащие иероглифы, из-за этого правила транслитерации неоднозначны, при переводе на иероглифы можно придать слову дополнительный оттенок. Поэтому в 1839 году известным китаеведом Н. Бичуриным была создана система транскрипции китайского языка на русский язык, который позже получил название палладиевской. Такая проблема существовала у самого Китая и с 1958 г. была принята система пиньинь («пинь» – «составлять вместе»; «инь» – «звук» или «звукопись», «фонетическое письмо»), т. е. запись звуков китайского языка. Однако эта проблема оставалась нерешенной до конца. Ученые до сих пор пользуются методом, где «собственные имена передаются иероглифами путем подыскивания похожих по звучанию иероглифов в используемом языке. А потому написание, – и следовательно, современное нам прочтение, – старого китайского имени оказывается существенно зависящим от того – кто именно первоначально переводил его в иероглифическую запись. ...Когда в XVII-XVIII веках какие-то старые записи, сделанные старыми полузабытыми

иероглифами, пытались переводить на новые иероглифы, то переводчики уже с трудом понимали прежний смысл того, что они переводили. Поэтому им приходилось добавлять многое «от себя» [Носовский, Фоменко, 1995. Гл. 3; 1.1] (мы не коснулись на абсурдность их математических выводов). Например, Н. Бичурин хягасского (об этом этнотермине см. ниже) посланника «Чжуву Хэ-со» (у Н. Кюнера он «Чжу-у Хэсу» [Кюнер, 1961. С. 56-57]), прибывшего в Китай в 843 г. переводит как «Чжуву есть прозвание, «Хэ» значит отважный, «со» левый, т. е. искусный стрелок с левой руки» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 364]. Видимо речь шла о искусном стрелке левше (т. е. метком охотнике), возможно, «чжу» видоизмененный «чжан» или «тоу». В кыргызско-казахском наречии «сол» – левый (левша – кырг. солгой; казак. солакай); «алп» – великан, богатырь. Позже Г. Супруненко прибывшего годам раньше (в 10-й луне 842 г.) в Тяньдэцзюнь кыргызского посланника Та-бу Хэцзу также переводит как Тапу Алп Сол, несмотря на то, что у первого второе имя (? фамилия) был «Хэсу», а у второго «Хэцзу». Далее, Г. Супруненко читает «Чжуву Хэ-со» как и Н. Кюнер «Чжу-у Хэсу», и переводит «Чугу Алп Сол» [Супруненко, 1974. С. 244; 1975. С. 63-64; Аристов, 2001. С. 147]; а у Ю. Зуева «Сюнгю Алп Сол» [Зуев, 2002. С. 244-245]. Возможно, все воины должны быть отважными или искусными стрелками, также выше мы видели, как тюрки иногда применяли слово «тава», сравнивая их с чемнибудь с огромным. Однако если принять выводы каждого синолога по отдельности, то исследователи не могут прийти к однозначному заключению.

Ещё раньше древние хунны своих верховных вождей называли «шаньюем» (пиньинь: shányu, палл.: чаньюй), перевод которого передается почти одинаково с кыргызским «чоң үй» (букв. «главный дом»). В древнетюркском языке «өй» («öj» – варианты «ев», «үв» и т. д.) – дом, юрта, кибитка, жилище [Севортян, 1974. С. 513]. По законам древней традиции кочевников, когда старшие братья женившись, отделяются от семьи, самый младший остается с отцом в его доме. Этот дом без исключения для всех считается главным, поэтому гости или другие, кто бы то ни был и к кому бы из них не пришел по тем или иным вопросам, должен начинать с этого главного дома. Все публичные мероприятия, касающиеся вопросов войны или мирных соглашений с соседями, по приему высоких гостей, совместно решаются только в этом доме. У казахов этот дом называется «кара шанырак» (букв. «черный потолок», но слово «черный» имеет также эквивалент большой) и обозначает такие понятия, как «отцовский дом», «самый почитаемый дом рода», «племени», т. е. главный дом почитался сыновьями как святыня. Остаток этих традиций наблюдается до сих пор. Однако, сравнение Н. А. Баскакова его

(*ṣoŋ*) с китайским словом «*ṣaŋ*» (длина, длинный) [Баскаков, 1987. С. 1-2] вызывает сомнение – они не совсем идентичны. Например, вторичное имя царя Афрасийаба «туңа» можно трактовать как «верховным» (главным) богатырём (тюрк. «алп»), а не «длинным». То есть, под этим словом тюрки в древности имели в виду прежде всего старшинство и авторитет завоеванного тем или иным путем, того или иного человека (деятеля), ибо их не назначали (выбирали) по категориям объема (размера) или веса и т. д. Традицию выбирать главного можно было встретить у кочевников-скотоводов и в XVIII в., вот как описывают их в мельчайших деталях свидетели того времени: «Они пред другими салтанами, кроме предпочтения во власти своей, почти никакого преимущества не имеют и по состоянию народному усилиться и абсолютным зделаться им не только трудно, но и невозможно, ибо чрез одни интриги и военное их искусство один над другим преуспевают, почему и титул ханской достают, как то и Абулхаир-хан, сперва чрез несколько лет знатным наездником и вождею бывал, ханство себе получил» [КРО, 1961. С. 393].

Нельзя исключить вероятность и того, что слово «*tuŋ*» (очень сильный, сильно; кит. «*taŋ*») [Баскаков, 1987. С. 1-2] вошло в китайский язык с того же языка хуннов, ведь нигде не указано, где и когда его применяли в первый раз. Если допустить, что тюркский язык был заимствован из хуннской (сюнны, гунны) лексики [Дёрфер, 1986], то вполне вероятно, что эти традиции восходят к эпохе хуннов. Избиравшийся племенной аристократией шаньюй управлял совместно с советом родов (обычно 24 рода пяти хуннских племён) и правил пожизненно. Тюркологи отмечают, что «у тюрков великие личности переименовывались, и вторичное имя по семантике должно было отражать его общественное положение» [Закиев, 2003. С. 111]. Возможно, тогда и имя «Модэ» было выбрано на основе этих традиций, так как оно транскрибируется как «Мао-Тунь» – это имя-прозвище «багадур», позднейшее «батыр», русское «богатырь» [Бернштам, 1951. С. 226], что соответствует кыргызскому «чоң батыр». Традиция – называть не собственным именем, а путем персонификаций человеческих свойств или качеств, у кыргызов сохранилась вплоть до XVIII в., во время джунгарских нашествий называли своих верховных вождей также «чоң батыром» [Солтоноев, 1993. Т. 1. С. 167, 175; Алымбектин санжырасы, 2007. С. 34, 70] (букв. «большой богатырь» т. е. имеется в виду «верховный», «главный богатырь» [Турганбаев, 2007. №1]). Китайские хронисты оценивали титул шаньюя как «величайший» [Бичурин, 1998, Т. 1. С. 46; Таскин, 1986. С. 213], т. е. самым главным.

На основе сопоставительных анализов учеными были выявлены также общие элементы в военно-административной системе, военной организации и военной традиции кочевников (в основном на примере хуннов) с кыргызами [Мокеев, 2010. С. 136-138] в древности и средневековье.

На фоне этих фактов, можно сделать вывод, что и у Тун Шеху-хана (кит. Tongyehu) «Тун» [Бичурин, 1998. Т. 1. С. 289; Кюнер, 1961, С. 191] не имя, а титул, указывающий на должность «Главного (Верховного) Джабгу или Ябгу» (Шеху)-хана. Если так, то и имя Тоньюкука (Tonjucuk) должно реконструироваться как «верховный (главный) вельможа», а не как «первый вельможа», возможность которого допускает С. Г. Кляшторный [Кляшторный, 1964. С. 29] на основе М. Кашгарского, где «тун угул» обозначал первого ребенка [ДЛТ, 2005. С. 842]. Но в слове «тун угул» применяется обычная буква «н», т. е. без велярного носового согласного звука «ŋ» (кырг. «ң»), или как «ng» в английском языке. В словах «туңа хан, туңа тикин» наоборот М. Кашгарский применяет велярный носовой согласный звук «ŋ» (кырг. «ң»). Таким образом, на основе этих заключений подтверждается другая гипотеза С. Г. Кляшторного, что Тоньюкук и упомянутый в «Тан шу» главнокомандующий армии Кутлуга, Юаньчжень – одно лицо, если даже под словом «юань» понимать не «первенца, первородного» [Кляшторный, 1964. С. 29], а главного или верховного. В. Таскин считает, что причиной исчезновения титула шаньюй и появление титула каган является «закономерным итогом многовековой борьбы между тюркоязычными и монголоязычными народами, закончившейся победой последних» [Таскин, 1986. С. 218]. Форма «каган» («кэхань») - K khâ yân = qaγan впервые встречается у сяньбийцев [см.: полный указатель термина Бичурин, 1998. Т. III. С. 288], тем не менее, сяньбийцы, жуаньжуаны и тюркские племена были связаны с поздними гуннами «генетически и политически» [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 11]. Китайские письменные источники его применяют в отношении верховных вождей империи, например, титулом «каган» обозначали того же Иби Дулу-хана, когда в состав его империи вошли все государства «Басими, Бома, Цзегу, Хосюнь, Чушуйкунь (Чумукунь)» [Малаявкин, 1989. С. 323]. Возможно, таким образом, в древности выделяли хана, когда тот подчинял под себе несколько ханств. И в монгольское время не потерял первоначальную форму (каан – «великий хан»), например, его применяли в отношении Чингиз-хана, когда он подчинил себе несколько десятков больших и мелких ханств. «Ван» обозначал в ней высший титул знатности, соответствующий титулу «князь» [Боровкова, 2005. С. 256].

При этом надо иметь в виду, что казахи титул кагана (хана) приняли «в середине 60-х гг. XV в., его основателями были потомки правителя Ак-Орды Урус-хана Гирей и Джанибек» [Пищулина, 1977. С. 246]. Кыргызы даже в XVIII в. не имели собственного «хана и султана» [Андреев, 1998. С. 51], официально ханский титул появился намного позже, в первой половине XIX в. [Усенбаев, 1999. С. 31], в связи с избранием Ормона Ниязбекова. Так как верховный (главный) вождь должен быть один, а «независимых друг от друга биев» много (фонетический вариант с тюркского «бей», восходящее к понятию «бай» – «богатый», «хозяин», «господин» [Дроздов, 2008. С. 21]), возможно, именно поэтому усуньские князи именовались «гуньмой», где их собственные имена оканчиваются со слогом «ми». Например, Наньдоуми, Лйецзяоми, Сюйми и т. д. Согласно Э. Дж. Пуллиблэнку «ми» – «царь, правитель» [Pulleyblank, 1970. С. 154-160]; К. Сиратори звук «кунь» соответствует кыргызскому – «кэн» («кең»), татарскому – «гэн», чагатайскому – «кан» и т. д. – примерно с одинаковым значением: «большой», «широкий», «великий» [Зуев, 1957. С. 61-73; Бартольд, 1968. С. 399]. Й. Маркварт читает как «Кун-би» (князь) [Маркварт, 1914. С. 64], и наконец по П. Пельо «ми»=«бий» диалектная форма титула «бег», что подтверждается данными источников [Зуев, 1957. С. 61-73]. И наконец: «По утверждению Ли Фана (со слов Ду Ю), термин куньмо-куньми был не только титулом князя, но и этническим наименованием самих усуней. В Ханьскую эпоху эта страна называлась еще Большой Куньми [Күн-бағ]. В связи с этим напомним, что в источниках встречается название обособленного гуннского племени куньми (күн-бағ), переселившегося в Ханьское время из Ордоса на территорию современной провинции Юньнань. Говоря о его обычаях, летописцы характеризуют их как тюркские (туцюэ), и отмечают, что в генеалогическом отношении с сюнну [гуннами] это, собственно, братские племена» [Зуев, 1960. С. 10-13]. Большинство названий из этих титулов (напр., «бий») сохранилось только у кыргызов и казахов. В исторических записях Сыма Цяня встречается также небольшое владение «Ушаньму», которое располагалось «между владениями Усунь и Кангюй». Его владетель нередко «терпел притеснения от соседей; почему с несколькими тысячами своего народа поддался хуннам. Хулугу-Шаньюй женил его на сестре родственника своего Жичжо-князя и поставил правителем его народа в западной стороне» [Бичурин, 1998. Т. I. с. 86-87]. Ю. Зуев полагает, что «равнозначным эквивалентом термина» усунского гуньмо («куньмо – күн-бағ» см. выше) «был титул ушань-му (ou-sin[m] бау=ушин-баг, «усуньский князь»), принятый в 53 г. до н. э. обособившимся усуньским князем Уцзюту [Зуев, 1960. С. 12]. Побывавший в государствах Дайюань, Даюэчжи, Дася и Канцзюй Чжан Цянь узнал, что по соседству

имелись ещё пять-шесть больших государств [Сыма Цянь, 2010. С. 200]. Н. Бичурин считает, что кыргызы прежде обитали на южных сторонах Хотанских гор, и IV в. появились на нынешних местах, на которой, при династии Хань «лежали владения Гюань-ду, Сюсюнь и западная часть усунь» [Бичурин, 1829. С. XXVII-XXVIII].

Далее Геродот сообщает об обряде жертвоприношений скифов, которое совершалось таким образом: «жертвенное животное (в жертву приносили также других домашних животных, в особенности же коней) ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносит жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его. При этом огня не возжигают и не начинают посвящения или возлияния. После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса». Интересен также процесс варки мяса: «Если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости. Кости отлично горят, а в желудках свободно вмещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные. Когда мясо сварится, то приносящий жертву посвящает божеству часть мяса и внутренностей и бросает их перед собой на землю» [Геродот, 2008а. С. 60, 61]. Прошло почти 25 веков, и «В беседе с охотниками удалось узнать о старинном способе варки мяса при отсутствии металлической посуды. В качестве сосуда для варки мяса использовали желудок животного (карын). Туда клали куски мяса с костями и наливали воду. Затем его укрепляли на палках над землей. Раскаляли небольшого размера камни и опускали их по одному в сосуд. Остывший камень вынимали и вместо него опускали раскаленный. Таким образом вода закипала и мясо сваривалось. Этот способ варки мяса носит название «таш боркок». Его описывает в своем словаре К. К. Юдахин, приводя и другие названия: «таш казан» и «таш кордо». Согласно его описанию, так называют сосуд из конской кожи для варки пищи при помощи бросания в него раскаленных камней (он использовался во время военных походов), а также пищу, сваренную этим способом. Очевидно, это один из древнейших способов варки мяса, существовавших у охотников и скотоводов-кочевников» [Абрамзон, 1990. С. 108].

В раннем средневековье под натиском других кочевников саки исчезают, по сообщению китайских источников на место их появляется народ «хунны» (хунь). Вот как сравнивает традиционную одежду хуннов китайские историки: «...Хань узорчатых тканях и полотне промчатся по колючим травам ваших земель, то верхняя одежда и штаны

порвутся в клочья. Это ясно показывает, что их ткани не так прочны и хороши, как одежда из войлока и суннуские шубы. Получаемые вами от ханьцев съестные продукты надо выкидывать, показывая этим, что они не так хороши и вкусны, как кумыс и сыры» [Сыма Цянь, 2002. С. 335-336]. «Натуральный в своей основе характер киргизского хозяйства в дореволюционном прошлом оказывал влияние на одежду основной массы населения. В широком употреблении была одежда, сшитая из грубой шерстяной ткани домашнего производства, выработывавшейся почти в каждой семье, из войлока, шкур и кожи домашних и диких животных. Одно из любимых блюд скотовода (т. е. речь идет о пище скотовода-кыргыза) – кумыс (кымыз) – кобылье молоко, подвергающееся брожению, так же как и мясо» [Абрамзон, 1990. С. 134, 153]. «Весной и летом, в самую молочную пору, киргизы еще изготавливают из коровьего и овечьего молока чрезвычайно острый сыр, который они сушат на солнце и берегут на зиму. Так как у них нет определенного времени для еды, то целый день видишь их с куском этого сыра в руке. Он у них в таком же почете как кумыс» [Киргизы и жизнь их. 1870]

При этом, несмотря на то, что пока нам известны из китайских источников только около 20-и слов на языке хунну, большинство из них, в частности: ch'eng-li «небо»; hier-hō (χiэр-γәи) (титул); eu-ta (wo-lu-to, ao-t'ot) «ордо», имеют явно пратюркские корни, так как «небо» по-тюрски «taŋri» («көк»), титул «yabγu» («йабгу», «жабгу»), «ordo» – ставка, на это ученые указывали ещё раньше. Они и дали «право ряду исследователей – Хирту, Панову, Ширатори и другим утверждать, что словарь гуннского языка в основном – древнетюркский» [Бернштам. 1998. С. 195]. Обоюдоострую боевую секиру, как выше показано, хунны называли «кынгырак» (пратюрк. *kiŋrak* («обоюдоострый кривой нож»). Но здесь мы не намерены рассматривать всю этническую принадлежность хуннов, на этой проблеме более подробно остановился известный синолог [Таскин, 1968. С. 7, 9 и др.], и не стоит спорить с Кызласовым [Кызласов, 2001. С. 119-124], так как лингвисты пришли к противоположному выводу, который, по их мнению, имеет революционное значение – индоевропейские, уральские, картвельские, семитохамитские, дравидийские и алтайские праязыки являются потомками одного общего предка. Его назвали «ностратическим» (от латинского *poster* – «наш»). Например, сравнение данных «антропологического анализа черепов древних жителей Южной Сибири и Западной Монголии, оказавшихся европеоидами – пришельцами с Запада, заставляет полагать, что когда-то в глубокой древности носители алтайских языков жили недалеко от Передней Азии, а именно в Средней Азии» [Луговской, 2005].

В отношении языка корни слов среднеазиатских тюрков уходят ещё дальше вглубь времен. Например, возьмем авхатов (у некоторых авторов они же авхеты, евхеты, липоксаи), которые согласно Геродоту, были скифским племенем, произошедшим от Липоксая, старшего сына Таргитая [Геродот, 2008а. С. 5-7]. Так вот, по мнению Ю.Н. Дроздова племенное «название «авхат» (Ауχат)» по составной части разделяется «на авха-т». «Первая составляющая ав – это тюркоязычное слово «aw» или «au» (у кыргызов и казахов «аң») – «охота». Вторая составляющая ха – это искаженный аффикс образования прилагательного «гы» (у кыргызов «чы», казахов «шы»). Последняя составляющая т – это сокращенный вариант аффикса обладания «ты», который в данном случае играет роль племенного маркера. Таким образом, исходное название этого племени было «аугыты» с семантикой «охотничье племя». С позиции тюркского языка слово «таргитай» также состоит из «таргы», с древнетюркского «тарыг» – земледелец; «Липоксай – «святой род» имеющий (защищающий) границу, т. е. свою страну» [Дроздов, 2008. С. 15]. По-тюркски «тариг» – зерновые растения, у огузов просо, которое М. Кашгарский считает неверным, остальные тюрки называли пшеницу «таригом», а глагол «тари» – обозначал «пахать» [ДЛТ, 2005. С. 354, 939]. По-кыргызски «таруу» (по-казахски – «тары») – просо, из которого делают бузу, (боза, бозо, максым) – легкий хмельной напиток. Максым и буза фигурируют и в словарях крымских татар – боза, махъсыма; названия которых восходят к древнетюркскому «buxsum – напиток из проса, буза». Кыргызы говорят: «сары каймак бозо» это значит – самая крепкая, лучшая буза (из проса). Похожий хмельной напиток («набида») упоминается и у Ибн Фадлана [Путешествие Ибн-Фадлана, 1939. С. 61].

В связи с этим вызывает интерес и сведения о сакском племени «хаомаварга» (у Геродота и античных авторов – амюргии), т. е. «варящие хаому – дурманящий напиток», которые в античные времена населяли долину реки Мургаб. Ученые лингвисты ничего определенного о растении «Хаома» не могут сказать, среденезиатские народы до сих пор пользуются некоторыми «дурманящими напитками» с давних времен. «Из местных наркотиков основным является особо приготовленный жевательный табак насыбай, закладываемый за нижнюю губу» [Абрамзон, 1990. С. 162] – вид некурительного табачного изделия (насвай, насыбай, нас), традиционный для Средней Азии.

Таким образом, приведенные Н.А. Баскаковым китайские заимствования в тюркских языках, такие как «şanaq» (посуда) < кит. chin (тюрк. çini – «фарфор») + ajaq (чашка) > şanaq [Баскаков, С. 1-2] (т. е. получается как бы «китайская чашка»), вызывает сомнение, так как сами китайцы никогда не называли свою страну ни Китаем, ни Чиной

(Chin), а строили название по шаблону «Великое-такой-то династии-государство» (Дай-цин-го, Дай-мин-го, Дай-юань-го и т. д.). Или же они использовали географическое описание своей страны типа Тянь-ся (Поднебесная империя) или Чжун-го (Срединное государство). По примеру таврения скота (лошадей, быков и т. д.) родовыми тамгами, которое применяется у народов Центральной и Средней Азии раньше чем в «Словаре тюркских языков» М. Кашгарского и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [Зуев, 1960б. С. 96-97], мы видим, что некоторые древние петроглифы и тамги тождественны с китайскими иероглифами. Н.А. Баскаков не учитывал и этого, и Махмуд Кашгарский, который в свою очередь указывает, что «У народов Мачин и Чин свой язык, но горожане свободно владеют тюркским. Они пишут нам свои послания на тюркском» [ДЛТ, 2005. С. 69].

Поэтому нельзя отрицать о возможной первичности иероглифов у тюрков. Возможно, китайские переписчики знали некоторые среднеазиатские слова, но весьма поверхностно, ещё до хуннских или тюркских времен. Однако они не могли в точности использовать их в виду значительного несовпадения с фонетическим строем китайского языка. Если так, то предположение С. Абрамзона о том, что для определения возраста лошадей по состоянию зубов, применяемый у кыргызов термин «асый» (а + сый) связана с дунганским и китайским словом «суй» [Абрамзон, 1990. С. 97-98] может подвергаться сомнению, так как на телеутском языке «азый» это – годовалый, старый; на матырском – коренный зуб [САА, 1884. С. 6].

Названия народов часто менялись, однако их язык, что самое главное, хозяйственный уклад, основанный на скотоводстве; а также материальная культура (жилище, одежда и т. д.); обычаи, обряды оставались прежними. Например, несмотря на то, что само название «усунь» происходит с иранского языка и на рубеже эр звучал как «асман» (*ah-сman <*asman – «небо»; древнеинд. языке aśman – скала, каменное орудие, каменный молот, небо) [Зуев, 2002. С. 24; Гамкрелидзе, Иванов Вяч. Вс., 1984. С. 667], дошедшие до нас некоторые их слова, такие как «кунь-ми» (кун-бей), «да-лу» (улуг) «гунчжу» (кунчуй), «чэ-янь» (чаян) «фу-ли» (бури – волк), «ань-жи» (эр – мужчина) и др. имеют тюркские корни [Зуев, 1957. С. 61-62; Бернштам, 1998. С. 194]. Выше видели, что у хуннов небо называлось «кёк», оказывается название усуней также связано с небом, и тем не менее ученые до сих пор не могут внятно объяснить происхождение слова «гёк» («кёк») тюрков.

По характеристике китайских историков усуньцы «не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходятся с хуннами. В их владении много лошадей, и богатые содержат их от 4.000 до 5.000 голов. Народ суров, алчен, вероломен, вообще склонен к хищничеству. Усунь считается одним из сильнейших владетелей. Прежде он был под зависимостью хуннов; впоследствии, усилившись, подчинил себе многие другие владения, и отказался от поездок в орду хуннов. Владения его на востоке смежны с хуннами, на северо-западе с Кангюем, на западе с Даванию, на юге с разными оседлыми владениями». Внизу дается комментарий: «Ши-гу (т. е. Янь Ши-гу) пишет: усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их» [Бичурин, 1998. Т. II. С. 196, комм. 1].

Вот как описывают те же китайцы в XVIII в. кыргызов: «Буруты (собственно Кэргизы) есть название кочевого народа, обитающего между Аньцзичжаном и Кашгаром. Земли его обширны и многолюдны. Владельцы их называются Би. ...Обыкновения и язык сходны с Туркистанскими; а если есть разница, то небольшая. Живут в войлочных кибитках; занимаются скотоводством; питаются мясом; вино делают из коровьего и кобыльего молока, как и у Ологов. ...Кэргизы бедны, но отважны: не дорожат жизнью. Падки на корысть, склонны к хищничеству, храбры на войне. Казаки и Болуры боятся их. Даже Чжунгары, во время своего могущества, не могли покорить их под свою власть. Они грабли как Туркистанцев, выезжавших за границу, так и иностранцев, приезжавших на Новую линию для торговли» [Бичурин, 1829. С. 147-148]. В свою очередь и русские исследователи отмечали, что: «презирающие общественные добродетели, преимущественно отличаются жестокостью и зверонаравием от всех смежных с ними народов. Они, занимаясь беспрестанно одними набегами, хищением и убийством, не слагают с себя оружия ни в какое время... Безначалие, грабежи, убийства киргизов, конечно, происходят от невежества, грубости, корыстолюбия, хищничества и мстительности их, но пороки сии существуют, распространяются и наносят им разные бедствия только потому, что нет силы для удержания оных, нет власти, которая бы укрощала их и пеклась об общем благе» [Левшин, 1996. С. 143, 374]. «Черные киргизы пользуются у всех своих соседей весьма дурной славой. Мне характеризовали их как людей хитрых и ненадежных, любопытных и льстивых, всегда много обещающих и никогда не выполняющих принятых на себя обязательств. Но особенно сильную

ненависть они вызывают у своих соседей грабежами и военными набегами, во время которых проявляется полное единство всего народа, которое напрасно стали бы искать у казаков. Я прожил у черных киргизов слишком мало и потому не могу высказать какие-либо суждения о них. Однако я твердо убежден, что они гораздо лучше, чем о них говорят. Веками для своих соседей были точно мяч: то калмыки, то китайцы, то притесняли их и наносили ущерб их имуществу. Разве удивительно, что такой воинственный и отважный народ, как черные киргизы (а эти качества признают за ними все их враги), старается отомстить своим соседям за обиды?» [Радлов, 1989. С. 352-353].

По многочисленным археологическим данным и письменным источникам также проявляется довольно отчетливо, что в VI – XI вв. на развитие материальной культуры в Южной Сибири существенное влияние начала оказывать миграция (т. е. переселение) народов из Средней Азии. Даже столица Уйгурского каганата (VIII – IX вв.) город Карабалгасун (Орду-балык) был построен по согдийскому, а не по китайскому образцу [Барфилд, 2009. С. 130]. Переселение оказалось могучим катализатором и в политическом отношении всего региона, которое обнаруживается в желании налаживании связей китайских императоров с кыргызами. «Связи Китая с кыргызами, по свидетельству китайских источников, начинаются с 632 г., когда Тайцзун отправил в их владения посланника Ван И-хуна. После этого вплоть до периода правления Тяньбао (742-755 гг.) в источниках регулярно отмечаются приезды кыргызских посланников к китайскому двору» [Супруненко, 1963]. Из Средней Азии вместе с материальными культурами переместились и породистые кони, особенно письменность – в основе которой лежали рунические знаки. Почти вплотную подошёл к разрешению этого вопроса и Н. Аристов, который по сути понимал, что применение в Южной Сибири рунической письменности каким-то образом связано с кыргызами. Он решил этот вопрос более лёгким путём «так как на Енисее имеется много надписей руническими письменами, которые употреблялись тукиюесцами и сохранились на двух памятниках первой половины VIII века на Орхоне, то кагасы употребляли, конечно, и руническое письмо. Однако, по низкой вообще степени цивилизации кагасов, можно с наибольшей вероятностью полагать, что, во-первых, оба рода письмен были в употреблении, в среде самих кагасов, разве только у шаманов, да и теми были со временем позабыты, и что, во-вторых, письма ажо, по которым всего ближе китайцы могли ознакомиться с употреблявшимися у кагасов письменами, были писаны, вероятно, уйгурскими писцами, которые, конечно, употребляли свои тогдашние

письмена» [Аристов, 2001. С. 151]. Как видим ему также не хватало дополнительных источников.

В связи с этим вынуждены будем обратиться на историю развития рунической письменности, в которой ряд исследователей выделяет три этапа. Самому архаичному относятся памятники Семиречья 6–7 вв. (датировка С.Е. Малова и А.И. Батманова) и Енисея 6–10 вв. Отсюда можно было сделать вывод, что место возникновения рунического письма – Таласская долина. Однако такой вывод был бы возможен лишь при условии подтверждения ранней – 6–7 вв. – датировки таласских памятников. Новые чтения рунических надписей на валунах, предложенные С.Г. Кляшторным, сопровождались передатировкой этих памятников (8–9 вв.). Таласские рунические надписи на валунах и скалах близки к орхоно-енисейским и типологически, и по палеографии. В отличие от больших орхонских надписей таласские надписи высечены менее тщательно, без предварительной разметки площади текста. Это обстоятельство приводит некоторых исследователей к выводу, что таласские надписи являются более древними [Джумагулов, 1987. С. 19].

В подтверждении этой версии весной 1970 года на окраине города Иссык, что в пятидесяти километрах к востоку от Алматы, археологами Академии наук Казахстана был раскопан один из так называемых царских курганов сакского времени. Среди различных посуды (которых было до тридцати предметов) находилась серебряная чашечка с загадочной руноподобной надписью. Вот некоторые знаки по описаниям ученых: «знак $a(\ddot{a})$ » употреблен дважды, он широко представлен в тюркской рунике Таласа и верховьев Енисея в том же значении. «Знак s » соответствует таласскому и енисейскому руническому «знаку s мягкого, слога, а также орхонскому « $s\sim\dot{s}$ мягкого или (реже) твердого слога». Знаки z тождественны руническому «знаку z » таласских и енисейских надписей, руническому знаку « z орхонских» надписей 8 в. и т. д. [Аманжолов, 2003а. С. 217-218]. Обнаруженный источник более определенно доказывает, что руническая письменность существовала в Средней Азии ещё в эпоху хуннов и позже была перенесена в Орхон – Енисей.

Выше видели, что обозначающих древнетюркских титулов знатности «бий» («бег» «бей», «бай», кит. «цзюнь»), а также «фу-ли» (бури – волк), «ань-жи» (эр – мужчина), «даюань» (перевал), «ордо» (ставка) и т. д. впервые были зафиксированы китайскими письменными источниками во владениях Ушаньму, Усунь – т. е. в Средней Азии, в конце

I тысячелетия до н. э. и в начале I тысячелетия н. э. Если последовать по хронологиям далее титул «бей» появляется в китайских хрониках когда кыргызское владение уже простиралось на восток «до гулигани» (т. е. до Байкала). Тогда «Хягасский владетель имел трех министров, которые были Гйеси Бей, Гюй-шабо Бей и Ами Бей» [Бичурин, 1998. Т. I. С. 362]. В XVIII в. этот термин, имеющий прямое отношение к кыргызам опять упоминается в хрониках «Си-юй-вынь-цзянь-лу» и «Си юй чжи», но уже в Тянь-Шане [Бернштам, 1946. С.128; История Киргизской ССР., 1984. С. 465]. То есть если последовательно идти по пути этого термина, то выявляется полная версия передвижения кыргызов, указанных в устных преданиях.

Таким образом, в конце можно будет заключить, что изложенные авторами в виде предания или преданий исторические версии очевидны сами по себе; они явились результатом невыдуманных фактов. Как видели по существу, во многих местах они подтверждаются и первоисточниками, кардинально не отличаются от них, если отличаются – только в деталях и некоторых названиях. Точность фактов и достоверность сведений, изложенных в этом списке можно встретить также в археологических и лингвистических исследованиях, несмотря на это иногда в них допускались ошибки, связанные с разными этнонимами и культурами. Тем более ясные и недвусмысленные сведения о доминирующей роли кыргызов, хотя и отрывочно, встречались в разных источниках. Список Т. Алымбекова является лишь дополнением их. Несмотря на сложность чтения и восприятия список в сущности, и в соответствии с другими источниками охватывает более полную картину событий из истории огузов, дает для науки ряд достоверных сведений до периода арабского нашествия. Все вышеприведенные исторические факты также показывают, что китайские и другие восточные письменные источники в отношении народов Средней Азии носят крайне противоречивый характер и требуют дополнительных материалов и исследований. Именно из-за этих причин большинство авторов в некоторых своих исследованиях в период образования древних городов Присырдарьи, вынуждены были занижать истинно историческую роль огузов. Вместе с тем в связи с недостаточностью достоверных фактов, наблюдались тенденциозность подтягивания всех летописных событий, относящихся к началу I тысячелетия н. э. как можно ближе к Южной Сибири.

Приведенные примеры в совокупности ещё раз подтверждают актуальность проблемы возникновения и образования государства огузов в целом и их взаимоотношения с остальными тюркоязычными народами в конце I тысячелетия до н. э.

и в начале I тысячелетия н. э. Тем не менее опубликованные в последнее время некоторые исследования по своим содержаниям вселяют надежду, что в будущем будет восстановлена историческая справедливость в отношении подлинности данной рукописи, первоначально изложенной в преданиях Балыкооза, которые, как видели выше, соответствуют большинству источников, относящихся к истории Средней Азии.

Библиографический список использованной литературы

- Абрамзон С. М. Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня // Этническая история народов Азии. М., 1972.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. / Авт. вступ. ст. С. Т. Табышалиев. Ф., Кыргызстан. 1990. 480 с.
- Абдыракунов Т. «Манас» эпосундагы «Көзкамандар окуясы» жана тарых чындыгы. // Ала-Тоо. №9. 1988.
- Абулгази – Родословное дерево тюрков. Сочинение Абул-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г. С. Саблукова, в кн. «Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Т. 21, в. 5-6. Казань, 1906.
- Абу Райхан Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. / Перевод А. М. Беленицкого. Л., АН СССР. 1963. 519 с.
- Абу Са'ид Гардизи. Зайн ал-Ахбар. Таш., «Фан». 1991. 146 с.
- Агаджанов С. Г. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана. // Известия АН Туркменской ССР. 1977, № 4, Сер. общественных наук.
- Азбелев П. П. Кыргызы и Китай: о пределах доверия к летописям. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Материалы VIII международной конференции, г. Горно-Алтайск, 19-23 сентября 2007 года). Том I. Горно-Алтайск: 2007а.
- Азбелев П. П. Об инновациях IX в. в южносибирских культурах. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 6. Горно-Алтайск, 2007б.
- Азбелев П. П. Первые кыргызы на Енисее. // Вестник СПбГУ. 2008. Серия 12. Вып. 4.
- Азбелев П. П. Общество и государство енисейских кыргызов в VII-VIII вв. // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 12. Вып. 4.
- Азбелев П. П. Древние кыргызы. Очерки истории и археологии. kronk.narod.ru/mono/mono.htm
- Алымбектин санжырасы (Санджира Алымбека). Б., 2007. 145 с.
- Аманжолов А. С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. А.-А., 1959. 452 с.
- Аманжолов А. С. Қазақ тілі теориясының негіздері = Основы теории казахского языка. А., Ғылым, 2002. 368 с.
- Аманжолов А. С. Генезис тюркского рунического алфавита. / А. С. Аманжолов. А., rizvanhuseynov.com/2012/09/10.html 2003а.
- Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. А., Изд. «Мектеп». 2003б. 368 с.
- Андреев И. Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков (период с 1785-1790 гг.). А., Ғылым, 1998. 279 с.
- Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. // Живая старина. Вып. III-IV, 1894.
- Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Б., Илим, 2001. 582 с.
- Археологические памятники Таласской долины. Ф., 1963. 264 с.

- Асанов Т. Кочкор-Башы Караханий түрктөрүнүн байыркы шары (Кочкор-Башы – древний город тюрков-караханидов) //Манас университети. Коомдук илимдер журналы. Б., 2002.
- Афанасьев Ю. Н. Я должен это сказать. Политическая публицистика времен перестройки. М., 1991. 392 с.
- Ахмад ал-Балазури. Книга завоевания стран. //МИТТ, Т. I. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л. АН СССР. 1939.
- Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древние города Казахстана. А.-А., 1971. 212 с.
- Байпаков К. М. Древние города Казахстана. А., 2007. 210 с.
- Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. А.-А., 1986. 256 с.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). А., 2005. 236 с.
- Байпаков К. М. Древний и Средневековый Отрар. //otrarmuseum.kz/kz/.../348-drevnij_i_srednevekovyj_otrar_k_m_bajpak...
- Бактыгулов Дж. Формирование кыргызского народа. //Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. (Материалы Международной научной конференции, посвященной 1000 летию эпоса «Манас» 22-24 сент. 1994 г.)- Б., Кыргызстан, 1996.
- Бан Гу. История ранней династии Хань (Цянь хань шу). //Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Пер. В. С. Таскина. Вып. 2. М., «Наука». 1973. 168 с.
- Бартольд В. В. Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893 – 1894 гг. СПб., Типография Императорской Академии наук, 1897. 198 с.
- Бартольд В. В. Работы по Средней Азии. /Собр. Соч. М., Вост. лит., 1963. Т. II. Ч. 1. 1020 с.
- Бартольд В. В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. /Собр. Соч., Т. II. Ч. 2. М., «Наука», 1964. 658 с.
- Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. /Собр. Соч. М., «Наука», 1966. 785 с.
- Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. /Собр. Соч. М., «Наука», 1968. Т. V. 759 с.
- Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М., Вост. лит. 2002. 706 с.
- Барфилд Т. Дж. Опасная граница: Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). /Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. СПб., Факультет филологии и искусств СПбГУ; «Нестор-История» 2009. 488 с.
- Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. М., Выс. школа. 1969. 384 с.
- Баскаков Н. А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках. //Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday. Istanbul, 12 October 1987.
- Бернштам А. Н. Источники по истории киргизов XVIII в.. //Вопросы истории, 1946. № 11-12.
- Бернштам А. Н. К вопросу о происхождении киргизского народа //СЭ. 1955. №2.
- Бернштам А. Н. «Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». //Бичурин, 1998. Т. 1.
- Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. В 2-х томах. Т. II. Б., «Айбек», 1998. /Изд. Фонда «Сорос-Кыргызстан». //Сост.: Ташбаева К., Ведутова Л. 704 с.

- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Часть 1. Переведено с китайского. СПб., 1829. 270 с.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Средняя Азия и французские ученые. //Москвитянин, 1848, ч. 3, № 6, отд. Науки.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л., 1950. 382 с.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-III. А., 1998.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. А., 1998. LLXIV+390 с.
- БСЭ – Большая Советская энциклопедия, Изд. 3, Т. 10. М., 1972.
- Болдина А. Калпак кыргызский – больше чем калпак. //Дело №... от 21. 10. 2011.
- Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989. 181 с.
- Боровкова Л. А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., ИВИ РАН. 2005. 315 с.
- Бөөмбаев Насирдиндин санжырасы (Санджира Боомбаева Насирдина). Б., 2011. 91 с.
- Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II, СПб., 1871. 416 с.
- Бутанаева И. И., Бутанаев В. Я. Актуальные проблемы истории тюрков Саяно-Алтая //Материалы международной конференции. Бишкек, ноябрь 2001. Вып. 1. История стран Центральной Азии – совместное видение методологических проблем. Б., 2002.
- Валиханов Ч. Ч. //Собрание сочинений в пяти томах. А.-А., Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, Т. 1. А.-А., 1984. 432 с.
- Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах. //Собрание сочинений в пяти томах. А.-А., Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. II. 416 с.
- Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М., Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатии А.А.Левенсонъ. Петровка, домъ Левенсонъ 1893. 267 с.
- Вернадский Г. М. Маршруты Ферганской долины. http://www.skitalets.ru/books/fergan_dolina/index.htm
- Византийские историки: Дексипп, и др. //Перевод с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860. 496 с.
- Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. //ТКАЭЭ. Т. 1. М., 1956.
- Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов. //СА. XVI. М.-Л., 1952. С. 163-205.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы; реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси. 1984. 1330 с.
- Геродот. История (в девяти томах). 2008а. Библиотека «Вехи» Т. IV.
- Геродот. История (в девяти томах). 2008б. Библиотека «Вехи» Т. VII.
- Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии: Завоевания и преобразования. М., Центрполиграф, 2010. 573 с.
- Горбунов А. П. Географические имена в горах Центральной Азии. Ebookbrowse.com/geographical-names-in-t...
- Горячева В. Д., Перегудова С. Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2.
- Грач А. Д. Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов. //Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л., 1984.

- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. вып. 1. Л., 1926. 1330 с.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Реферат //Известия государственного географического обществ. Л., 1934. Т. 66. Вып. 1.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., «Товарищество Клышников-Комаров и К», 1993. 526 с.
- Гумилёв Л. Н. Три исчезнувших народа. //Страны и народы Востока: География, этнография, история. М., 1961. Вып. II.
- Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. М., Айрис-пресс, 2008. 384 с.
- Дёрфер Г. О языке гуннов //Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литература. М., 1986.
- Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах. //История Казахстана в персидских источниках в 5-и томах. Т. 1. /Отв. ред. А.К. Муминов. А., Дайк-Пресс, 2005. 416 с.
- Джамгерчинов Б. Из генеалогии киргизов. //Белек /подарок/ С. Е.Малову. Ф., КирФАН, 1946.
- Джувейни – Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан: История завоевателя мира. Часть 1. /Перевод с текста Мизры (? Мирзы) Мухаммеда Казвини, на английский язык Дж. Э. Бойла, с предисловием и библиографией Дэвида О. Моргана. /Пер. с английского Е. Е. Харитоновой. М., «Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС». 2004. 689 с.
- Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии Выпуск 3. Ф., 1987. 167 с.
- ДЛТ – Диван Лугат ат-Турк Махмуда ал-Кашгари. /Перевод, предисловие и комм. З.-А. М. Ауэзовой. А., «Дайк-Пресс», 2005. 1288 с.
- Дроздов Ю. Н. Тюркская этнонимия древнеевропейских народов. М., Изд. ООО «Опора» 2008. 392 с.
- Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (По материалам раскопок курганов). //СА. М., 1957.
- Елеуов М. Шу мен Талас өңірдерімен ортағасырлық қалалары (VI-VIII ғ. басы). [Средневековые города в долинах Чу и Талас(VI – нач. VIII вв.)]. Автореферат /Елеуов М. Алматы, [б. и.], 1999. 51 с.
- Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков //Труды Института этнографии (ТИЭ). М., 1950. Т. IX.
- Жолдошов Р. Ж. Енисейлик жана Теңир-Тоолук кыргыздардын этникалык байланыштары жөнүндөгү гипотезалар (Гипотезы о этнических связях енисейских и тьянь-шанских кыргызов). //Вопросы истории Кыргызстана. №1. 2006.
- Жуасов Қ. Тарихқа жасалған қиянат. «Түп-түқияннан өзіме шейін» кітабындағы жасандылық пен жалғандық (Преступление против истории. Поддельность и ложность в книге «От самых дальних предков до самого себя»). //Отан тарихы. 1999. №2.
- Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. – V в. н. э. //Страны и народы Востока, т. X. 1971.
- Заки Валиди Тоган. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, «Китап», Кн. II, 1998. 368 с.
- Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар. М., 2003. 496 с.

- Закиров С. Кыргыз санжырасы (Санджира кыргызов). Б., Гл. ред. Кыргыз энциклопедиясы. 1996. 429 с.
- Зеланд Н. Д. Киргизы: этнологический очерк. СПб. [б.и.], 1885. 78 с.
- Зуев Ю. А. К вопросу о языке древних усуней. //Вестник АН КазССР. №5 (146), 1957.
- Зуев Ю. А. К этнической истории усуней. //ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. А.-А., 1960.
- Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. //Труды истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Т. 8. 1960б.
- Зуев Ю. А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. //Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы-М.: 1998.
- Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. А., «Дайк-Пресс». 2002. 338 с.
- Зуев Ю. А. Самое сильное племя //Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака. Материалы международного круглого стола. А., Дайк-Пресс, 2004.
- Ибн Хаукал. По изданию De Goeje (BGA, II). С. 397-398. //Труды Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. IV. Таш., 1957.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, «Элм». 1986. 428 с.
- Ионина Н. 100 великих некрополей. М., 2004. <http://lib.rus.ec/b/144743/read>
- Ильхамов А. (отв. ред.) Этнический атлас Узбекистана. Таш., Институт «Открытое Общество» 2002. 455 с.
- Исаев Д. Жер-суу аттарынын сыры (Загадки географических названий). Ф., 1977. 152 с.
- История ат-Табари. пер. с араб. Беляева В. И. Таш., «Фан». 1987. 440 с.
- История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. /Гл. ред. В. М. Плоских. Т. 1. Ф., 1984. 800 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах). /Отв. ред А. П. Окладников. М., «Наука», 1968-1969. 2600 с.
- История Якутской АССР, Т. 1, М.-Л. 1955. 432 с.
- Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина: Архивные материалы и публикации А.-А., 1973. 382 с.
- Камолитдин Ш. К вопросу об этногенезе узбекского народа. //Туркология (Казахско-Турецкий университет им. А. Яссави, г. Туркистан), 2004, № 1.
- Камолитдин Ш. С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. Таш., «Шарк», 2006. 188 с.
- Караев О. К. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляции ими местных племен в XIII-XV вв. //СЭ. 1966. №4.
- Караев О. К. Арабские и персидские источники IX-XII вв. о киргизах и Киргизии. Ф., 1968. 100 с.
- Караев О. К. К вопросу терминах кыргыз и хакас. //Народы Азии и Африки. 1970. №4.
- Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., «Наука», 1976. 323 с.
- Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Таш., Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1903. 100 с.
- Киргизы и жизнь их. //Нива. 1870. № 40.
- Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 635 с.
- Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV –XIX вв. А., Гылым, 1994. 272 с.

- Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. //Проблемы востоковедения. 1959, № 5.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., «Наука». 1964. 214 с.
- Кляшторный С. Г. Кипчаки в рунических памятниках. /Turcologica: К 80-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1981. С. 153-164.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. А.-А., «Рауан» 1992. 375 с.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане. //Суяб. Ак-Бешим. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб: 2002.
- Кляшторный С. Г. Юэчжи и гунны. //Материалы Международной научно-общественной конференции к 100 летию со дня рождения Ю. Н. Рериха. М., 2003. 384 с.
- Кляшторный, Савинов, 2005. – Степные империи: рождение, триумф, гибель. //Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кляшторный С. Г., Мокеев А. М., Мокрынин В. П. Основные этапы этногенеза киргизского народа. //Тюркология - 88. Ф., 1988. № 2.
- Князев А. А. Надо найти способы возвращения Киргизии к нормальному состоянию. www.fergananews.com
- Кожа М. Изображения древнетюркских богов на резном дереве из Отрарского оазиса. //Түркологиялык жинак. Астана. 2012.
- Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Ф., Изд. АН Киргизской ССР. 1959. 183 с.
- Кожемяко П. Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. //Известия АН Киргизской ССР, вып. 3. 1960. Т. II.
- Конкашпаев Т. К. Словарь казахских географических названий. А., Изд. АН Казахской ССР 1963. 184 с.
- Кононов А. Н. Опыт анализа термина «турк». //СЭ. 1949. № I.
- Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Абакан. 2004. 336 с.
- КОС – Қазақша-орысша сөздік (Русско-казахский словарь). А., Дайк-пресс, 2002. 1008 с.
- Косменко М. Г., Кочкуркина С. И. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. 210 с.
- КРО – Казахско-русские отношения в XVII-XVIII веках: Сборник документов и материалов. /АН Казахской ССР. А.-А., 1961. 746 с.
- Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. //Сб.: Средняя Азия в древности и Средневековье. М., 1977.
- Курбангали Халид. Тауарих хамса: (Бес тарих) («Очерки истории пяти восточных народов»). /Пер. Б. Тотеноева, А. Жолдасова. А., Казахстан, 1992. 304 с.
- Кызласов Л. Р. Раскопки древнего Баласагуна. //Вестник МГУ. 1953, №11.
- Кызласов Л. Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953–1954 гг. //Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXVI, М.–Л. 1957.
- Кызласов Л. Р. Еще раз о терминах «хакас» и «кыргыз» //СЭ. 1971. № 4.
- Кызласов И. Л. О самоназвании хакасов. //ЭО. 1992. №2.
- Кызласов И. Л. Первый Тюркский каганат и его значение для Восточной Европы. //Древности Алтая. 2001. № 6.
- Кызласов И. Л. Стратегия археологических экспедиций: опыт Л. Р. Кызласова в отыскании и изучении городов Средней Азии. //Археологическая экспедиция:

- новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008.
- Кыргыздар: санжыра, тарых, мурас, салт (Кыргызы: родословная, история, наследие, традиция. /Сост. К. Жусупов. Б., «Кыргызстан», 1991. 576 с.
- Кыргыз санжырасы (Родословие кыргызов). Б., /Ала-Тоо журналынын редакциясы, 1994. 286 с.
- Кыргыз Тарыхы (История кыргызов). //Энциклопедия. Б., Мамл. тил ж-а энциклопедия борбору, 2003. 464 с.
- Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., Изд-во вост. лит., 1961. 391 с.
- Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., «Восточная литература». 1995. 312 с.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под. общ. ред. М. К. Козыбаева). А., Санат, 1996. 656 с.
- Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. 859 с.
- Луговской И. Родство языков и древнейшая история. //www.elektron2000.com
- Маявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: 1989. 432 с.
- Манас. Ф., Кыргызмамбас. 1958. Т. 1. 343 с.
- МЭ – Манас энциклопедиясы (Энциклопедия Манас). Т. II. Б., Кыргыз энциклопедиясынын башкы редакциясы, 1995. 432 с.
- МАНАС: Героический эпос кыргызов. Подстрочно-смысловый перевод с кыргызского Б. Жакиева, Первая часть трилогии. Б., Бийктик, 2013.
- Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей: с древнейших времен до X в. н. э. Изд. АН Таджикской ССР, 1957. 180 с.
- Марвази – Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази. Перевод из извлечений из «Табаи ал-хайаван» («Природа животных»). РКФ НАН КР. Инв. 5176.
- Маргулан А. Х. //ТКАЭЭ. Ф., Изд-во АН Киргизской ССР, 1959. Т. III.
- Маркварт Й. О происхождении народа куманов. Специальный выпуск «Трудов Королевского Научного общества в Геттингене». //Философия-история, 1914, Т. XIII, № 1.
- Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад. 1966. Т. 13. 298 с.
- Материалы и исследования по археологии СССР. № 14. /Сост. Под рук. А. Н. Бернштама. Л., Изд-во АН СССР 1950. 157 с. с таблицами.
- МИЦА – Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. Таш., Изд-во лит. и искусства, 1988. 92 с.
- МИКК 1 – Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. 1. /Ответ. Ред. В. А. Ромодин, Б., 2002. 315 с.
- МИКК 2 – Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. 2. /Ответ. Ред. К. Джусаев, Б., 2003. 260 с.
- МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении, Том I. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л. АН СССР. 1939. 612 с.
- Машрапов Т. Т. «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (география) Махмуда ибн Вали как источник по истории Кыргызстана XVI – XVII вв. //Вопросы востоковедения и востоковедного образования. Б., БГУ, 2002. Вып. 1.
- Мендешева В. М. Выделка кожи у алтайцев. //Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. Горно-Алтайск, АКИН. 2008. 160 с.

- Мокеев А. М. Этапы этнической истории киргизского народа на Тянь-Шане; //Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20–23 ноября 1988 г.). М., 1988.
- Мокеев А. М. О локализации алтайских киргизов в IX-XVI веках //Кыргызы. Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Б., 1996.
- Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Б., 2010. 280 с.
- Молдобаев И. Б. Эпос «Манас» как источник по истории государственности кыргызов. Б., 2004. 174 с.
- Мукамбаев Ж. Кыргызы тилинин диалектологиялык сөздүгү (Диалектологический словарь кыргызского языка). Б., 2009. 1379 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., Мысль, 1984. 654 с.
- Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь: этнографические очерки о тюрко-монгольском населении Туркестанского края. /Книжный дом «ЛИБРОКОМ» Серия: Академия фундаментальных исследований: этнология. Изд. 2. М., 2012. 146 с.
- Наршахи – Мухаммад Наршахи. История Бухары. /пер. Н. Лыкошина. Таш., Типо-Литография т. д. «О и Г. Братья Каменские». 1897. 126 с.
- Негматов Н. Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.) Душанбе, «Дониш», 1977. 279 с.
- Низам ал-Мульк – Снасет-намэ. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер., ввел. и примеч. Б. Н. Заходера, Изд. АН СССР. М.–Л., 1949. 379 с.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., Мысль. 1966. 512 с.
- Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Империя: Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. М., Изд. «Факториал», 1996. 752 с. Часть 2.
- Образцы народной литературы северных тюркских племен собраны В. В. Радловым. Ч. 5. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., [б.и.], 1885. 599 с.
- Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии, пер. с кит. [Н. Я. Бичурина], ч. 1, СПб, 1829. 269 с.
- Орбели И. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М.-Л., 1961. 285 с.
- Орозбаков Сагымбай. Манас. В 4-х т. Ф., 1978-1982. Т. 2. 1979. 452 с.
- Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Таш., Типо-Литография т. д. «О и Г. Братья Каменские». 1896. 273 с.
- Отто Дж. Маенхен-Гельфен, Принстон, США. 1969. 732 с. /Пер. В. С. Мирзаянова.
- Оуян Сю. Записи по истории пяти династий. //Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Гл. 72, М., «Наука», 1984. 486 с.
- Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Ф., Изд-во АН Киргизской ССР 1963. 144 с.
- Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). А.-А., «Наука», 1977. 289 с.
- ПК – Памятник Кюльтегина.
- ПМ – Памятник Могиляна.
- Подушкин А. Н. Ханьское зеркало из катакомбы могильника Култобе. //Вопросы археологии Казахстана. 2011. Вып. 3.
- Поэты Казахстана. /Вступ. статья, сост., биограф. справки и примеч. М. М. Магауина. Л., 1978. 608 с.

- Поспелов Е. М. Географические названия России. Топонимический словарь. М., «Русские словари», 1998. 372 с.
- Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., Изд. АСТ. 2001. 354 с.
- Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. /Отв. ред. А.П. Окладников. Л., «Наука», 1969. 196 с.
- Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. //Живая старина. СПб., 1917. Вып. 2-3.
- Прох Л. З. Словарь ветров. Гидрометеиздат, Л., 1983. 312 с.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. /Под ред. И. Ю. Крачковского. Изд. АН СССР М-Л, 1939. 193 с.
- Пьянков И. В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки //Записки вост. отделения Российского археологического общества. СПб, 2006а. Т. II (XXVII).
- Пьянков И. В. Западные динлины – первый тюркоязычный народ на территории Казахстана, //Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Актобе, 2006б. Ч. II.
- Пьянков И. В. Проблема динлинов. //Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. А., 2011.
- Пьянков И. В. Иранцы и тюрки в евразийских степях скифского и предскифского времени. //Степи Северной Евразии: материалы VI международного симпозиума и VIII международной школы-семинара молодых ученых «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург, 2012.
- Радлов В. В. Кара-киргизы. Оригинальный вариант: //Из Сибири. Страницы дневника. М.: ГВЛ, 1989. С. 348-354..
- Рашид ад-Дин. Сб. летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. с перс. О. И. Смирновой. Л., АН СССР. 1952. 313 с.
- Рихард Хённиг. Неведомые земли. перевод: Л.В. Вольфсон, Р.З. Персиц. В 4-х т. Том 1. Гл. 30. Т. I. М., Изд-во иностранной литературы. 1961. 516 с.
- РКФ НАН КР_а – Рукописный фонд Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Инв. №364.
- РКФ НАН КР_б – Рукописный фонд Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Инв. № 808.
- РКФ НАН КР_в – Рукописный фонд Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Инв. 5176.
- Ртвеладзе Э. В., Сагдуллаев А. С. Современные мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии. Таш., 2006. 49 с.
- Руденко С. И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыз. //Материалы Особого Комитета по исследованию Союзных и автономных республик. 1927. Вып. 11.
- РУС, 1983. – Русско-узбекский словарь. Т. 1. Таш., Гл. ред. УСЭ, 1983. 808 с.
- РУС, 1984. – Русско-узбекский словарь. Т. 1. Таш., Гл. ред. УСЭ, 1984. 800 с.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху Л., Изд. ЛГУ. 1984. 174 с.
- Савинов Д. Г. Население Среднего Енисея в эпоху сложения скотоводческих обществ (III тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.) //Journal of Turkic Civilization Studies. № 1. Bishkek, 2004. Савинов Д. Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии. //Степные империи древней Евразии. СПб: 2005.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюрские и межтюркские основы на гласные. М., «Наука», 1974. 768 с.

- С.А.А. /Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. /Сост. В. Вербицкий. Изд. Правосл. Миссионерского Об-ва : Тип. В. М. Ключникова, 1884. 494 с. Год изд. на обл.: 1887.
- Семенова Г. Л. Автореферат на тему «Согдийский город V – XI вв., формирование плана: По материалам Пайкенда в Бухарском оазисе и Ак-Бешима в Семиречье» СПб. 2002. 46 с.
- Соколов А. Д. Тогуз-Торау (по новой дороге из Семиречья в Фергану). Верный, 1908. 59 с.
- Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы: Тарыхый очерктер (История кыргызов: Исторические очерки). Т. 1. Б., Учкун, 1993. 208 с.
- Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. //КСИИМК. Вып. 64. 1956.
- Сулейманов М.-Х. Эра Чингисхана в истории казахской нации (степная диалогия). А., 2009. 414 с.
- Султаналиев И. Махмуд Кашгаринин «Диван лугат ит түркү» жана азыркы кыргыз тили (Диван Лугат ат-Турк Махмуда ал-Кашгари и современный кыргызский язык). Б., 2011.с.
- Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов //История и культура Китая (Сборник памяти академика В.П. Васильева). М., 1974.
- Супруненко Г.П. Материалы из китайских источников по истории киргизов XVIII - начала XIX вв. //Отд. Рук. НАН КР. Инв. № 5187.
- Сыдыков О. Тарих кыргыз Шадмания (Родословная кыргызов). Ф., Кыргызстан, 1990. 112 с.
- Сыма Цянь, 2002 – Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи: [в 9 т.]. /Пер. с китайского и комм. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца. М., Вост. лит. РАН, 2002, Т. XIII. 510 с.
- Сыма Цянь, 2010 – Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи: [в 9 т.]. /Пер. с китайского и комм. А. Р. Вяткина. М., Вост. лит. РАН, 2010, Т. IX. 623 с. Гл. 123.
- Табалдиев К. Археологиялык маалыматтар жана кыргыз элинин, маданиятынын калыптануу маселелери. //Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы. 2009. Т. 1. №21.
- Тарих-и Рашиди – Мухаммед Хайдар Дулати. Тарихи-и Рашиди (Рашидова история): Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. 2-е изд., доп. А., Санат, 1999. 656 с.
- Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.1. /Пер. и прим. М., «Наука». 1968. 177 с.
- Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. //Mongolica. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова, 1884-1931. М., «Наука», ГРВЛ, 1986.
- Тенишев Э. Р. Еще раз о происхождении лобнорцев. //VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Тенишев Э. Р. Фууйских кыргызов язык. //Языки мира: Тюркские языки. Б., 1997.
- ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (Материалы научной сессии по этногенезу киргизского народа). Ф., Изд. АН Киргизской ССР 1959. Т. III.
- Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конём древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю). //Тюркологический сборник 1972 г. М., 1973.
- Труды САГУ – Бетгер Е. Извлечение из книги «Пути и страны» Абул-Касыма ибн Хаукаля //Труды Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. IV. Таш., 1957.

- Турганбаев Э. Взаимоотношения кыргызов и казахов во второй пол. XVIII в. и проблемы их исследования. //Вопросы истории Кыргызстана. 2007. №1.
- Туркестанский край /под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шаньского; сост. князь В. И. Масальский. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1913. 860 с.
- Умурзаков С. С четырех сторон горизонта: Очерки по истории географических исследований Киргизии. Ф., «Мектеп», 1983. 112 с.
- Усенбаев К. Ормон хан. Б., АЛЛ-Пресс, 1999.
- Үсөйүн ажы. Кыргыз санжырасы. //«Ала-Тоо» журналынын редакциясы. Б., 1994.
- Файзрахманов Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань. 2000. 188 с.
- Хаукаль – Абу-л-Касим Ибн-Хаукаль. //Труды Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. IV. Таш., 1957.
- Хрестоматия по древней и средневековой истории Кыргызстана (VII в. до н. э. – нач. XIII в.): уч. пос., /Сост. Джуманалиев Т. Д. Т. 1. Б., 2007. 676 с.
- Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). /Пер. с китайского Ю. Л. Кроля. Т. II. СПб. Изд. Вост. Лит., 2001. 407 с.
- Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. Б., /Изд. Фонда «Сорос-Кыргызстан». 1995. 189 с.
- Худяков Ю. С. Кыргызы в Восточном Туркестане. //Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 1000-летию эпоса «Манас» 22-24 сент. 1994 г. Б., 1996.
- Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Соавт. с В. Я. Бутанаевым. Абакан, Изд. Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.
- Худяков Ю. С. Подлог по-«древнехакасски». //Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: 2000.
- Худяков Ю. С. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение). //ЭО. 2001.
- Худяков Ю. С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков //Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. № 12.
- Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. А.-А., 1989. Ч. 2.
- Чериков С. Политики приходят и уходят, а дух останется навсегда. //kabar.kg/rus/kabar/full/31090.
- Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. /Перевод и примечания Б. Г. Каирбекова. А.-А., СП Дастан, 1990. 120 с.
- Шалекенов У. Х. Актобе – средневековый памятник. //История материальной культуры Казахстана. А., 1980.
- Шалекенов У. Х. Город Баласагун в V-XIII веках. А., Жибек жолы, 2009. 272 с.
- Шапырашты Казыбек бек Тауасарулы. Түп-түкияннан өзіме шейін («От самых дальних предков до самого себя») А., 1993.
- Шер Я. А. Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане. //СА. 1963, №4,
- Шмидт Ю. А. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела, в Акмолинской области. //Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Книжка XVII, выпуск II. Омск Типография Окружного Штаба 1894 г., 149 с.
- Шульга П. И. О сходстве и различных памятниках пазырыкской культуры (Алтай) и могильника Цзяохе Гоубэй (Синьцзян). //Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. 2011.
- Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии, //Известия АН Каз. ССР, 1965. № 3.

Юнусалиев Б. М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка.

//Труды ИЯЛ АН Кирг. ССР, 1956, вып. VI.

Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» //СЭ. 1970. № 2.

J. de Groot, Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Берлин, 1921.

Henry H. Howorth «History of the Mongols» Part I «The Mongols Proper and the Kalmuks», London, Longman, Green and Co, 1876.

Laufer B. Sino-Iranica. Publisher, Field Museum of Natural History, Chicago, 1919,

Hudud .., - Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 А Н. – 982 А. D./Tr. and expl. by V. Minorsky.

Pulleyblank E. The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih migration. //Вестник школы восточных и африканских исследований. Т. 33, Вып. 01 (1970).

Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

Турганбаев Элебай

Еще раз к проблемам этногенеза древних огузов
(на примере кыргызов и казахов)

Ответственный редактор К. А. Джумабаев